

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Кафедра теоретического и прикладного языкознания

На правах рукописи

Таушева Александра Николаевна

ВАРИАТИВНОСТЬ ГЛАГОЛЬНЫХ ПРОФИЛЕЙ ТЕКСТА

Специальность 5.9.8. Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель
доктор филол. наук,
профессор Е. В. Ерофеева

Пермь 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. СПОНТАННЫЙ МОНОЛОГ КАК ТИП РЕЧИ	12
1.1. Устная и письменная речь	12
1.2. Монолог и его разновидности	20
1.2.1. Особенности монологической речи	20
1.2.2. Нарратив и описательный монолог	25
1.3. Спонтанный монолог	32
1.3.1. Подготовленность и спонтанность речи	33
1.3.2. Особенности спонтанного монолога	36
1.4. Выводы	40
ГЛАВА 2. ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ РУССКОГО ГЛАГОЛА И ИХ УПОТРЕБЛЕНИЕ В РЕЧИ	42
2.1. Грамматические категории глагола	42
2.1.1. Вид русского глагола	42
2.1.2. Классифицирующие категории русского глагола	57
2.1.3. Словоизменительные категории русского глагола	60
2.2. Употребление грамматических категорий глагола в речи	67
2.2.1. Употребление грамматических категорий в разных текстах	67
2.2.2. Глагольные профили и глагольные гнезда в работах Л. Янда	74
2.2.3. Исследование социолингвистической вариативности употребления грамматических категорий глагола	79
2.2.4. Исследование вариативности употребления грамматических категорий глагола в зависимости от разновидности текста и его темы	86
2.3. Выводы	88
ГЛАВА 3. ГЛАГОЛЬНЫЕ ПРОФИЛИ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПАРАМЕТРОВ ИНФОРМАНТОВ И ХАРАКТЕРИСТИК ТЕКСТОВ	90
3.1. Материал и методы исследования	90
3.2. Реализация грамматических значений глагола в текстах	98
3.2.1. Видовые значения глагола в текстах	98
3.2.2. Значения классифицирующих категорий глагола в текстах	99
3.2.3. Значения словоизменительных категорий глагола в текстах	101

3.3. Реализация грамматических значений глагола в зависимости от текстовых параметров	102
3.3.1. Частоты грамматических значений глагола в устных и письменных текстах	102
3.3.2. Частоты грамматических значений глагола в сюжетных и несюжетных текстах	108
3.3.3. Глагольные профили разных типов текста	115
3.4. Вариативность глагольных профилей текстов в зависимости от социальных параметров их авторов	123
3.4.1. Вариативность частот грамматических значений глагола в зависимости от фактора «пол»	123
3.4.2. Вариативность частот грамматических значений глагола в зависимости от фактора «возраст»	132
3.4.3. Вариативность частот грамматических значений глагола в зависимости от фактора «образование»	142
3.5. Статистический анализ различий между глагольными профилями текстов в зависимости от текстовых и социальных факторов варьирования	152
3.5.1. Методика анализа статистически значимых различий между глагольными профилями	152
3.5.2. Анализ статистических различий между глагольными профилями текстов в зависимости от отдельных факторов варьирования	155
3.5.3. Анализ статистических различий между глагольными профилями текстов в зависимости от сочетаний факторов варьирования	157
3.6. Выводы	161
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	164
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	169
ПРИЛОЖЕНИЕ	183

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее исследование посвящено употреблению глаголов в спонтанных монологических текстах. Использование глаголов в работе рассматривается с трех точек зрения: 1) как насыщенность речи глаголами; 2) как частота реализации конкретных грамматических значений глагола в текстах разного типа; 3) как вариативность частотности грамматических значений глагола в зависимости от социальных параметров авторов текстов.

Поставленная в исследовании проблема – вариативность грамматического оформления текста и конкретно грамматического оформления глаголов в тексте – давно обсуждается в лингвистике. В частности, относительно функций глагола в тексте А. В. Бондарко писал, что грамматические значения глаголов определяют «фрагменты текстов с точки зрения доминирующего отношения к семантике времени, конкретности/обобщенности ситуаций, к семантике модальности, персональности и залоговости (ср., в частности, тексты с доминантой настоящего или прошедшего времени, узуальности, императивности, отнесенности предикатов к 1-му или 3-му лицу, активности или пассивности)» [Бондарко 2013, с. 25]. Следовательно, употребление грамматических значений глагола связывается с определенными разновидностями текстов.

Работа выполнена в парадигме традиционной вариационной (квантитативной) социолингвистики, заложенной в работах У. Лабова. Помимо вариационизма **теоретический базис** исследования формируют типология текстов [Вахек 1967; Виноградов В. В. 1980; Винокур 1998; Журавлев А. Ф. 1988; Николаев 1961; Щерба 1957; Якубинский 1986; McIntosh 1956 и др.], функциональная грамматика [Бондарко А. В. 1976; Бондарко А. В., Буланин 1967, 1976; Горбова 2020; Краткая русская грамматика 1989; Менде и др. 2011; Плунгян 2011а, 2011б; Шелякин 2001 и др.] и грамматика дискурса [Золотова 1979, 2003; Кибрик 2009; Лэнекер 2006; Плунгян 2008; Чейф 2015; Biber 1988; Fleishman 1991 и др.].

Анализ частотности лингвистических единиц вскрывает многие закономерности строения языка [Ерофеева Е. В. 2005; Штерн 1992; Andreev, Zinder

1964; Herdan 1956; Labov 1966 и мн. др.], в том числе выявляет особенности структуры текста [Барт 1978; Белоусов 2008; Виноградов С. Н. 2009, 2010; Дейк 2000; Дридзе 1980; Масленникова 1999; Москальчук 2003; Павлова 2018; Пиотровский 1979; Тулдава 1974; Тураева 1986; Фрумкина 1971; Ягунова 2008 и мн. др.]. Изучение частотных характеристик частей речи в текстах показывает, что их распределение в различных стилях и жанрах может значительно разниться [Журавлев А. Ф. 1988; Земская 1979; Ерофеева, Павлова 2024; Ерофеева Е. В. 2005; Ерофеева Т. И. 2009; Павлова 2018; Худякова 2019; Частотный словарь 1977; Adams 1991 и др.], соответственно, могут наблюдаться различия и в использовании грамматических значений частей речи. Разница в грамматическом оформлении текстов зависит как от социальных, так и от психологических факторов [Богданова и др. 2008; Ерофеева Е. В. 2005; Ерофеева Т. И. 2009; Потапов 2002; Штерн 2006; Doorn, Wyatt, Zoonen 2008; Labov, Waletzky 1966; и мн. др.].

Все сказанное приводит к необходимости рассмотрения распределений частот грамматических категорий, реализованных в формах глагола в текстах одного типа, которые трактуются в данном исследовании как «глагольные профили текста». Термин «глагольный профиль» («профиль глагола») введен Лорой Янда, которая под глагольным профилем понимает «относительное распределение частот флексивных форм слова в корпусе» [Janda, Lyashevskaya 2011b, с. 717] (перевод мой – А. Т.). В настоящей работе глагольный профиль трактуется шире и связывается с разновидностью текста, обусловленной различными текстовыми параметрами (формой текста – устной или письменной, видом текста – сюжетным или несюжетным, типом текста, который в работе понимается как сочетание формы и вида текста), а также социальными характеристиками авторов текстов. Таким образом, глагольный профиль текста – это распределение частот грамматических значений глагола в тексте в зависимости от текстовых и социальных факторов.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения реализации глагольных категорий в спонтанном монологе с учетом социолингвистических факторов. Глагол, являясь вершиной предложения, формирует его структуру в письменной речи и высказывания – в устной. Соответственно, структура текста также связана с реализацией глаголов определенного типа, поскольку они определяют динамику текста [Левицкий 2002; Новиков 1983], что делает его анализ ключевым для понимания речевых механизмов. Кроме того, социальные факторы влияют на выбор словоформ в речи, следовательно, необходимо изучение социальной вариативности грамматических значений глагола в тексте. Таким образом, исследование глагольных профилей текста представляет собой важный шаг в понимании взаимосвязи между языковыми структурами, когнитивными процессами и социально-психологическими характеристиками коммуникантов.

Гипотеза исследования заключается в том, что использование грамматических значений глагола в текстах зависит от совокупности факторов, включающих вид текста (сюжетный и несюжетный), его форму (устную или письменную), а также от социальных параметров (таких как пол, возраст и уровень образования) авторов, продуцирующих текст.

Объектом настоящего исследования являются грамматические значения глаголов в устных и письменных неподготовленных монологах – описаниях изображений разного вида (сюжетного и несюжетного). Спонтанный монолог – это неподготовленный текст, порождаемый в неофициальной и неприужденной ситуации общения [Богданова 2006, с. 288]. Монолог-описание как тип спонтанного текста обладает средней степенью мотивированности/спонтанности и типичным набором соответствующих для спонтанной речи черт [Звуковой корпус 2013]. Благодаря этому он становится важным материалом для изучения вариативности грамматического оформления текста.

Предмет исследования – вариативность глагольных профилей спонтанных монологов в зависимости от формы и вида текста и социальных характеристик его автора, т. е. рассмотрение глагольного профиля как социолингвистической переменной (по У. Лабову).

Цель работы – многоаспектный анализ частоты реализации грамматических значений глаголов в устном и письменном текстах, построенных как монологи по изображениям разного вида (несюжетному и сюжетному), с учетом социальных характеристик авторов текстов.

Для достижения данной цели требуется решение следующих конкретных задач:

- 1) уточнить понятие «глагольный профиль» Л. Янда и сформулировать свое определение, связанное с типом текста;
- 2) собрать материал исследования – устные и письменные тексты описания (несюжетные) и нарративы (сюжетные), авторами которых являются люди с заданными социальными параметрами;
- 3) проанализировать частоты реализации грамматических значений глагола в собранных текстах и моделировать глагольные профили разных форм и видов текстов – письменных и устных, сюжетных и несюжетных;
- 4) проанализировать варьирование глагольных профилей текстов в зависимости от текстовых характеристик и социальных параметров авторов текстов (пола, возраста, образования);
- 5) построить модель варьирования глагольных профилей текстов при сочетании текстовых и социальных параметров.

Материалом исследования стали устные и письменные спонтанные монологи, которые представляют собой описание двух изображений – несюжетного и сюжетного. Авторами монологов (24 человека) были мужчины и женщины со средним и высшим образованием, принадлежащие к двум возрастным группам 20–35 лет и 36–55 лет (выборка информантов была сбалансирована по названным социальным параметрам). От каждого из информантов были получены по четыре текста: устное описание несюжетного изображения;

письменное описание несюжетного изображения; устный нарратив, построенный по сюжетному изображению (комиксу); письменный нарратив, построенный по сюжетному изображению. Всего в результате исследования получено и проанализировано 96 монологов (общее время звучания устных текстов – 108 мин., общий объем полученного и проанализированного материала составил 14 309 словоупотреблений), в которых выделено и проанализировано 2 133 глагола.

Целостный характер исследования был обеспечен **комплексом методов**, применяемых в работе, который включает лингвистический эксперимент как метод получения материала; а также методы анализа материала –грамматический анализ, классификацию, частотный анализ, статистический анализ, графическое моделирование. В связи с большим объемом анализируемого материала его обработка без применения специальных программных средств представляется крайне сложной. В качестве программного инструмента для классификации и частотного анализа использованных в тексте грамматических значений глаголов использовалась Информационная система «Семограф» (<http://semograph.org>).

Новизна исследования заключается в том, что в работе 1) применен новый подход к анализу реализации грамматических значений глагола в тексте с учетом формы, вида и типа текста, а также социальных параметров его автора; 2) впервые построена модель варьирования глагольных профилей текста в зависимости от указанных параметров и их сочетаний; 3) определены факторы и комплексы факторов, влияющие на варьирование глагольных профилей.

Теоретическая значимость работы заключается в развитии теории текста через введение понятия «глагольный профиль текста», а также в установлении зависимостей варьирования глагольных профилей текста от типа текста и таких социальных параметров говорящих, как «пол», «образование» и «возраст». В теоретическом плане представленная работа является продолжением исследований грамматики дискурса Р. Лэнекера, У. Чейфа, Д. Бибера и А. А. Кибрика, в которой для разных типов дискурса (устного и письменного,

повествовательного и описательного и др.) устанавливаются устойчивые, т. е. частотные морфосинтаксические характеристики [Кибрик 2009, с. 9]. Полученные в данном исследовании результаты вносят вклад в развитие грамматики русского языка, теории текста, стилистики, социолингвистики, коллоквиалистики и общего языкознания в целом.

Положения, выносимые на защиту:

1. Каждый отдельный текст, а также разновидности текстов характеризуются определенным глагольным профилем текста – распределением частот значений грамматических категорий глагола.

2. Глагольные профили текстов чувствительны к влиянию текстовых характеристик. Форма текста – устная или письменная – статистически значимо влияет на употребление грамматических значений вида, переходности, возвратности и числа. Вид текста – описание сюжетного или несюжетного изображения – статистически значимо влияет на грамматические значения вида, переходности, числа и рода. Для типа текста (форма + вид текста) характерен особый тип глагольного профиля: значимые различия профилей отмечаются для грамматических значений вида, переходности, числа и рода.

3. Варьирование глагольных профилей в зависимости от отдельных социальных факторов «пол», «возраст» и «образование» не подтверждается статистическими процедурами. Указанные социальные факторы влияют на реализацию отдельных грамматических значений в текстах только при сочетании с текстовыми параметрами.

4. Чаще всего подвергаются влиянию отдельных факторов варьирования или их сочетаний грамматические значения вида, переходности, числа и рода. Вероятно, именно эти грамматические категории следует учитывать в дальнейшем моделировании глагольных профилей текста.

Достоверность полученных результатов обеспечивается комплексом применяемых методов, адекватных предмету анализа, объемом рассмотренного материала, а также верифицируемостью полученных результатов.

Практическая значимость работы заключается в возможности применения ее результатов при чтении курсов по теоретической грамматике русского языка, социолингвистике, коллоквиалистике, лингвистике текста и стилистике русского языка. Кроме того, результаты исследования могут быть использованы для дальнейшего изучения вариативности грамматических категорий глаголов в тексте и влияния социальных параметров на эту вариативность, что способствует углублению понимания закономерностей функционирования языка в естественных условиях коммуникации, развитию методов анализа речевого поведения разных социальных групп и разработке моделей социолингвистического варьирования. Результаты диссертационного исследования могут внести значительный вклад в развитие разработки диалоговых систем, виртуальных ассистентов и чат-ботов, а именно – улучшить алгоритмы анализа и синтеза устной речи, создать более точные модели распознавания и генерации речи, разработать системы автоматической транскрипции: данные, полученные в ходе исследования, могут быть интегрированы в корпус текстов для обучения искусственного интеллекта, что позволит ему более эффективно обрабатывать спонтанную речь, учитывая ее грамматические и социолингвистические особенности.

Многоаспектность проблемы, затронутой в исследовании, определила структуру диссертации. Она состоит из Введения, трех глав, Заключения, Библиографического списка (329 наименований) и Приложения. Объем работы – 182 страницы (без Приложения); работа содержит 23 таблицы и 67 рисунков.

Работа **апробирована** на следующих конференциях: Международной научно-практической конференции «XII Короленковские чтения, посвященные 170-летию В.Г. Короленко» (Глазов, 2023); VI Международной научно-практической конференции «Флоровские чтения» (Глазов, 2024); Всероссийской междисциплинарной научной конференции «Вариативность языка и когнитивных структур: модели и методы» (Пермь, 2019); II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Па-

радигмы современной гуманитарной науки и образования: традиции и перспективы» (Нальчик, 2023); Региональной научно-практической конференции «Достижения науки и практики – в деятельность образовательных учреждений» (Глазов, 2018, 2019, 2020, 2024); LIII Международной научной филологической конференции имени Л. А. Вербицкой (Санкт-Петербург, 2025).

Соответствие паспорту научной специальности 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика в следующих пунктах: 2. Направления современного языкознания и используемые в них методы описания языков. Терминологический аппарат лингвистики. Лингвистические модели. Метаязык современной лингвистики; 7. Социальная вариативность языка. Исследование языковых ситуаций и языковых явлений методами социолингвистики; 9. Лингвистика языка и лингвистика речи. Речевая деятельность и использование языка. Лингвистика дискурса и лингвистика текста; 12. Исследование уровневой структуры языка, взаимодействия уровней и модулей в моделях языка (теоретические проблемы исследования грамматических категорий и грамматических значений; теоретические проблемы текста и дискурса); 21. Математическая и количественная лингвистика. Применение статистических методов в лингвистике.

Основные положения диссертации отражены в 13 публикациях, 3 из которых опубликованы в рецензируемых журналах из перечня, рекомендованного ВАК РФ по специальности 5.9.8. – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

ГЛАВА 1. СПОНТАННЫЙ МОНОЛОГ КАК ТИП РЕЧИ

1.1. Устная и письменная речь

Н. Д. Арутюнова в Большом энциклопедическом словаре «Языкознание» дает следующее определение понятию «речь»: «конкретное говорение, протекающее во времени и облеченное в звуковую (включая внутреннее проговаривание) или письменную форму» [Арутюнова 1998, с. 414]. Стоит обратить внимание, что под понятием «речь» разными авторами могут подразумеваться разные явления. Так, если по Ф. де Соссюру речь – это и сам процесс говорения, и его результат, то Л. В. Щерба рассматривает речь только как результат, как «языковой материал» (или «тексты») – «совокупность всего говоримого и понимаемого в определенной конкретной обстановке в ту или другую эпоху жизни данной общественной группы» [Щерба 1974, с. 26], разделяя речь и сам процесс ее производства – речевую деятельность. Как видим, определение, данное Н. Д. Арутюновой, соответствует пониманию речи Ф. де Соссюром, но в данной работе принимается подход Л. В. Щербы, при котором речь рассматривается как результат речевой деятельности, существующий в виде текстов.

Речь как языковой материал в зависимости от реализации разделяется на устную, письменную и внутреннюю. Информационные каналы у устной и письменной речи различаются. Устная речь произносится, артикулируется человеком, существует в виде звуковой волны и воспринимается на слух. Письменная речь – это фиксация информации с помощью различных графических систем, она пишется (печатается, высекается на камне и т. п.) и воспринимается с помощью зрения. Внутренняя речь – это «беззвучная, сокращенная форма речи, диалог с самим собой, средство мышления» [Ахутина: электр. ресурс]. Внутренней речи мы касаться не будем, поскольку эта разновидность речи не имеет отношения к настоящему исследованию, обратимся к описанию и противопоставлению письменной и устной форм речи.

Отношение к письменной и устной формам речи менялось на протяжении развития лингвистики. В целом в течение довольно длительного времени

внимание лингвистов было приковано в основном к письменным текстам. Однако начиная со второй половины XIX в. происходит сдвиг в лингвистической науке и под пристальным вниманием языковедов, вместо письменных текстов, оказывается звучащая речь и речевая коммуникация.

Одним из первых, кто рассматривал устную и письменную речь – различные виды речевой деятельности, которыми владеют грамотные люди, был И. А. Бодуэн де Куртенэ. Он отмечал, что основа у письменной и устной речи различна и поэтому их изучение необходимо разграничивать. Расхождения между устной и письменной речи он видел в их психологическом статусе: «существующие взаимоотношения между письмом и языком мы можем установить только в том случае, если сведем их на надлежащую почву, на почву психическую» [Бодуэн де Куртэне 2023, с. 246]. Вместе с тем И. А. Бодуэн де Куртенэ считал главной именно устную форму речи, так как она появилась до письменной и является единственной у бесписьменных языков. Понимание вторичности письменной формы речи было свойственно также взглядам Л. Блумфилда, Г. О. Винокурова, П. С. Кузнецова и др. (см, например, [Алпатов 2016]). В то же время рассмотрение письменной речи как отражения звукового ряда часто создавало пренебрежительное отношение к ней. Так, например, Л. Блумфилд считал письмо просто «диктофоном» для записи речи, которая в дальнейшем будет сказана и услышана [Блумфилд 1968, с. 313].

Однако с 30-х гг. XX в. именно письменный язык становится предметом изучения в структурализме в связи с развитием функциональной стилистики и разработкой теории литературного языка. В рамках Пражского лингвистического кружка провозглашается мысль о том, что письменная речь каждого литературного языка образует свою самостоятельную систему, частично независимую от устного языка [Вахек 1967, с. 524]. Идею о том, что письменный язык есть отдельная система, развивают и английские лингвисты А. Макинтош и Дж. Маклохин. А. Макинтош утверждает, что письменный язык не является второстепенным, а равнозначен устному, потому как они вместе выступают в качестве символов мыслительной деятельности человека. Он говорит

об их параллельном развитии, не имеющем общих точек соприкосновения [McIntosh 1956, с. 26–55].

Данный взгляд на роль письменной речи ставит вопрос о соотношении норм устной и письменной речи [Валуйцева, Хухуни 2022, с. 7]. Например, Й. Вахек полагает, что в языке с письменной традицией сосуществуют две языковые нормы: одна – для устных высказываний, другая – для письменных. Он считает невозможным сведение обеих норм в единую систему и выделяет отдельно письменный язык (*la langue écrite*) и устный язык (*la langue parlée*) как две особые системы норм [Вахек 1967, с. 531]. Вопрос о первичности той или иной нормы с точки зрения синхронии, по его мнению, неверен, потому как обе нормы «просто лингвистические феномены, и каждая из них выполняет свойственную лишь ей функцию» [там же, с. 529].

Развитие этих идей в 60–70-е гг. XX в. привело к тому, что, сосредоточившись на изучении письменной формы литературного языка, лингвисты стали пренебрегать изучением устной, считая ее «бедной родственницей письменной» [Бубнова 2008, с. 23]. Признавая первичность устной речи в разных аспектах, они указывали на ее функциональную вторичность [там же].

Однако параллельно звучали и иные мнения. Например, А. Ф. Журавлев писал о том, что исследование языка с точки зрения грамматики и лексикона, основанные только на письменной форме, являются неполными [Журавлев А. Ф. 1988]. Сторонников такой точки зрения было немало, и идеи И. А. Бодуэна де Куртенэ о важности устной формы речи получили дальнейшее развитие в работах психолингвистов второй половины XX в. Так, А. А. Леонтьев трактует речевую деятельность человека как своеобразный вид свободного владения двумя языками: он пишет, что «сосуществование устного и письменного языков в языковом сознании говорящего аналогично тому виду билингвизма, который Л. В. Щерба охарактеризовал как владение «смешанным языком с двумя терминами» [Леонтьев 1974а, с. 58]. Устная и письменная речь обнаруживают следы взаимовлияния. Например, А. А. Леонтьев называет устный язык «родным», а письменный – наслаивающимся на устный [там же].

Совмещая идеи Й. Вайхека о существовании двух норм языка и идеи А. А. Леонтьева о билингвизме грамотных носителей языка, Т. М. Николаева пишет: «Во всяком обществе, обладающем письменностью, носители языка являются одновременно носителями двух языковых стандартов – письменного и устного. В этой связи можно говорить о «бинормизме» или даже «билингвизме» людей, знакомых с письменной нормой» [Николаева 1961, с. 79]. По мнению Т. М. Николаевой, проблемы письменной речи не соотносятся с проблемами письма. Она рассматривает письменную речь как особую языковую норму, реализующуюся в тексте и имеющую три фактора: наличие 1) собственных средств выражения (знаков алфавита – средств первичного порядка; знаков препинания, шрифтов и т. п. – средств вторичного порядка); 2) собственных единиц (букв, слов, состава и качества алломорфов); 3) своего собственного строя [там же, с. 80].

Остановимся подробнее на различиях устной и письменной форм речи и их свойствах.

Первичность/вторичность

Как уже отмечалось выше, письменная речь является вторичной формой существования языка по отношению к устной речи и в филогенезе, и в онтогенезе. «Нельзя забывать, что первична устная речь, а письменность – это вспомогательное средство, которое преодолевает непостоянство звучания речи» [Леммерман 1999, с. 5]. Письменная речь возникает как способ фиксации устной, но после начинает развиваться по своим законам, многие из которых обусловлены субстанцией существования и каналом восприятия.

Субстанция существования и модальность восприятия

Как уже говорилось выше, устная речь реализуется в виде звуковой (акустической) волны и воспринимается аудиально, в то время как письменная речь реализуется в материально выраженных знаках и каналом восприятия письменной речи является зрение. Не совсем правомерно поэтому считать письменную речь простым отражением устной.

Графические знаки, используемые в письменной речи – знаки алфавита, иероглифы, знаки пунктуации – передают звучание в общем. В случае с алфавитным письмом, как в русском языке, звуковой состав речи передается лучше, интонации – хуже. Поэтому для передачи интонационных значений в письменной речи могут использоваться вторичные средства – вербальные (например, *промолвил, визгливый голос*) или графические (*серьё-ё-ёзно?, ААААА!*). Т. А. Амирова, изучавшая звуковую и письменную речь с точки зрения их функциональной взаимосвязи, полагала, что письменный язык в соотношении к звуковому – это уникальная система знаков: «создание письменного знака представляет собой образование знаков с иным и структурно-функциональными свойствами. Вследствие этого с созданием письменного языка формируется совершенно новая область социальной знаковой деятельности» [Амирова 1985, с. 255].

Линейность/нелинейность

Субстанция и канал восприятия обуславливают и возможность или невозможность вернуться к уже воспринятой информации.

Письменная речь принципиально нелинейна и обратима [Касаева 2014, с. 61]. Использование письма позволяет возвращаться к написанному/прочитанному; при порождении текста продумывать его, выстраивать его постепенно, логично и осознанно выбирать речевые обороты; при восприятии пересматривать ранее прочитанные отрывки, если что-то показалось непонятным. Все это, несомненно, дает возможность письменной речи быть более сложной по своей структуре, чем устная.

На необратимость устной речи и вытекающие из нее характеристики обращали внимание многие лингвисты (см, например, [Земская 1979; Павлова 2018; Тезекбаева 2011 и др.]). «Устной речи, в отличие от письменной, свойственны такие характеристики, как неподготовленность, линейность, необратимость, связь с физическим временем осуществления речи» [Трошева 2003: электр. ресурс]. В связи с линейностью устной речи для нее характерны автоматизм и случайность в использовании языковых средств, более низкая, чем у

письменной речи, возможность их осознанного отбора. «Линейный процесс одновременного обдумывания и производства текста порождает особенности устной спонтанной речи на всех языковых уровнях» [Бродт 2007, с. 8]. «Речь как будто рождается в муках – оговорках, самоперебивах, самокоррекции, обрывах, повторах. Может вербализоваться отбор языковых средств, а также не только положительный, но и отрицательный материал» [Звуковой корпус 2013, с. 27].

Таким образом, линейность и нелинейность процессов порождения и восприятия приводят к тому, что письменная речь чаще является подготовленной, предварительно структурированной в сознании говорящего и только с фиксированным результатом, устная – минимально подготовленной или вообще неподготовленной, которая порождается в процессе [Жинкин 2005].

Наличие/отсутствие непосредственного контакта

Одним из важнейших свойств устной и письменной речи является тип контакта между человеком, порождающим текст, и человеком, воспринимающим его. При устной речи в подавляющем большинстве случаев (за исключением предварительной видеозаписи и разговоров по телефону) контакт говорящего и слушающего непосредственный и визуальный. Письменная речь подразумевает опосредованный и отсроченный контакт, при котором пишущий и читающий друг друга не видят, а зачастую и не знают. Таким образом, устная и письменная речь реализуются в принципиально разных коммуникативных ситуациях. В основе устной речи лежит коммуникативная ситуация, важную часть которой составляют паралингвистические и экстралингвистические средства (жесты, мимика, сама окружающая обстановка) и интонации, что дает возможность собеседникам использовать эллиптические конструкции и пропускать многие элементы речевой цепи, необходимые в письменной речи [Русская разговорная речь... 1983]. Опосредованный контакт при письменной речи требует от пишущего заранее прояснять все детали описываемой ситуа-

ции, так как у читающего не будет возможности переспроса и все необходимые элементы коммуникативной ситуации должны быть выражены вербально. Поэтому письменная речь характеризуется максимальной полнотой.

Итак, такие свойства устной и письменной речи, как линейность/нелинейность и непосредственный или опосредованный контакт во многом определяют структурные свойства данных форм речи.

Сферы распространения

А. Ф. Журавлев отмечает, что устная речь по своему объему в коммуникациях явно доминирует над письменной. Он считает, что «письменная языковая коммуникация является вторичной и находится на периферии употребления языка, а также, что большая часть текстов не пишется, а артикулируется. Читает человек в сотни раз большие по объему тексты, чем порождает сам посредством письма, но и чтение не является преобладающей формой перцептивного употребления языка: еще больше, чем говорит, человек слушает и слышит» [Журавлев А. Ф. 1988, с. 85].

Согласно Е. А. Земской устная и письменная формы речи разграничивают языковые сферы в реальной жизни. Наиболее важными, по ее мнению, являются «условия функционирования и обнаружения тех или иных речевых манифестаций» [Земская 1979, с. 240]. Сферы распространения устной и письменной речи связаны не только с коммуникативными ситуациями, в которых они употребляются, но и с формами существования языка. Так, устная форма является ведущей для диалекта, просторечия, разговорной литературной речи, большинства жаргонов и аргос, в то время как письменная – только для литературного языка [Ерофеева Е. В. 2005]. В рамках функциональных разновидностей языка существуют различные виды отношений между письменной и устной речью: возникновение аудиовизуальных средств СМИ и интернета привело к тому, что статус устной речи в современном мире значительно повысился и практически любой функциональный стиль может быть реализован как в устной, так и в письменной форме (см. например, [Алтухова 2012; Гайсина 2016; Кузнецова 2009; Петрова 2009; Соловьева 2009; Ширяев 1997 и

др.]). Современное широкое распространение сети Интернет, а также различных интерактивных приложений, в которых все чаще используется письменная форма речи, вносит свои коррективы в соотношение между устной и письменной речью, что позволяет поставить вопрос о такой форме коммуникации, как устно-письменная. При данной форме коммуникации письменное высказывание строится по законам, характерным для разговорной речи [Галичкина 2001; Кронгауз 2007].

Функциональные различия

У письменной речи свои функции, для реализации которых требуются отличные от устной речи средства выражения. Так, письменная речь предназначена для передачи, скорее, интеллектуальной информации, нежели эмоциональной (в сфере научной коммуникации это позволяет добиться более полного понимания информации, а в деловой – более точного, однозначного ее изложения). В силу того что устная и письменная речь различны по способу образования, между ними прослеживается и формирование функциональных различий. Они дополняют друг друга в современной языковой жизни общества. Так, Й. Вахек заявляет, что устный язык характеризуется непосредственной реакцией, а письменный – продолжительной [Вахек 1967]. Каждая из данных систем (устная и письменная) может выступать в качестве метаязыка по отношению к другой. Наличие данного факта дает нам понимание того, что это отдельные знаковые системы [там же].

Таким образом, устная и письменная формы речи отличаются друг от друга принципиально, однако внутри устной и письменной речи можно выделить типичные («ядерные») и нетипичные разновидности. Так, например, для устной речи типичной будет форма диалога, в то время как для письменной – монологический текст. Однако есть и нетипичные проявления, такие как публичная лекция или речь диктора телевидения для устной речи или чаты в современных мессенджерах – для письменной. В большинстве случаев это связано с соотношением спонтанности и подготовленности в тексте.

1.2. Монолог и его разновидности

Устные тексты подразделяются на диалоги и монологи [Виноградов В. В. 1980; Щерба 1957; Якубинский 1986 и мн. др.]. Диалог определяется как взаимная спонтанная реакция двух общающихся между собой индивидов, определяемая ситуацией или высказыванием собеседника [Щерба 1957] и признается первичной формой речи. «Монолог – это организованная система облеченных в словесную форму мыслей», которая является «преднамеренным воздействием на окружающих» [там же, с. 115]. Так как настоящая работа посвящена монологам, далее будем рассматривать подробно только монолог.

1.2.1. Особенности монологической речи

В лингвистике существуют разные определения терминов «монолог» и «монологическая речь». Так, Т. Г. Винокур в статье для большого энциклопедического словаря «Языкознание» утверждает, что монолог – это «форма (тип) речи, образуемая в результате активной речевой деятельности, рассчитанной на пассивное и опосредованное восприятие» [Винокур 1998, с. 310]; Л. П. Якубинский пишет, что это длительная форма воздействия при общении [Якубинский 1986, с. 30]; А. Р. Лурия определяет монолог как «повествование или развернутое высказывание на заданную тему» [Лурия 1979, с. 187]; Н. Ю. Шведова рассматривает монолог как отдельно взятую структурную единицу [Шведова 1960], в то время как В. В. Виноградов и И. А. Зимняя считают, что монолог практически всегда является составной частью диалога с обязательным наличием собеседника [Виноградов В. В. 1963; Зимняя 2001]. Опираясь на данные определения, монолог можно понимать как структурированное развернутое высказывание говорящего, обращенное к собеседнику(ам).

Л. В. Щерба считал монолог организованной системой оформленных в словесную форму мыслей, имеющей своей целью намеренное воздействие на слушающих [Щерба 1957]. А это значит, что монолог, являясь по своей сути текстом, обладает такими базовыми свойствами, как цельность и связность

[Баринаова 2006; Леонтьев 1974б; Мурзин, Штерн 1991; Сахарный 1989; Тураева 1986 и др.], и не предполагает быстрой реакции собеседника. Цельность текста соотносят с его содержательной стороной (см.: [Гальперин 1981; Николаева 1978; Сорокин 1982; Мурзин, Штерн 1991 и мн. др.]). Цельность текста рассматривают как с позиции его порождения, так и с позиции его восприятия, однако, в обоих случаях цельность рассматривают как соотнесенность текста с ситуацией [Мурзин, Штерн 1991]: «Соотнесенность с ситуацией – конкретной или абстрактной – неременное условие цельности текста» [Ерофеева, Кудлаева 2003, с. 28]. Связность текста, в отличие от цельности, «обусловлена линейностью компонентов текста, т. е. синтагматична» [Бабенко, Казарин 2005, с. 41]. В устном спонтанном тексте связность выражается на разных уровнях: семантическом, грамматическом, просодическом [Павлова, Ерофеева 2015].

Выделяют еще одно важное свойство текста – отдельность [Мурзин, Штерн 1991]. Д. С. Павлова и Е. В. Ерофеева считают, что отдельность текста относится к экстралингвистическим свойствам, которое можно найти не у всех текстов, а лишь у определенных их разновидностей, таких как письменные или подготовленные устные [Павлова, Ерофеева 2015].

Монолог как тип речи характеризуется специфическими для него особенностями. Рассмотрим некоторые из них.

Форма речи

По мнению некоторых лингвистов, монолог чаще встречается в письменной речи, нежели в устной [Сиротинина 1969, с. 381]. Так как монолог является целенаправленным сообщением, устная монологическая речь характерна прежде всего для озвученной письменной речи (публичной, судебной, научной, художественной и т. д.) [Сиротинина 1969, с. 381]. Тем не менее другие исследователи считают устный монолог отдельным специфическим типом речи, не соотносящимся с письменным монологом [Богданова, Бродт 2007; Худякова 2013; Gubrium, Holstein 1998; Silva 2007]. В данной работе принимается последняя точка зрения.

Структура

Впервые про организацию структуры монолога упомянул Л. В. Щерба, сравнивая монолог по его характеристикам с литературным произведением [Щерба 1957]. Дальнейшие исследования монологической речи подтвердили мысль Л. В. Щербы. Так, Е. В. Красильникова пишет, что главной особенностью монолога «по-видимому, является его текстовая организация» [Красильникова 1996, с. 140]; Л. П. Якубинский также утверждает, что монолог обладает сложной композиционной структурой, имеет четкое начало, середину и конец [Якубинский 1986] (см. также: [Куканова 2009; Мурзин, Штерн 1991; Сахарный 1994; Павлова, Ерофеева 2015; Филиппова 2010; Худякова 2013; Шведова 1960 и др.]). Однако, по мнению И. П. Амзараковой, устный монолог имеет «более рыхлую структуру, чем текст книжно-письменной речи» [Амзаракова 1985, с. 16]. В целом структура монолога зависит от коммуникативной цели и задач говорящего.

Подготовленность

Монологическая речь, подразумевающая какое-либо развернутое высказывание о событии или рассуждение, определяется в целом двумя факторами: мотивом высказывания и общим замыслом. Оба эти фактора действуют во время всего монологического высказывания, которое представляет собой целостную структуру. Однако организация монолога зависит не только от данных факторов, но и от того, какие задачи стоят перед говорящим и «в какой вид конкретной деятельности включена эта развернутая устная речь» [Лурия 1979, с. 187]. Если это повествование об увиденном/пережитом и оно адресовано собеседнику, который разделяет мотивы говорящего (неформальная речь), то устная монологическая речь может быть грамматически неполной. В случае, когда монолог состоит из связного изложения материала (например, лекция или доклад), главная задача говорящего заключается в том, чтобы представить излагаемый материал в последовательном и логичном виде, выделяя наиболее существенные детали и сохраняя логический переход от одной части высказывания к другой. Именно по этой причине при подготовке данной

разновидности монологической речи лектор/докладчик должен уметь сам «выделить основные смысловые группы подлежащего изложению материала, объединить их в четкие логические схемы и принять решение, к каким средствам (интонации, паузе, прямому указанию) он должен прибегнуть в соответствующих местах своего изложения» [там же, с. 188]. Про это писали и другие лингвисты: монолог является более подготовленной, чем диалог, речевой формой и должен обладать индивидуальной композиционной стройностью и относительной смысловой завершенностью [Винокур 1998; Щерба 1957; Якубинский 1986]. Однако возможны и неподготовленные или в минимальной степени подготовленные устные монологи (см., например, [Богданова, Бродт 2007]).

Взаимодействие с собеседником

По мнению И. П. Амзараковой, монолог не рассчитан на ответную реакцию, так как он является завершенным по смыслу. «Разговорный монолог – значительное по объему высказывание одного лица в структуре диалога, которое имеет минимум одну самостоятельную тему в течение длительного промежутка времени, не прерывается слушающим и обладает относительной самостоятельностью, т. е. не теряет смысла при изъятии его из текста» [Амзаракова 1985, с. 5]. Того же мнения придерживается В. Е. Хализев, утверждая, что монолог не требует чьего-либо ответа и продолжается «независимо от реакций воспринимающего (даже если последние активны), свободно реализуется в форме как устной (это выступления публичные), так и письменной (публицистика, мемуары, дневники)» [Хализев 1987, с. 97].

Однако А. Р. Лурия считает иначе. Он говорит, что речь всегда обращена к собеседнику [Лурия 1979]. В монологах может допускаться неполнота высказывания (например, элизии и эллипсисы), в этом случае их грамматическая структура будет схожа с диалогами. Реакция слушающего человека позволяет говорящему корректировать свое высказывание по ходу сообщения – пропускать уже известные факты и дополнять непонятную информацию, тогда в некоторых ситуациях монолог переходит в скрытую форму диалога.

Коммуникативная цель

Монолог создается для достижения определенной коммуникативной цели. С точки зрения лингвистики монологическое высказывание представляет собой достаточно развернутый вид речевой деятельности, в процессе которого редко используется неречевая информация, которую говорящий может получить из ситуации разговора. Это значит, что для построения монологической речи необходимо учитывать коммуникативное намерение, которое представляет собой один из главных факторов, отвечающий за правильность общения на логико-семантическом уровне.

В зависимости от коммуникативной цели, реакции собеседника, подготовленности/неподготовленности и т. д. выделяют разновидности монологов. Так, В. В. Виноградов разграничивает монологи в зависимости от коммуникативной цели: убеждающий (ораторская речь); лирический (выражение эмоций); драматический (сложная система выражения мыслей, чувств и переживаний); сообщающего типа (передача информации) [Виноградов В. В. 1963, с. 20–21]. Н. Ю. Шведова делит монологи на научные, а также рассказы-монологи как составные части диалога, обращенные к собеседнику [Шведова 1956, с. 68]. О. А. Нечаева подразделяет монологические высказывания на монологи-описания, монологи-повествования, монологи-сообщения и монологи-рассуждения, основываясь на функционально-смысловых типах текста [Нечаева 1975].

Н. В. Богданова выделяет подвиды монологов в зависимости от подготовленности. Это чтение (неподготовленное, подготовленное, наизусть), подготовленная речь (пересказ текста, описание зрительного ряда, лекция/доклад), неподготовленная речь по знакомой и незнакомой темам [Богданова 2001] (подробнее об этих разновидностях монолога см. пункт 1.3.2.).

Дискурсивный подход к анализу единиц языка в тексте, а также нарративный анализ повлияли на изучение повествования как типа речи [Шмид 2003], в результате чего в использование были введены такие термины, как «нарратив», «нарративный режим», «нарративный дискурс» и т. д. (см., напри-

мер: [Кибрик 2009; Плунгян 2008 и др.]). Выделяют два регистра речи – диалогический и нарративный, которые определяются позицией говорящего – участника ситуации: в первом случае он находится с адресатом в одном месте и имеет общие темы для разговора, во втором занимает позицию наблюдателя (нарратора), который отделен от события пространством и/или временем [Падучева 2019].

Настоящее исследование строится на анализе спонтанных монологов – описаний изображений разного типа – сюжетного и несюжетного, поэтому в следующем параграфе пойдет речь о нарративе и описательном монологе.

1.2.2. Нарратив и описательный монолог

Дискурсивный подход к анализу текста в целом и языковых единиц в частности вызвал интерес к функционально-смысловым типам речи [Нечаева 1974], а именно – к нарративу и описательному монологу. В данном пункте будут рассмотрены два этих вида монологов как противопоставленные друг другу по своим целям и лингвистическим свойствам.

Нарратив

Изучение нарратива (от лат. *narrare* «рассказывать, повествовать») в гуманитарных науках стало развиваться в связи со второй когнитивной революцией¹ в конце XX века и продолжается до сих пор. Одно из следствий второй когнитивной революции – перемещение внимания с изучения и анализа предложений и слов в них на текст, дискурс и нарратив. В рамках этого процесса возникло отдельное направление гуманитарных исследований – нарратология. Нарратология или «теория повествования, оформилась в результате

¹Вторая когнитивная революция (ее также называют дискурсивным или нарративным переворотом) произошла во второй половине XX в. Ее идея заключается в создании компьютера, уподобляющегося человеку «как существу не только чисто рациональному» [Чебанов 2019, с. 30]. Одним из важнейших постулатов второй когнитивной революции является то, что язык во всех своих проявлениях признается самым основным и совершенным средством передачи информации; компьютер считается партнером человека и становится подобен ему на морфологическом и поведенческом уровне. Данное событие позволило исследователям обрабатывать большое количество данных автоматизированным способом, при помощи различных компьютерных приложений, сайтов, программ.

пересмотра структуралистской доктрины с позиций коммуникативных представлений о природе и модусе существования искусства» [Ярская-Смирнова 1997, с. 40], как составная часть лингвистики была предложена в 1995 г. Е. В. Падучевой и В. В. Виноградовым. Она определялась как дисциплина, которая изучает «формальные правила извлечения из повествовательного текста всей той семантической информации, которую получает из него человек как носитель языка» [Падучева, Виноградов 1995, с. 41]. Основной задачей нарратологии стало выделение особенностей употребления и трактовки элементов языка в нарративе, что позволило анализировать не только лингвистическую составляющую текста, но и его функционально-смысловой характер [Грицкевич 2006].

В современной трактовке понятия «нарратив» лежат работы К. Бремона, Ц. Тодорова, Р. Барта, У. Лабова, В. Кайзера, О. Людвиг, К. Брукса, Р. Уоррена, а также концепции отечественных исследователей, таких как В. Я. Пропп, А. Н. Веселовский, Ю. М. Лотман, В. В. Виноградов, Б. В. Томашевский, М. М. Бахтин и т. д. Активное исследование нарратива с разных точек зрения говорит о важности повествований как в литературных текстах, так и в повседневном языке [Обдалова, Левашкина 2019; Маслов Е. С. 2020].

Нарратив в лингвистике изучается в разных направлениях. Так, например, Н. Н. Грицкевич рассматривает нарратив в рамках лингвистики текста [Грицкевич 2006], М. Л. Макаров и О. Г. Алифанова – в рамках когнитивной лингвистики [Алифанова 2011; Макаров 2003], В. А. Андреева – в рамках исследований художественного дискурса [Андреева 2006], Е. В. Падучева выделяет отдельное направление – лингвистику нарратива [Падучева 2010].

Самое обобщенное определение термина «нарратив» дала Б. Х. Смит: нарратив – это когда «кто-то рассказал кому-то, что что-то произошло» [Smith В. Н. 1981, с. 228] (перевод – О. А. Обдалова). Однако нарратив определяется намного шире. Например, в «Словаре нарратологии» Дж. Принс объясняет его как «дискурс представления одного или нескольких событий, значительно отличающийся от описания и комментирования, но включающий их в

себя» [Prince1994, с. 58] (перевод мой – А. Т.). У. Лабов пишет, что нарратив – это способ представления опыта из прошлого посредством упорядоченных предложений, передающих хронологическую последовательность событий [Labov, Waletzky 1997].

В нарратологии разделяют понятия наррации (рассказывание само по себе), нарратива (структурной трехступенчатой иерархии «истории, текста и наррации» [Franzosi 1998, p. 520]) и нарративности/повествовательности (последовательности сюжета от завязки до финала) [Янков 1997]. Опираясь на эти представления, И. В. Троцук вывела следующую формулу: «нарратив = история/фабула + сюжет» [Троцук 2004, с. 44], где фабула нарратива – это основа нарратива, которая позволяет различать нарративные тексты и ненарративные, а сюжет – совокупность текста/дискурса и наррации.

Другие ученые интерпретировали нарратив как определенный вид дискурса, с помощью которого мы можем видоизменить, а затем представить опыт прошлого для себя или для других [Schiffrin 2006]; как рассказы или изложения, которые включают субъективную оценку каких-либо фактов и жизненных ситуаций [Худякова 2013]. Е. С. Маслов утверждает, что нарратив есть «текст констативного типа, в котором доминирующим аспектом рассмотрения реальности является ее неоднородность во времени, показанная сквозь призму ценностно окрашенного противоречия» [Маслов Е. С. 2020, с. 106].

Таким образом, нарратив – это определенный вид дискурса, который воссоздает цепочку событий в хронологической последовательности и интерпретирует окружающую реальность.

Нарратология, как новая отрасль лингвистики, предложила «метод редукции любого текста к совокупности его структурных единиц» [Воробьева 1999, с. 92], таких, как область действия, разные соотношения элементов (субъект/объект, помощник/оппонент, отправитель/получатель), каждый текст может быть прочитан как «вид распространенного предложения, по-разному комбинирующего характеры – существительные, их атрибуты – прилагательные и их действия – глаголы» [там же, с. 92].

Нарратология как наука сформулировала важные характеристики повествования: 1) нарратив – это способ выражения важности человеческих действий посредством соединения «кажущихся несвязными и независимыми» частей в одно целое [Троцук 2004, с. 44]; 2) нарративы зависят от временного модуса «человеческого существования» [там же, с. 44], они приводят события в хронологический порядок.

Нарратив имеет четкие границы: начальный элемент – «положение в тексте первого символа первого слова в повествовании» и конечный – «положение последнего символа последнего слова в повествовании» (перевод мой – *А. Т.*) [Eisenberg, Finlayson 2019, с. 2].

Разные трактовки термина «нарратив» и его изучение с разных точек зрения объединяет желание лингвистов обозначить базовые, смыслообразующие принципы повествования. Ж. Женетт, один из исследователей нарративов, определяет данные принципы, беря за основу грамматику глаголов, которые имеют категории залога, наклонения и времени. Он выделяет такие фигуры, как нарушение хронологии событий, с помощью которых можно соотнести повествование со временем происходящей истории; фигуры, использующиеся для создания темпа повествования (например, эллипсис, паузация) и для обеспечения частоты изображения разных элементов события (например, мотив). Кроме того, он определяет фигуры, помогающие сформировать модальность (организация повествования, относящаяся к тому субъекту, с чьей точки зрения оно строится) и залог (построение повествования от лица субъекта, который рассказывает) нарратива [Женетт 1998].

У. Лабов считает необходимым наличие следующих лингвистических признаков нарратива:

- 1) придаточные предложения, которые будут соответствовать хронологии;
- 2) соотнесенность повествования с прошедшим временем;
- 3) определенная структура – завязка, развитие, кульминация, развязка;

- 4) основные ориентиры (описание персонажей, места, времени действия), конфликт, субъективная оценка, завершения повествования [Labov, Waletzky 1997].

Как уже говорилось выше, нарратив воссоздает цепочку событий в хронологической последовательности, таким образом, событие является базовым элементом нарратива. События следует трактовать как «связанные пространством и временем объекты, существующие независимо от людей» (перевод мой – *A. T.*) [Kim 1969, с. 198]. Давая характеристику событию, Н. Д. Арутюнова выделяет его спонтанность, безагентность и социальность и отмечает, что событие локализуется в трех местах: «оно локализовано в некоторой человеческой (единоличной или общественной) сфере, определяющей ту систему отношений, в которую оно входит; оно происходит в некоторое время и имеет место в некотором реальном пространстве» [Арутюнова 1988, с. 170].

Описательный монолог

Описательный монолог – способ описания чего-либо, лингвистически мотивированный изображением и тематически ограниченный, именно поэтому в нем должны использоваться особые конструкции и соответствующая лексика [Звуковой корпус 2013]. Такой вид монолога, «будучи неподготовленным, обладает достаточно высокой степенью спонтанности и типичным для спонтанной речи набором соответствующих черт» [Богданова-Бегларян, Се Жои 2021, с. 282].

О. А. Нечаева относит монолог-описание к одному функционально-смысловых типов речи. В основе такого вида монолога лежит описание как внешних, так и внутренних характеристик предмета/личности или явления в статике. Описание рассматривают как констатирующее изложение мыслей, которое включает в себя указания на принадлежность описываемого объекта к определенному классу/типу, перечисление его составляющих, признаков, назначение и функциональных особенностей. При помощи описательного мо-

ноголога отмечаются признаки или качества объекта, именно поэтому для данного вида монолога характерно логически последовательная цепь предложений [Нечаева 1975].

В зависимости от того, что является описываемым объектом, выделяют описания отдельных предметов, животных, обстановки (интерьера), природы (пейзажа), внешности (портретные) и состояния человека, местности (пейзажные), событийные, описание-характеристику [Солганик 2010; Нечаева 1975]. Кроме того, описание может быть сюжетным и несюжетным [Звуковой корпус 2013; Лотман 1970] (отметим, что сюжетное описание может в другой терминологии быть отнесено к нарративу).

Г. Я. Солганик делит описание на статическое (прерывает развитие действия) и динамическое (небольшое по объему, характеризует действие/процесс, не прерывает действия, т. к. как включено в событие) [Солганик 2010].

Монологи-описания должны быть логичными, чтобы читатель мог легко следить за описанием [Jenkins 2023]. В описательных монологах обычно используются такие элементы, как слова, обозначающие сенсорные образы (обоняние, вкус, зрение, звук, осязание); характеристика объекта и его внешний вид; описание места нахождения и экспозиция объекта; образные элементы языка [Корпусова 2003; Jenkins 2023].

Таким образом, в качестве основных лингвистических признаков монолога-описания можно назвать следующие:

- 1) статичность в содержании (перечисление временных и постоянных свойств, признаков объекта) [Васина 2011; Нечаева 1975; Солганик 2010; Трошева 2003];
- 2) выделение субъективной модальности [Нечаева 1975];
- 3) частотная параллельная связь между предложениями [Трошева 2003: электр. ресурс];
- 4) частое использование односоставных, номинативных и безличных предложений [Трошева 2003: электр. ресурс];

- 5) отсутствие глаголов в повелительном наклонении и использование форм изъявительного наклонения, так как монолог-описание – это констатирующая речь, которая обозначает только наличие/отсутствие каких-либо характеристик у объекта (в описании-характеристике также может использоваться сослагательное наклонение) [Васина 2011];
- 6) использование единого временного плана, более частое использование формы глаголов настоящего времени, нежели прошедшего или будущего [Трошева 2003: электр. ресурс; Солганик 2010];
- 7) часто глаголы-сказуемые ослаблены в смысловом плане, либо имеют качественно-изобразительное значение [Трошева 2003: электр. ресурс];
- 8) употребление эллипсиса [там же];
- 9) использование высказываний от 3-го лица [Нечаева 1975; Солганик 2010];
- 10) употребление опорных слов, которые несут функцию перечисления (главное средство образности) [Васина 2011; Нечаева 1975; Солганик 2010];
- 11) активное использование именных частей речи (имена существительные и прилагательные), так как в описательных монологах важнее предметы, свойства, качества, чем действия [Васина 2011; Нечаева 1975; Трошева 2003: электр. ресурс];
- 12) использование изобразительных средств (метафоры, сравнения и даже звукоподражания) [Корпусова 2003; Jenkins 2023];
- 13) использование слов с пространственным значением (обстоятельства места) [Трошева 2003: электр. ресурс].

В нашем исследовании материалом выступают монологи-описания, мотивированные изображением. Наряду с чтением, пересказом прочитанного текста и рассказом на заданную тему, описание изображения содержится в корпусе «Сбалансированной аннотированной текстотеки (САТ)», созданном и разрабатываемом в Санкт-Петербургском государственном университете (подробнее о нем см.: [Звуковой корпус 2013; Богданова-Бегларян и др. 2019]). Порождение спонтанного монолога-описания считается одним из наиболее

трудных для говорящего, так как рассказчику приходится спонтанно анализировать изображения и/или события и преобразовывать его в звучащую речь [Филиппова 2010]. В САТ описательный монолог лингвистически мотивирован изображением, следовательно, в таких монологах употребляются особого рода конструкции и определенная лексика. Спонтанный монолог-описание обладает высокой степенью спонтанности и типичным набором соответствующих для спонтанной речи черт [Звуковой корпус 2013, с. 354].

* * *

Итак, нарратив и описательный монолог противоположны в широком смысле слова. Нарратив описывает действия, «рассказывает» историю, у него есть сюжет и четкая структура, ему свойственны соотнесенность с прошедшим временем и субъективная оценка. Описательный монолог передает статические состояния (как правило, представляет лишь одно состояние), для создания которых чаще используется настоящее время, изъявительное наклонение, параллельная связь между предложениями.

В то же время, проанализировав характеристики нарративных текстов и описательных монологов, можно сказать, что различие между ними не всегда четкое. Каждый нарратив может включать в себя описание, которое придает тексту определенную статику, и наоборот, в описательных монологах может присутствовать динамический элемент развития сюжета, больше свойственный нарративу.

1.3. Спонтанный монолог

В последнее время появилось много работ, посвященных исследованию спонтанной речи (см., например: [Богданова 2006; Богданова, Бродт 2007; Богданова-Бегларян, Се Жои 2021; Бродт 2007; Жинкин 2005; Исаева 2020; Касаева 2014; Hayashi, Kyung-Eun 2006; Knott, Dale 1994; Ong 1982 и мн. др.]), в том числе и устного спонтанного монолога [Адмони 1994; Зайдес 2020; Павлова 2018; Павлова, Ерофеева 2015; Тезекбаева 2011; Филиппова 2010; Худякова

2013; Чейф 2015; Эйсмонт 2007; Redeker 1991; Sanders, Noordman 2000 и мн. др.]. Рассмотрим устный спонтанный монолог и его особенности.

1.3.1. Подготовленность и спонтанность речи

Спонтанность – это понятие, которое ставит в оппозицию спонтанные высказывания (создающиеся в момент коммуникации) и подготовленные (сознательно продуманные) [Бродт 2007].

Понятие «спонтанность» как свойство диалогической речи в лингвистику ввел Ш. Балли. Он подразумевал под спонтанностью непродуманность, изначальную незапланированность речи, которая порождается в рамках дефицита времени [Балли 1961]. Подготовленная речь – это речь продуманная и структурированная в сознании говорящего до реализации или допускающая редактуру во время реализации. В подготовленной речи «говорящий еще до акта речевой коммуникации знает не только что, но и как он должен говорить <...> Спонтанная речь порождается в момент коммуникации, ее форма не готовится заранее» [Бондарко Л. В. 1998, с. 258–259].

Можно выделить несколько основных подходов к соотношению спонтанности и подготовленности речи.

Один из подходов к пониманию спонтанности раскрывается в работах Е. А. Земской, которая разделила понятия «неподготовленность» и «спонтанность» речи, понимая под спонтанной «речь, возникающую извне, без всяких внешних импульсов» [Земская 1988, с. 8]. Трактую понятие спонтанности таким образом, она приходит к выводу, что «речь может быть неподготовленной, но и неспонтанной, если человека кто-то вынудил говорить. <...> Другими словами, речь может быть неспонтанной и неподготовленной, неспонтанной и подготовленной, спонтанной и неподготовленной, спонтанной и подготовленной» [там же, с. 8]. При таком подходе спонтанная речь понимается как возникающая по инициативе говорящего, без воздействия каких-либо внешних стимулов, а понятие спонтанности не приравнивается к понятию

неподготовленности речи. Данный подход к пониманию спонтанности речи не нашел широкого одобрения среди лингвистов.

Суть второго подхода заключается в том, что спонтанная речь, вслед за Ш. Балли, всегда рассматривается как неподготовленная; эта характеристика – главная для определения спонтанности. Так, Н. Д. Светозарова с соавторами, разводя спонтанную речь и кодифицированный литературный язык (КЛЯ), дает следующее определение: спонтанная речь – это «неподготовленная по форме, сиюминутно и свободно порождаемая устная речь» [Фонетика спонтанной речи 1988, с. 5]. Разделяющие такой подход к спонтанности лингвисты используют как синонимичные термины «спонтанная речь», «неподготовленная речь» и в некоторых случаях даже «разговорная речь» (см. например: [Лаптева 1985; Сиротинина 1974 и др.]). При этом подходе спонтанные высказывания, т. е. те, которые создаются в момент коммуникации, противопоставляются подготовленным – заранее заготовленным говорящим [Бродт 2007; Касаткина 2007].

Подготовленность и спонтанность, как уже говорилось выше, обычно связывают с устной/письменной формами: письменная речь чаще всего является подготовленной, устная – минимально подготовленной или неподготовленной. В то же время, по мнению В. Г. Адмони, «спонтанная речь возможна и в письменной форме – особенно при написании личных писем без их предварительного детального обдумывания» [Адмони 1994, с. 10], из чего следует, что не стоит исключать существование и письменной спонтанной речи. «...Спонтанным <...> может быть не только устный, но и письменный монолог – таковыми можно считать, например, дружеские письма, блиц-сочинения или изложения, которые пишутся с ограничением времени и без возможности проверки и правки, дневниковые записи и т. п.» [Богданова 2006, с. 288]. Особенно наглядно это можно видеть сейчас при активном использовании интернета как средства коммуникации. В то же время и устная речь может быть подготовленной. Так, Е. И. Галяшина выделяет следующие экстралингвистические факторы, определяющие подготовленность устной речи: фактор жесткого

временного ограничения в момент порождения фрагмента речи; использование слухового контроля порождаемого высказывания [Галяшина 2003].

Развивая второй подход к соотношению подготовленности и спонтанности речи, И. Н. Борисова рассматривает их как противопоставленные на шкале признаки. Она выделяет на этой шкале неподготовленную речь (например, неофициальные бытовые диалоги), частично подготовленную (например, диалоги в игровых ситуациях, диалоги в процессе принятия совместного решения), подготовленную речь (речь с опорой на письменный план или тезисы) и неспонтанную речь (например, речь дикторов, сценическая речь) [Борисова 2001, с. 143–144]. Аналогичного взгляда придерживается и О. А. Лаптева, которая считает, что спонтанной является любая устная речь, но в подготовленной речи тоже бывает элемент спонтанности, например в публицистическом выступлении [Лаптева 1985].

Наиболее интересным и плодотворным представляется подход Н. В. Богдановой-Бегларян, которая, как и Е. А. Земская, считает понятия спонтанности и неподготовленности неравнозначными, однако противопоставляет их по другим основаниям. «Спонтанность – это проявление в речевой коммуникации сбоев, связанных с несоответствием мысли условиям коммуникации. Это происходит из-за конфликта передаваемой мысли с эмоционально-чувственным, интеллектуальным или культурным состоянием говорящего» [Звуковой корпус 2013, с. 58]; «спонтанность может рассматриваться как степень импровизации говорящего в процессе порождения речи, степень его свободы в выборе языковых средств» [Богданова, Бродт 2007, с. 36].

Такие признаки спонтанной речи, как паузы, гезитации, обрывы и др., позволяют сделать вывод, что некоторые разновидности подготовленной речи могут быть в определенной степени спонтанными: «...выверенная, подготовленная речь в условиях конфликтной коммуникации (например, эмоциональная несовместимость с оппонентом, интеллектуальная атака приверженцев другой точки зрения, ценностные и культурные различия коммуникантов и т. п.) насыщена многочисленными проявлениями спонтанности» [Богданова,

Бродт 2007, с. 51]. Исходя из этого степень спонтанности речи Н. В. Богданова-Бегларян связывает со степенью ее мотивированности. Под мотивированностью Н. В. Богданова подразумевает «зависимость всех лингвистических признаков вторичного (порожденного) текста от характеристик первичного, ставшего как бы причиной вторичного. Спонтанность же – степень свободы говорящего от первичного текста, своего рода степень импровизации в процессе говорения» [Богданова 2001, с. 15]. «...Степень лингвистической мотивированности речевого произведения, т. е. обусловленности (тематической и лингвистической) <...> продукта речевой деятельности человека (вторичного текста) характеристиками некоторого исходного, первичного, ставшего стимулом для появления вторичного» [Звуковой корпус 2013, с. 87]. Мотивированность является одним из важнейших факторов, обуславливающих степень спонтанности текста.

В настоящей работе принимается последняя точка зрения на спонтанность текста, подразумевающая, что спонтанность находится с мотивированностью в отношениях дополнительности.

1.3.2. Особенности спонтанного монолога

Существуют разные определения термина «спонтанный монолог». Так, А. А. Степихов описывает его как «законченный отрезок речи информанта, но в том виде, как он был воспринят экспертами, то есть отражение речи информанта в сознании участников эксперимента» [Степихов 2005, с. 11]. Н. С. Филиппова определяет спонтанный монолог «как текст естественной речи без всякой опоры на предложение-высказывание. Описание в данном случае строится на общеязыковой основе – на принципах связанности и предикативности текста» [Филиппова 2006, с. 51]. Н. В. Богданова определяет спонтанный монолог как «любой неподготовленный текст, порождаемый в обстановке неофициального и непринужденного общения» [Богданова 2006, с. 288].

В данной работе спонтанный монолог в соответствии с этими определениями понимается как неподготовленный отрезок речи, построенный на принципах связности и предикативности текста.

Экспериментальным путем было доказано, что в ситуации, когда спонтанный монолог является ответной реакцией на внешний стимул (например, на изображение), он напрямую зависит от «параметров стимула, «“провоцирующего” этот текст» [Эйсмонт 2007, с. 191], а также от «возрастных особенностей порождения спонтанного нарратива как реакции на стимулы разной природы» [там же, с. 191].

Рассматривая монологи с позиции соотношения мотивированности/спонтанности, Н. В. Богданова-Бегларян приводит следующую схему (см. оригинальную схему в [Звуковой корпус 2013, с. 88]):

МОТИВИРОВАННОСТЬ	
чтение/переписывание	
пересказ/блиц-изложение	
описание изображения / блиц-сочинение по картинке	
рассказ на заданную тему / блиц-сочинение на заданную тему	
СПОНТАННОСТЬ	

Как видим, при данном подходе соотношение мотивированности и спонтанности является обратно пропорциональными: чем выше мотивированность, тем ниже спонтанность. Если устный/письменный текст обладает минимальной мотивированностью, то в нем максимальна степень спонтанности. Таким образом, спонтанность является не абсолютным признаком текста: текст описывается не как спонтанный или неспонтанный, а как имеющий разные степени проявления спонтанности.

В зависимости от степени подготовленности выделяют следующие разновидности монологов: чтение – неподготовленное, подготовленное, наизусть; подготовленная речь – пересказ текста, описание зрительного ряда, лекция (доклад); неподготовленная речь по знакомой и незнакомой темам [Богданова 2001].

При этом при наличии мотивирующего стимула, по отношению к нему все устные монологи вторичны. Традиционно, вторичные тексты перенимают

лингвистические особенности предтекста. «Чем более мотивирован вторичный текст, тем меньшей степенью спонтанности он характеризуется (например, пересказ). Обратное также справедливо: неподготовленный свободный монолог мотивирован только текстом вопроса и заданной им темой и, соответственно, обладает большей степенью спонтанности» [Филлипова 2008, с. 216]. На сложность монологической речи и выбора говорящим определенных речевых средств также влияет сюжетность/несюжетность предтекста или зрительный ряд [там же].

Объектом настоящего исследования являются неподготовленные монологи – описания изображений в статике и динамике, поэтому остановимся на нем подробнее. С одной стороны, описание мотивированно первичным текстом и ограничено темой, а с другой – имеет высокую степень спонтанности. Ввиду отсутствия четкой структуры, которая характерна для пересказа, описание изображения, в зависимости от цели, поставленной перед информантом, имеет разную реализацию [Богданова-Бегларян, Се Жои 2021; Звуковой корпус 2013; Филиппова 2010; Чэн Чэнь 2018]. Описание несюжетного изображения считается одним из самых сложных видов речевой деятельности как для носителей языка, так и для инофонов [Чэн Чэнь 2018].

Несмотря на то что в таком виде монолога присутствует мотивированность и степень спонтанности не максимальна, все же она достаточно велика для того, чтобы считать этот вид текста в целом спонтанным. Поэтому далее в работе полученные тексты рассматриваются как спонтанный монолог.

Для устного спонтанного монолога свойственны характерные для спонтанной речи самоперебивы, самокоррекция, незаконченные высказывания, звуковое или словесное заполнение пауз хезитации (об этом подробнее см. п. 1.3.1 настоящего исследования). Все это можно объяснить линейностью протекания устной речи [Звуковой корпус 2013].

Кроме того, данный вид монолога обладает определенными лингвистическими особенностями, которые проявляются на синтаксическом (построение

текста, длина в словах синтаксических конструкций, их усложненная структура) и на фонетическом (интонационное оформление высказывания) уровнях и противопоставляют его в определенной степени диалогу [Бродт 2007].

Существует мнение, что спонтанный монолог имеет нечеткую структуру [Макаров 2003] и обладает такими чертами, как неупорядоченность, неструктурность, нарушение смыслового единства и последовательности изложения, речевые сбои, несовпадение синтаксических и интонационных границ [Вольская, Степанов 2005; Степихов 2005]. В то же время показано, что на уровне семантики можно выделить устойчивые модели выстраивания тематических блоков спонтанного монолога на определенную тему, соответственно, можно говорить о его тематической структурной организации [Худякова 2013].

Традиционная композиция любого текста – это зачин, основная часть и концовка. Важно, что начало и конец текста чаще всего выделяются логически, интонационно или определенным порядком слов. «...Где заканчивается “начало” и начинается “конец”, не всегда может быть определено однозначно» [Филлипова 2008, с. 211] в композиции спонтанного монолога. Исследования показали, что спонтанный текст может состоять лишь из одной фразы [Филлипова 2008; Якобсон 1996], что делает невозможным определение четкого вступления или введения, а соответственно, и основной части, и заключения и в целом не соотносится с общей теорией композиции текста. Так, в эксперименте Н. С. Филлиповой информант, минуя вступление, сразу переходит к основной части – описанию. Тем не менее, описывая кого/что-либо, мы говорим не только об изображении, но и том, что с ним может быть связано, например, об авторе произведения или о своем жизненном опыте [Филлипова 2008].

Различия в построении устных спонтанных монологов зависят от многих факторов, в том числе тематических, социальных и психологических.

Так, такие характеристики устного спонтанного монолога, как фонетические реализации, лексическое наполнение, структура и т. д., зависят от его тематики [Давлетшина, Ерофеева 2005; Ерофеева, Худякова 2021; Худякова 2013 и др.].

Множество исследований спонтанной речи доказывают ее зависимость от социопсихологических факторов говорящих» [Давлетшина, Ерофеева 2005; Ерофеева Е. В. 2005; Ерофеева Т. И. 2009; Павлова 2018; Худякова 2013 и мн. др.]. И. С. Бродт, обобщая работы многочисленных предшественников, указывает, что анализ устной спонтанной речи «предполагает учет многочисленных социальных факторов, основными из которых являются пол говорящего, его возраст, уровень образования, профессиональная принадлежность, происхождение и языковое и социальное окружение в период онтогенеза, место рождения и длительного проживания, степень общественной активности и т. п.» [Бродт 2007, с. 3]. Подробнее социолингвистическая вариативность будет рассмотрена в следующей главе.

1.4. Выводы

Обзор основных теоретических понятий, связанных с тематикой настоящего исследования, показал, что устная и письменная форма речи в значительной степени отличаются друг от друга, тем не менее как в устной, так и в письменной речи выделяются типичные и атипичные их разновидности, что связано с соотношением спонтанности и подготовленности в тексте.

Объектом внимания в настоящей работе являются спонтанные монологи – описания изображений. С одной стороны, они обладают такими свойствами текста, как цельность, связность и отдельность, с другой – такими свойствами, как неподготовленность и необратимость.

Спонтанность и подготовленность текста – взаимосвязанные категории. Если устный текст обладает минимальной мотивированностью, то в нем отмечается максимальная степень спонтанности, из чего следует, что спонтанность является не абсолютным признаком текста. Поэтому в современных лингвистических исследованиях понятие «спонтанность» применяется не только к диалогам, но и к монологам.

В данной главе были рассмотрены нарратив и описательный монолог, которые по своей сути противоположны. В нарративе описываются действия,

он характеризуется наличием сюжета, ему свойственно употребление форм глагола в прошедшем времени, в нем почти всегда присутствует субъективная оценка говорящего/пишущего описываемых событий. Описательный монолог обычно посвящен передаче статических состояний, в нем чаще используется настоящее время глагола, а также изъявительное наклонение. Тем не менее между ними нет жесткого разграничения, поскольку нарратив может включать описания, и наоборот, в описательных текстах могут присутствовать элементы нарратива.

Несмотря на среднюю степень свободы и мотивированности такого вида монолога, как описание изображения, на него могут оказывать значительное влияние социальные характеристики говорящего, такие как пол, возраст и уровень образования.

ГЛАВА 2. ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ РУССКОГО ГЛАГОЛА И ИХ УПОТРЕБЛЕНИЕ В РЕЧИ

2.1. Грамматические категории глагола

Глагол (лат. *verbum*) – часть речи, которая выражает «грамматическое значение действия (т.е. признака подвижного, реализующегося во времени) и функционирующая по преимуществу в качестве сказуемого» [Маслов Ю. С. 1998а, с. 104]. Во многих языках различают собственно глаголы – финитные формы глагола, и вербоиды – формы глагола, совмещающие некоторые черты с другими частями речи, такими как существительное, прилагательное, наречие.

Систему форм русского глагола составляют спрягаемые (изменяемые по временам, наклонениям, лицам, числам и родам) и неспрягаемые (инфинитив, причастие, деепричастие) формы. Категории вида и залога присущи всем глагольным формам, в то время как остальные категории характеризуют не все формы глагола.

2.1.1. Вид русского глагола

Вид (аспект) является одной из важнейших грамматических категорий русского глагола, определяющей его функционирование. Статус вида и его неоднозначность в русском языке получают весьма эмоциональную оценку исследователей, так, например, вид называют «сложным клубком вопросов» [Виноградов В. В. 1947, с. 393] или «роковым вопросом» русской грамматики [Карпухин 2008, с. 3]. В 1997 г. на аспектологическом семинаре филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова аспектологам была предложена анкета, которая включала следующий вопрос: «В чем вы видите основную трудность описания категории вида в славянских языках?» [Анкета... 1997, с. 140]. Большинство респондентов написали, что основная причина этого – разнообразие и неоднородность смыслов, которое можно показать при помощи глагольного вида.

Существуют разные трактовки термина «вид глагола». А. М. Пешковский обозначает глагольный вид как категорию глагола, которая указывает на то, «как протекает во времени или как распределяется во времени» обозначенное действие [Пешковский 1956, с. 122]. А. В. Бондарко определяет категорию вида как систему «противопоставленных друг другу двух рядов форм глаголов, обозначающих ограниченное пределом целостное действие (глаголы совершенного вида), и ряда глаголов, не обладающих признаком ограниченного пределом целостного действия (глаголы несовершенного вида)» [Бондарко 2002, с. 375]. Еще одно определение можно найти на сайте «Русской корпусной грамматики»: «это грамматическая категория русского глагола, основанная на оппозиции двух значений – совершенного (СВ) и несовершенного вида (НСВ). Вид характеризует ситуацию с точки зрения ее развития во времени (длительности или моментальности; завершенности, повторяемости и т. д.) и позиции наблюдателя по отношению к ситуации (ракурсы: ретроспективное рассмотрение ситуации, синхронное наблюдение фрагмента ситуации и т. д.)» [Сичинава 2011: электр. ресурс]. Если обобщить эти определения, то можно сказать, что вид глагола – это грамматическая категория, противопоставляющая протекание действия во времени, длительности и моментальности, завершенности и повторяемости, и выражающаяся в формах совершенного и несовершенного вида, обозначающих/необозначающих ограниченное пределом целостное действие.

Значение совершенного вида глагола дает информацию о достижении предела и именно по этой причине «представляет действие в его неделимой целостности», но не в процессе его протекания [Маслов Ю. С. 1998б, с. 83], несовершенный вид нейтрален к признаку достижения предела, т. е. не обладает признаком целостности и может выражать действие как процесс. Суть целостности действия заключается в доведенном до предела действии как единого нечленимого акта. Глаголы СВ, показывающие целостность действия, не могут сочетаться с определенными словами (фразовыми глаголами – *завер-*

шил, продолжал; словами, обозначающими привычку/правила – *привык делать гимнастику*, повторяемость – *часто, подолгу*, отрицательную оценку действия – *напрасно, бессмысленно*), в то время как глаголы НСВ могут это делать [Краткая русская грамматика 1989].

Таким образом, глаголы СВ и НСВ различают по признаку целостности/нецелостности действия. А. В. Исаченко описывает признак нецелостности (признак НСВ) как шествие, «в котором участвует сам говорящий» и, находясь последовательно на протяжении всего пути, не имеет «возможности обозреть шествие в целом», а целостность – это то, как сторонний наблюдатель (например, с возвышенности) может рассмотреть все шествие целиком (признак СВ) [Исаченко 2003, с. 133].

Русские глаголы подразделяются на парные и непарные (соотносительные/несоотносительные по виду). Само понятие «видовая пара» в русском языке находится в центре системы видовых противопоставлений и в количественном, и в качественном соотношении. «Видовую пару составляют образования противоположных видов, тождественные по лексическому значению» [Бондарко, Буланин 1967, с. 36]. Видовые пары глаголов могут быть разных типов и, соответственно, образовываться разными способами: перфективным, имперфективным, супплетивным [Бондарко, Буланин 1967]. Перфективный способ – образование видовых форм СВ, который берет за основу форму НСВ, при помощи приставок. Важно отметить, что приставка не меняет значение глагола, а меняет только вид глагола, такая приставка называется «пустой», например, *строить – построить, писать – написать*. Второй способ образования видовых пар – имперфективный или суффиксальный. В этом случае глагол СВ (с приставкой или без нее) встает в пару с глаголом НСВ, образованного путем прибавления суффикса, например, *бросить – бросать, предпринять – предпринимать*. И третий способ – супплетивный – используется меньше, чем перфективный и имперфективный, это образование видовых пар глаголами с разными корнями, например, *ловить – поймать, сказать – говорить* [там же].

Многие лингвисты считают, что глаголы, способные образовывать видовые пары, составляют большую часть глагольной лексики [Миронова 2004]. «Объединение глаголов в видовые пары – системная категориальная черта вида» [Маслов Ю. С. 1998б, с. 83]. По мнению А. Н. Тихонова, в системе современного русского языка парные глаголы составляют примерно 75% от всей глагольной лексики, двувидовые глаголы – 5–6%, а непарные – около 20% [Тихонов 1998а].

В парных глаголах выделяют двувидовые глаголы, которые несут в себе ядро грамматической категории самого вида, именно у них можно наблюдать полное совпадение лексического значения СВ и НСВ в одной форме. Однако часть из них имеет корреляты другого вида, например *иллюстрировать* – *проиллюстрировать* [Титаренко 2007]. Непарные глаголы называются одновидовыми, и они бывают СВ (например, *выстрадать*) и НСВ (например, *действовать*) [Бабенко 1999].

Вопросы, связанные с толкованием категории вида в русском языке, считаются дискуссионными. Исследователи-аспектологи до сих пор не могут найти компромисс в решении таких принципиальных проблем трактовки вида, как грамматическая семантика вида, видовая парность (какие глаголы можно считать парными по виду), характер категории (являются члены видовой пары разными глаголами или формами одного глагола), частновидовые значения, устройство категории вида с точки зрения словоизменения/словообразования и т. д.

В русской аспектологии можно выделить несколько значительно различающихся моделей описания категории вида:

- 1) словоизменительная модель [Горбова 2017; Исаченко 2003; Карцевский 1962; Маслов Ю. С. 1978];
- 2) словоклассифицирующая модель [Русская грамматика 1980; Буланин 1976; Леман 1997; Менде и др. 2011];
- 3) смешанная модель [Бондарко, Буланин 1967; Бондарко А. В. 1971, 1976, 1984, 2002, 2011];
- 4) теория видовых гнезд [Janda, Lyashevskaya 2011a, 2011b];

- 5) модель квазиграммем [Герасимов 2015];
- 6) модель «первичных и вторичных видов» [Кароляк 1998; Kozera 2018].

Словоизменительная модель

Считается, что словоизменительная модель русского вида появилась первой в русской аспектологии (см., например: [Горбова 2017; Горбова, Чуйкова 2022; Исаченко 2003; Карцевский 1962; Маслов Ю. С. 1958, 1963, 1978, 1981 и др.]).

При трактовке вида в качестве словоизменительной грамматической категории ее рассматривают как «противопоставление двух словоформ несовершенного и совершенного вида», которое проявляется «как в видовых парах, т. е. в глаголах с одним и тем же лексическим значением, так и в одновидовых глаголах, обладающих только несовершенным или совершенным видом» [Шелякин 2001, с. 74] (см. также [Тихонов 1998а, 1998б; Черткова 1996]).

В рамках данной модели вид русского глагола считается словоизменительной категорией, а «ее морфология – суффиксальная имперфективация, применяемая к префигированному (приставочному) глаголу СВ» [Горбова 2020: электр. ресурс]. Например, *от-кры-ть* – *от-кры-ва-ть*, *за-кры-ть* – *за-кры-ва-ть* [там же]. Двувидовые глаголы (например *женить*) и глаголы с видовым противопоставлением (*брать* и *взять*) необходимо описывать отдельно [Маслов Ю. С. 1963]. Симплексы (непроизводные глаголы) – одновидовые, могут быть перфективными (например *дать*) и имперфективными (например *иметь*, *смотреть*) [там же].

Словоклассифицирующая модель

В 1985 г. Э. Даль и вводит понятие «вид славянского типа» [Dahl 1985], под которым он понимает деривационный, а следовательно, классифицирующий характер русского вида (противопоставленные формы вида трактуются как разные глаголы). Позже в рамках этой модели появляется и развивается «типология префиксального перфектива», «типология словоклассифицирующих видовых систем» (см.: [Аркадьев 2015; Аркадьев, Шлуинский 2015; Шлуинский 2017 и др.]).

Точка зрения на вид как классифицирующую категорию поддерживается в академическом издании «Русская грамматика» под редакцией Н. Ю. Шведовой: «категория вида является категорией несловоизменительной» [Русская грамматика 1980, с. 584], а «видовая пара – это противопоставление разных глаголов» [Краткая русская грамматика 1989, с. 265] (см. также [Плунгян 2011а, 2011б]). Два разных глагола, которые находятся между собой «в отношениях словообразовательной мотивации» [Русская грамматика 1980, с. 582] формируют видовую пару; каждому глаголу в видовой паре свойственна своя система словоизменения.

Классифицирующая модель русского вида предполагает, что видовые пары могут быть образованы противопоставлением разнокорневых глаголов, таких как *брать – взять*, при помощи префиксов (*думать – придумать*) и при помощи суффиксов (*решить – решать*) [Краткая русская грамматика 1989]. При этом видовая пара образуется от глаголов-симплексов или приставочным (*дышать – надышать*), или супплетивным (*брать – взять*) способами, или неперфективный глагол-симплекс остается непарным (*стоять, иметь*) [там же]. Е. В. Горбова, в целом придерживающаяся точки зрения на вид как на словоизменительную категорию, добавляет, что существуют и непарные перфективные глаголы-симплексы (*perfectivatantum*), «в первую очередь это глаголы с суффиксами *-ну-, -ану*, имеющие значение одноактности» [Горбова 2020: электр. ресурс].

Л. Л. Буланин также придерживается мнения, что категория вида – классифицирующая, деривационная: «вид в целом является категорией не словоизменительной, а классифицирующей, а члены видовых пар являются самостоятельными словами» [Буланин 1976, с. 127]. Понимая под видовыми парами тождественные по лексическому значению глаголы, он различает следующие типы видовых пар: 1) пары, образованные от глаголов СВ, например *обуть – обувать*; 2) пары, образованные от глаголов НСВ, например *бриться – побриться*; 3) пары, образованные супплетивным способом, например *прийти – приходиться*; 4) пары, образующиеся посредством разного места ударения у глаголов с

корнями *сып-*, *рез-*, например *насы́пать* – *насыпа́ть*; 5) двувидовые глаголы, например *женить*. Как видим, Л. Л. Буланин указывает, что образование глагольной пары может идти в двух направлениях, как от глагола НСВ, так и от глагола СВ, при этом образование глаголов СВ от НСВ происходит посредством перфективации, а НСВ от СВ – посредством имперфективации.

В рамках классифицирующей модели может быть также рассмотрена деривационная морфологическая модель. Эта модель разработана Ф. Леманом и детально раскрыта в созданном на ее основе словаре [Менде и др. 2011]. Создатели ВАРГОСа закладывают в основу своей работы заявление о том, что вид глагола является деривационной категорией, а дериваты признаются видовыми партнерами.

В самом словаре дано следующее определение русского вида: «Вид – это грамматическая категория глагола, состоящая в русском языке из парадигм совершенных и несовершенных глаголов. В сочетании с языковым контекстом с помощью глаголов данных парадигм обозначаются оппозитивные акциональные и временные функции. В русском языке один из видовых партнеров образуется от другого посредством видовой грамматической деривации, в частности суффиксацией и префиксацией; исключением являются супплетивные видовые пары» [там же, с. 32]. Новизна данного понятия состоит в следующем: деривационные категории различны в том, что данная грамматическая оппозиция имеет две функции: одна указывает на лексическое значение основы, а вторая «выражается эксплицитно с помощью морфемы» [Менде и др. 2011, с. 32]. В пределах СВ и НСВ оказываются как немаркированные единицы – симплексы, так и единицы, маркированные специальными показателями: суффиксальными (при имперфективации, кроме суффикса *-ну-*) и префиксальными [там же].

Смешанная модель

Описание данной модели следует начать с общего противопоставления видов (СВ и НСВ) и группы глаголов по характеру протекания действия, ко-

которые обычно называются способами действия. Способы действия есть «семантические (отчасти словообразовательные) группировки глаголов, выделяемые на основании общности типа протекания действия» [Бондарко, Буланин 1967, с. 11]. Их число в русском языке довольно велико, около сорока – пятидесяти, однако знакомство с ними помогает лучше понять такую грамматическую категорию, как вид [Буланин 1976].

Перечислим некоторые, наиболее частотные и хорошо описанные в [Буланин 1976] способы действия.

1. Начинательный способ действия обозначает начало действия, образуется при помощи приставок *за-*, *по-*, *вз-* (*вс-*), например: *заиграть*, *запеть*, *потечь*, *поползти*, *вскричать*, *взрывать*.

2. Ограничительный способ действия обозначает действие, ограниченное во времени, образуется при помощи приставок *по-*, *про-*, например: *поворачивать*, *побаюкать*, *пробежать*.

3. Глаголы неполного действия обозначают действие, ограниченное в полноте своего проявления, образуются при помощи приставок *по-*, *при-*, *под-*, *вз-* (*вс-*), например: *всплакнуть*, *привстать*, *подрасти*.

4. Глаголы, обозначающие переход в другое состояние, образуются путем прибавления суффиксов *-ну-*, *-е-*, например: *толстеть*, *веселеть*, *вечереть*, *блекнуть*.

5. Глаголы многократного способа действия образуются путем прибавления суффиксов *-ыва-/ива-*, *-ва-*, *-а-*, встречается чаще всего в форме прошедшего времени, например: *сизживал*, *хаживал*, *живал*.

6. Многоактный способ действия обозначает действия, состоящие из нескольких однородных актов; способ образования – прибавление суффикса *-а-*, например: *толкать*, *мелькать*, *махать*.

7. Одноактный способ действия обозначает действия, выполняющиеся мгновенно, в одно действие; образуется от многоактных глаголов прибавлением суффикса *-ну-*, например: *толкнуть*, *мелькнуть*, *махнуть*.

8. Взаимный способ действия обозначает взаимное общение; образуется с помощью приставки *пере-* и суффиксов *-ыва-/и-ва* и *-ся*, например: *перезлаться, перешептываться, переписываться*.

9. Распределительный способ действия обозначает совокупность нескольких действий, оказывающих влияние на несколько объектов или, наоборот, исходящих от нескольких субъектов, образуется при помощи приставок *пере-* и *по-*, например: *перекусать, переломать, поснимать*.

10. Статальный способ действия (глаголы состояния) обозначает неподвижную деятельность, не имеет характерных морфем образования, например: *скушать, блеснуть, гордиться, страдать*.

Образование видовых пар глаголов напрямую зависит от способов действия. Видовые пары могут быть образованы только в пределах одного способа действия. «Так, все глаголы многократного способа действия относятся к НСВ (*едал, сиживал*), а глаголы одноактного способа действия (*прыгнуть, кольнуть*) – к СВ» [Буланин 1976, с. 123].

Итак, первое упоминание о смешанной модели можно найти в работе А. В. Бондарко и Л. Л. Буланина «Русский глагол» [Бондарко, Буланин 1967]. В данной работе описаны две точки зрения: 1) вид русского глагола – категория словоизменительная, для которой характерны дефекты парадигмы (точка зрения Ю. С. Маслова); 2) авторская, которая гласит, что вид – это смешанный тип грамматической категории, частично словоизменительный, частично классифицирующий. Согласно точке зрения А. В. Бондарко и Л. Л. Буланина, формообразование категории вида обнаруживает два типа «отношений между формами, репрезентирующими противопоставленные друг другу граммы»: «1) грамматически регулярный тип, в рамках которого мы имеем дело с формами одного и того же слова (ср. видовые пары *утратить – утрачивать*, являющиеся результатом имперфективации...)» и «2) нерегулярный тип, по отношению к которому есть основания говорить об особом рода соотносительности форм разных слов (ср. видовые пары *ставить – поставить*, являющиеся результатом перфективации...)» [Бондарко, Буланин 1967, с. 85].

В более поздней своей работе А. В. Бондарко меняет терминологию: вид русского глагола теперь представлен как «непоследовательно коррелятивная морфологическая категория» [Бондарко А. В. 1976, с. 90], а коррелятивность понимается как соотнесенность форм одного и того же слова [там же]. Он выделяет два типа отношений между двумя противопоставленными формами граммом: грамматически регулярный вид (формы одного и того же слова как результат имперфектизации, например *забыть* – *забывать*) и нерегулярный вид (особый род соотносительности форм разных слов как результат перфективации, например *говорить* – *заговорить*) [там же]. Таким образом, А. В. Бондарко выводит совершенно новую трактовку глагольного вида, в которой устанавливается, что вид глагола «получает самостоятельное место в классификации морфологических категорий, приобретая специфическую качественную характеристику, не сводимую к простой сумме свойств категорий, представленных формами одного слова, с одной стороны, и формами разных слов – с другой, не сводимую к чему-то среднему между теми и другими категориями» [там же, с. 99].

Точка зрения на вид как смешанную категорию поддерживается и другими исследователями, так, А. А. Зализняк и А. Д. Шмелев также пишут о двойственной природе «вида как грамматической категории, соединяющей в себе признаки словоизменительных и словоклассифицирующих категорий: вид оказывается близок к словоизменительным категориям в той мере, в какой речь идет о тривиальных значениях имперфективного члена видовой пары, и к словоклассифицирующим – когда мы имеем в виду его нетривиальные значения» [Зализняк, Шмелев 2000, с. 99]. В данном случае речь идет о влиянии значения на тип отношений между глаголами НСВ и СВ.

В более поздних трудах А. В. Бондарко представляет новую трактовку коррелятивности: соотнесенность форм одного и того же слова и разных лексически тождественных слов, согласившись с А. А. Реформатским по поводу возможности словоизменительного и словообразовательного формообразова-

ния [Бондарко А. В. 2002]. Взяв за основу эти данные, А. В. Бондарко выделяет следующие грамматические категории: непоследовательно коррелятивные (вид и залог глагола и др.), последовательно коррелятивные (наклонение, время, число, род глагола и др.) и некоррелятивные (род существительных). Глаголы в видовых парах автор считает разными словами «с тождественным лексическим значением» [Бондарко А. В. 2002, с. 222].

Теория видовых гнезд

Данная теория разработана профессором Л. Янда и ее исследовательской группой CLEAR из Университета Тромсё (Норвегия). Основные теоретические построения и результаты исследований этой группы изложены в статьях [Janda 2007; Janda, Korba 2008; Janda, Lyashevskaya 2011a; Kuznetsova 2015; Lyashevskaya 2015; Янда 2012], а наиболее полно – в обобщающей монографии [Janda et al. 2013].

Обосновывая данную модель, Л. Янда дает следующее определение: «видовое гнездо – это группа глаголов, объединенных некоторыми отношениями на основе аспектуальной деривационной морфологии» [Янда 2007, с. 67]. А это значит, что в понятие видового гнезда Л. Янда включает все глаголы, которые так или иначе соотносятся с одной лексемой: «в типичном гнезде присутствует глагол несовершенного вида (имперфектив) плюс разные типы перфективов» [там же, с. 68], число которых обычно варьируется от 0 до 4.

Следует отметить, что теория видовых гнезд не отрицает существование видовых пар, однако рассматривает их в более сложной парадигме, что лучше соответствует разнообразию видовой системы русских глаголов. В случае присутствия видовых пар, они становятся частями видовых гнезд, в которых, как правило, находится больше двух глаголов [Janda, Korba 2008].

Имперфективы и перфективы определяют структуру видового гнезда таким образом, что внутри гнезда глаголы организуются иерархически. Так как перфективы более разнообразны, в данной теории им уделяется особое внимание. Л. Янда делит перфективы на четыре типа: естественный, специализированный, комплексный и одноактный [Janda 2003].

1. Естественные перфективы (ЕП) обычно обозначают результат действия и «аспектуально соотносятся с несовершенным видом» [Janda 2008b, с. 79] (перевод мой – А. Т.), имеющим то же значение². Например, *написать*–*писать*, *связать* – *вязать*. Естественные перфективы не могут образовывать вторичные имперфективы³.

2. Специализированные перфективы (СП) описывают результат действия, достигнутый определенным образом [Janda 2008b, 2008c], и являются видовыми родственниками соответствующих имперфективов [Янда 2007]. Например, *подписать* (поставить подпись) – *писать* (префикс *под-* указывает на определенный вид письма). Данный вид перфективов может образовывать вторичные перфективы (например *подписывать*, *переписывать*). Кроме того, от специализированных перфективов могут быть образованы комплексные перфективы (например *попереписывать*) [Янда 2007].

3. Комплексные перфективы (КП) называют действие с определенными временными рамками, им свойственно использование приставок *по-*, *про-*, *за-*, *от-*. Например, *пописа́ть* (писать некоторое время), *заскрипеть* (начать скрипеть), *подуть* (начать дуть). Вторичные имперфективы от них, как правило, образовать невозможно [Janda 2008b, 2008c].

4. Одноактные перфективы (ОП) описывают один цикл повторяющегося действия. Например, *скрипнуть* ‘проскрипеть один раз’, *щипнуть* ‘ущипнуть один раз’. Как правило, в одном видовом гнезде бывает не больше одного одноактного перфектива. Данный вид перфективов не может образовывать вторичные перфективы [Janda 2008b, 2008c].

Глаголы имеют разные сочетания перфективов в своих видовых гнездах, а это значит, что состав видового гнезда глагола «определяется сочетаемостью и единственным значением этого глагола» [Janda 2008b, с. 79] (перевод мой –

² Изначально предполагалось, что в видовом гнезде может быть только один естественный перфектив, однако сейчас это одна из отдельно изучающихся тем, имеющая практическую ценность (см. подробнее [Janda et al. 2013]).

³ Существует некоторое количество глаголов восприятия, которые описывают моментное действие (*увидеть*), а также видовые изоляты, не связанные с НСВ (*рухнуть*) [Janda 2008b].

А. Т.). В том случае, когда действие имеет значение результата, глагол может быть естественным перфективом. Так, например, процесс написания текста может быть целенаправленным, т.е. в конечном итоге приведет к результату, и тогда глагол *дописать* может выступать в роли естественного перфектива; глагол *поскрипеть*, которому не хватает конкретной цели действия и результативности, может быть определен как комплексный перфектив или же как одноактный, если имеется ввиду некоторое количество однократно совершенных действий (см. подробнее в [Janda 2008b]).

Учитывая описанные выше перфективы, Л. Янда уточняет определение видовых гнезд следующим образом: «Видовое гнездо – это группа глаголов, объединенных переходными отношениями на основе видовой деривации, включая имперфективы, а так же естественные, специализированные, комплексные и одноактные перфективы, которые, таким образом, связаны с одним лексическим элементом» [Janda 2007, с. 609] (перевод мой – А. Т.).

В другой своей работе Л. Янда предлагает детализировать типы перфективов в соответствии с тремя аспектами семантики.

5. «Закрытые» и «открытые» перфективы. Глаголы в СВ являются закрытыми, когда представляют собой завершённую ситуацию (с двумя конечными точками); открытыми – когда ситуация незавершена (не имеет ни одной конечной точки) [Smith C. S. 1991, с. 100]. Противопоставление закрытых и открытых перфективов позволяет разграничить такие характеристики ситуации, как ограниченность, тотальность, делимитация и замыкание (см. также работы [Падучева, Виноградов 1995; Авилова 1976; Бондарко А. В. 1971; Comrie 1976; Dickey 2000; Forsyth 1970; Jakobson 1957/1971; Talmy 2000; Timberlake 1982]), что соответствует сопоставлению совершенного и несовершенного вида в русском языке [Janda 2006].

6. «Завершаемые» и «незавершаемые» перфективы описывают ситуации, которые могут быть завершены и направлены на достижение определенной цели. Например, написание диссертации – это ситуация, которую можно

привести к конечной цели – завершить, однако, работа по своей сути не является завершённой. Разница между «завершаемым» и «незавершаемым» соответствует характеристикам целенаправленный/неопределённый, завершающий/преобразующий и трансформирующий/нетрансформирующий (см. также работы [Мелинг 1994; Smith C. S. 1991]). Разные способы передвижения описывают как открытые ситуации (*ходить, бегать, летать*); определённые глаголы описывают целенаправленно завершаемые ситуации (*идти* – прогулка с определённой целью), неопределённые глаголы описывают не завершаемые ситуации (*ходить* – прогулка без цели) [Janda 2006].

7. «Продолжительные» и «мгновенные» перфективы подходят для описания ситуаций, которые являются закрытыми и незавершёнными, но при этом могут быть либо длительными (например *посидеть* – некоторое время), либо мгновенными (например *чихнуть* – единожды) [Janda 2006].

На рисунке 1⁴ представлена диаграмма параметров и указаны видовые ситуации в пространстве. Как видим, так противопоставляются открытые и закрытые ситуации, которые реализуются, соответственно, имперфективами и перфективами. Закрытые перфектные ситуации делятся в свою очередь на завершаемые и незавершаемые; завершаемые реализуются естественными и специализированными перфективами. Незавершаемые закрытые ситуации разделяются на длительные и мгновенные; первые реализуются комплексными перфективами, вторые – одноактными перфективами [там же].

Такой подход предполагает существование видовых пар, однако рассматривает их в более сложной парадигме (как видовые гнезда), что лучше, по мнению Л. Янды, соответствует разнообразию аспектуальной системы русского языка [Janda, Korba 2008: 254].

⁴ Рисунок заимствован из работы [Janda 2006, с. 185]. Термины, использованные в рисунке: Activities – деятельность; Natural Perfectives – естественные перфективы; Specialized Perfectives – специализированные перфективы; Complex Acts – комплексные действия (комплексные перфективы); Single Act – единичные действия (одноактные перфективы); Completable – завершаемый; Noncompletable – незавершаемый; Durative – длительный (продолжительный); Instantaneous – мгновенный; Open – открытый; Closed – закрытый; (перевод мой – А. Т.).

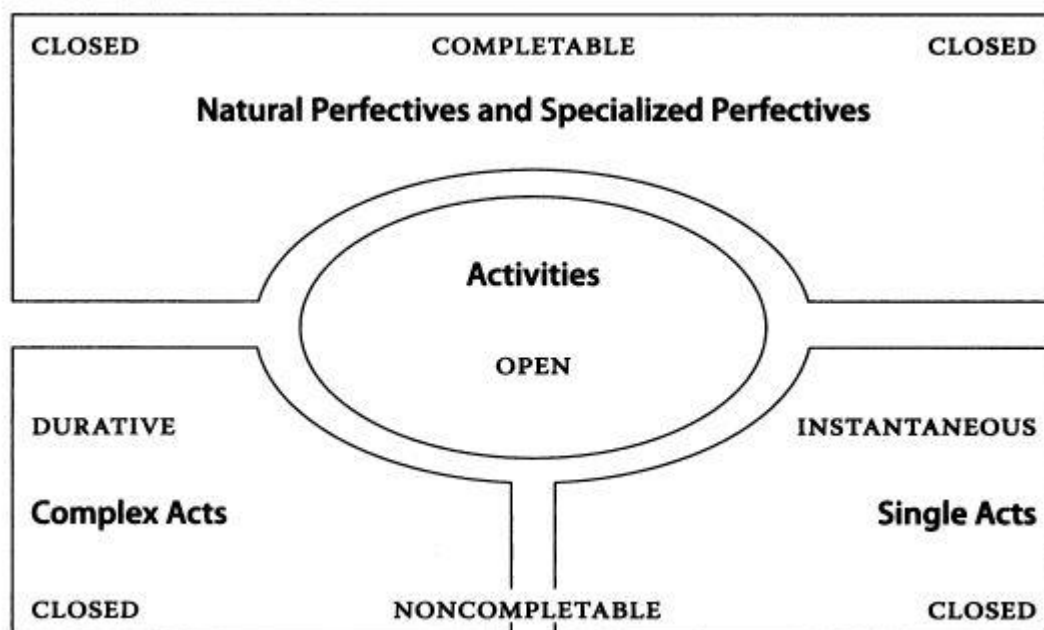

Рисунок 1. Распределение типов ситуаций по параметрам аспекта

Модель русского вида как набора квазиграммем

Данная модель, описывающая вид в РЯ не как единую категорию, а как набор квазиграммем, была предложена Д. В. Герасимовым в 2015 г. на V Международной конференции Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов в Киото. Согласно его точке зрения, «русский вид не является грамматической категорией, но складывается из взаимодействия целого ряда различных категорий, большинство из которых являются квазиграммами, состоящими в привативной оппозиции с собственным отсутствием, и имеют единственный экспонент» [Герасимов 2015, с. 51].

Д. В. Герасимов отмечает, что чаще среди квазиграммем выделяется имперфективатор *-ыва-* [там же]. Он также сравнивает видовую оппозицию в русском языке и агглютинативных языках: в обоих случаях глагол может быть перфективным/имперфективным и переходным/непереходным, кроме того, существуют двувидовые глаголы. «Подобно видовым парам, в рамках (не)переходности выделяются соотносимые пары глаголов (каузатив и антикаузатив), причем способность к попарной организации не распространяется на всю глагольную лексику» [там же, с. 51].

Модель первичных и вторичных видов

В основе данной концепции, в которой бинарный первичный (простой, чистый) вид репрезентирован исключительно непроизводными глаголами-симплексами, заложен семантический подход, утверждающий нераздельность грамматического и лексического вида, и равенство вида и способов действия.

С. Кароляк и И. Козера утверждают, что видом обладают не формы глагола, а представляемые ими понятия, а аспектуальные единицы – это длительный и моментальный виды [Кароляк 1998; Kozera 2018]). Важно, что эти противопоставленные формы выражаются лексическими (первичные средства выражения видового значения) и грамматическими морфемами (вторичные средства выражения).

Описанные выше модели отличаются сферой действия, обязательностью и регулярностью.

Теория видов русского глагола до сих пор является одной из наиболее спорных и неразработанных в системе русской грамматики. Трудности, связанные с изучением видов русского глагола, обусловлены не только отсутствием данной грамматической категории в других, неславянских языках, но и целым рядом особенностей этой категории в русском языке.

2.1.2. Классифицирующие категории русского глагола

К классифицирующим категориям русского глагола обычно относят вид, переходность, возвратность и спряжение.

Формой глагола, в которой выражены только классифицирующие категории (а также категория вида, с какой бы точки зрения ее ни рассматривали), в русском языке является инфинитив; словоизменительные категории в инфинитиве не выражены. Инфинитив традиционно в русской грамматике считается неопределенной формой глагола [Русская грамматика 1980].

Переходность

Категорию переходности можно трактовать в широком понимании как «характер синтаксических свойств глагола в предложении с точки зрения

наличия/отсутствия у него прямого (по ряду трактовок, функционально обязательного) дополнения» [Долинина 1998, с. 370] (например, *писатель пишет книгу* – *писатель сидит за столом*); а в узком понимании – как «характер имманентного значения глагольной лексики, требующей или не требующей дополнения» (например, *писать* – *веселить*) [там же, с. 370].

Переходные глаголы показывают направленность действия субъекта на объект и способны сочетаться с прямым дополнением в форме винительного падежа без предлога, например, *рисовать рисунок, пить кофе*. Чаще всего прямое дополнение имеет значение объекта действия и наблюдается у глаголов конкретного физического действия (*резать пирог, колоть дрова*); а глаголы движения (*перебежать поле*) и речи/мыслей/чувств (*узнать правду*) ослабляют значение прямого дополнения. Переходные глаголы не имеют суффикса *-ся* [Бондарко, Буланин 1967].

Непереходные глаголы демонстрируют замкнутость действия в субъекте и не могут сочетаться с прямым дополнением [Долинина 1998]. Они называют состояние (физическое или психологическое), движение, существование и т.д. Неperеходность может быть выражена при помощи суффиксов *-ся* (*задуматься*), *-е-* (*зеленеть*), *-нича-* (*бездельничать*), *-ствова* (*главенствовать*) [Краткая русская грамматика 1989]. Многозначные глаголы в разных своих значениях могут быть переходными или непереходными, отсюда видна связь переходности с лексическим значением [Русская грамматика 1980].

Возвратность

Все глаголы, имеющие суффикс *-ся* и не стоящие в пассивной конструкции, называются возвратными и относятся к действительному залогу [Русская грамматика 1980]. Возвратные глаголы обладают следующими значениями:

- 1) собственно возвратным – субъект воспроизводит действие, в котором субъект и объект – это одно и то же (*одеваться, бриться, мыться*);
- 2) взаимно-возвратное – несколько субъектов принимают участие в действии и они же являются объектами (*обниматься, целоваться, ссориться*);

- 3) безобъектно-возвратное – состояние/действие является характерным для субъекта и проявляется в совершении действия (*крапива жжется*) или подвергается действию (*стекло трескается*);
- 4) общевозвратное – действие совершается внутри самого субъекта и характеризует его психическое или физическое состояние (*радоваться, торопиться*);
- 5) косвенно-возвратное – действие совершается субъектом в своих интересах (*прибираться, заплетаться, заправляться*);
- 6) безличное – действие совершается независимо от субъекта (*становится*).

Такие возвратные глаголы, как *ложиться, садиться, становиться* могут образовывать видовые пары с невозвратными глаголами *лечь, сесть, стать* [Русская грамматика 1980].

Спряжение

Спряжение – «глагольное формообразование, охватывающее всю парадигму глагола, всю совокупность его форм в пределах одной глагольной лексемы и выражающие соответствующие грамматические категории» [Маслов Ю. С. 1998в, с. 485], это изменение глагола по лицам, числам, наклонениям, временам, а в прошедшем времени и сослагательном наклонении еще и по родам. В зависимости от типа словоизменительных парадигм настоящего и будущего (для СВ⁵) времен все глаголы делятся на глаголы I и II спряжения, для которых различаются окончания, используемые при спряжении глагола по лицам и числам [там же]. Выделяют также разноспрягаемые глаголы, для которых парадигмы спряжения перемешиваются [там же]. Таким образом, спряжение, будучи классифицирующей категорией, выражается через формальные показатели словоизменительных категорий числа и лица.

Спряжение глагола в русском языке является формально-классифицирующей категорией, так как по значению глаголы I и II спряжения не различаются.

⁵ Глаголы СВ, образующие формы будущего времени, имеют те же окончания, что и формы глаголов НСВ настоящего времени, однако они отличаются своим значением [Краткая русская грамматика 1989].

2.1.3. Словоизменительные категории русского глагола

К словоизменительным грамматическим категориям русского глагола относят залог, наклонение, время, лицо, число и род.

Категория залога

Общепринятого определения категории залога в языкознании не существует, так как разные исследователи вкладывают в это понятие разное и порой взаимно противоположное содержание. Так, в русском языке выделяют следующие параметры для определения категории залога: формы залога, их количественная и качественная характеристики, семантическая (не)однородность, характер залоговых оппозиций, решение проблем охвата категорией залога глагольной лексики [Храковский 1998].

Можно выделить три подхода к определению категории залога [Колесникова 2016].

1. Семантическое определение: форма залога – это грамматическая категория, выражающая разное отношение глагольного действия к его субъекту или объекту [Грамматика современного русского литературного языка 1970, 1980; Пешковский 1956; Потебня 1941; Фортунатов 1899; Шахматов 1941 и др.].

2. Синтаксическое определение: форма залога – это категория, показывающая разное отношение глагола к подлежащему [Исаченко 2003; Падучева 2009 и др.].

3. Семантико-синтаксическое определение: форма залога – это категория, выражающая разное отношение глагольного действия и его субъекта к подлежащему и дополнению [Бондарко, Буланин 1967; Королёв 1969; Моисеев 1975 и др.].

При выделении отдельных значений в категории глагольного залога исследователи также расходятся во мнениях. Так, по количеству форм залога выделяют несколько вариантов.

1. Четыре залога: действительный, средний, возвратный и средневозвратный (В. П. Брюханов, цит. по [Храковский 1998, с. 160]); действительный, страдательный, средний, безличный [Моисеев 1975].

2. Три залога: действительный, страдательный, возвратный [Падучева 2009; Шахматов 1941]; действительный, страдательный, подстрадательный (Б. Гвоздилов, цит. по [Храковский 1998, с. 160]); действительно-подлежащий, страдательно-подлежащий, бесподлежащий (Б. Д. Рабинович, цит. по [Храковский 1998, с. 160]);

3. Два залога: невозвратный, возвратный [Фортунов 1899]; действительный, средний (В. А. Богородицкий, цит. по [Храковский 1998, с. 160]); переходный, непереходный (А. Б. Шапиро, цит. по [Храковский 1998, с. 160]); действительный, страдательный [Бондарко А. В. 1976; Бондарко, Буланин 1967; Грамматика современного русского литературного языка 1970; Исаченко 2003; Королёв 1969; Русская грамматика 1980].

В последней концепции, выделяющей только действительный и страдательный залоги, определяется взаимосвязь залога и категории переходности/непереходности глагола, в силу того что форма страдательного залога определяется только у переходных глаголов [Храковский 1998]. В нашем исследовании мы придерживаемся данной концепции.

Действительный залог (активный) представляет собой действие, которое выполняет сам субъект (пример, *мама готовит завтрак*), а страдательный (пассивный) – действие, которое выполняется над субъектом (*завтрак приготовлен мамой*). Значение действительного залога не имеет собственных средств выражения, в то время как страдательный залог может быть выражен формой страдательного причастия настоящего времени (у глаголов НСВ), например *примерять – примеряем, примеряемый*; формой страдательного причастия прошедшего времени (у глаголов СВ), например, *прочитать – прочитан, прочитанный*; формой глагола с суффиксом *-ся*, в основном характерной для НСВ, например *показывать – показываться, проявлять – проявляться*. Все это говорит о том, что категория залога обладает смешанным характером: она может выражаться и словоизменительными, и несловоизменительными средствами [Краткая русская грамматика 1989].

Соотношение категорий залога и переходности показывает на их связь. Так, например, А. А. Потебня утверждал, что залог – это «необходимое в известном языке отношение глагола <...> к объекту» [Потебня 1941, с. 200], понимая под объектом – дополнение. Беря данное утверждение за основу, он выделял два залога – действительный (переходные глаголы) и средний (непереходные глаголы). В этом случае категории залога и переходности дублируют друг друга [Бондарко, Буланин 1967]. При этом только переходные глаголы могут быть двузалоговыми (переходить из активного залога в страдательный, и наоборот) – это суть связи залога и переходности [там же].

Категория наклонения

Наклонение – «система противопоставленных друг другу форм, выражающих отношение действия к действительности и имеющих значения реальности (изъявительное наклонение), побуждения (повелительное наклонение) или предположительности, возможности (сослагательное наклонение)» [Русская грамматика 1980, с. 618–619]. Наклонения глаголов образуют между собой два основных противопоставления: между изъявительным наклонением (прямым) и повелительным и сослагательным (косвенными); между повелительным наклонением, которое выражает побуждение, и двумя другими, которые волеизъявление не выражают [там же].

Изъявительное наклонение представляет реально существующие действия в прошедшем, настоящем и будущем временах, например *читал – читаю – буду читать*. Оно не имеет особого морфологического показателя (в качестве этого выступают морфемы лица и времени). Значение реального действия может быть использовано с дополнительными модальными характеристиками, например решимостью, готовностью, угрозой, что может быть показано на лексическом, семантическом, синтаксическом и интонационном уровнях (*Приготовлю-ка я себе обед!*) [Краткая русская грамматика 1989].

Повелительное наклонение (императив) имеет значение побуждения сделать что-то – выполнить просьбу или приказ, например: *подай одеяло, приготовь чаю*. К глаголам повелительного наклонения относятся формы 1 л.,

мн. ч. и 2 л., ед. и мн. ч., образованные от основы настоящего времени глаголов СВ и НСВ.

Сослагательное наклонение выступает в значении возможного, предполагаемого или желаемого процесса, его особенность – отсутствие форм времени и лица. Формы сослагательного наклонения аналитические, образуемые сочетанием глагола в форме прошедшего времени и частицами *бы, чтоб*: *Ах, жила бы сейчас на Бали!*

Формы наклонений могут показывать совершенно разные значения, а также «употребляться с вторичными значениями в функциях других наклонений» [Краткая русская грамматика 1989, с. 278]. Так, часто могут употребляться формы изъявительного наклонения со значением, которое присуще повелительному или сослагательному наклонениям; изъявительное и сослагательное наклонения – для выражения побуждения (форма 2 л., ед. или мн. ч. с побудительной интонацией), например: *Ты завтра пойдешь в библиотеку и принесешь мне ту книгу!*; или же формы изъявительного и повелительного наклонений со значением возможного процесса, например: *Об этом и слова не скажи.*

Категория времени

Категория времени представляет собой систему «противопоставленных друг другу рядов форм, обозначающих отношение действия ко времени его осуществления» [Русская грамматика 1980, с. 626].

Категория времени тесно связана с категориями наклонения и вида: глаголы НСВ в изъявительном наклонении имеют все три формы времени, а глаголы СВ в изъявительном наклонении имеют лишь две формы – прошедшего и будущего времен; глаголы в повелительном и сослагательном наклонениях не изменяются по временам [Бондарко А. В. 1971].

Настоящее время совпадает с моментом речи в противопоставленности его с прошлым и будущим. Оно делится на два вида: на собственно настоящее (актуальное) и несобственно настоящее (неактуальное). Собственно настоящие

время идет в момент речи (*мама вяжет носки*); несобственно настоящее используется, когда речь идет о постоянном настоящем (*реки впадают в моря и океаны* – процесс, не имеющий временных ограничений) или же настоящим абстрактном (*обычно я хожу на работу пешком* – повторяющийся, рутинный процесс, проявление которого не связано с определенным временным планом) [Бондарко А. В. 1971].

Различают абсолютное и относительное значение времени русских глаголов. Абсолютное время – то, в котором исходная точка его определения – это момент речи (*Я сейчас пойду пить чай*), в относительном времени исходной точкой является время осуществления другого процесса (*Я видела, как она играет на пианино*) [Краткая русская грамматика 1989].

Прошедшее время характеризует предшествование процесса моменту речи и противопоставляется настоящему и будущему временам. Глаголы СВ, имеющие перфектное значение (законченный процесс, сохраняющий результат в настоящем), могут обозначать длительные, но ограниченные по продолжительности процессы (например, *на сильном морозе мальчик замерз*). Глаголы НСВ имеют значение протекания действия и указывают на его длительность [Бондарко А. В. 1971].

Будущее время обозначает процесс, который будет следовать после момента речи, и противопоставляется прошлому и настоящему. Выделяют простые (синтетические) и сложные (аналитические) формы будущего времени. Формы глаголов будущего времени СВ обозначают законченные процессы с наличием конкретного результата; форма глаголов будущего времени НСВ – продолженные или повторяющиеся процессы [там же].

Категории лица и числа

Категория лица – это словоизменительная грамматическая категория, представляющая собой систему «противопоставленных друг другу рядов форм, выражающих отнесенность или неотнесенность действий к участникам речевого акта» [Русская грамматика 1980, с. 636]. Категория числа определяется как «система противопоставленных друг другу рядов форм, выражающих

отнесенность действия к одному субъекту или к нескольким субъектам, т. е. противопоставленность действий по единичности или множественности их производителей» [там же, с. 640]. Категории лица и числа тесно связаны друг с другом и реализуются прежде всего при спряжении глагола.

Форма 1 л. ед. ч. выражает соотнесенность самого говорящего с речевым процессом и раскрывается в двух значениях – обозначение действия говорящего (*сиджу дома, вяжу носки*) и проявление в пословицах и высказываниях общего характера (*моя хата с краю – ничего не знаю*). Форма 2 л. ед. ч. выражает отношение действия к собеседнику (*ты куда собрался?*). Форма 3 л. ед. ч. показывает, что в качестве носителя процессуального признака является лицо/предмет/явление, которое не участвует в речи (*Варя читает письмо*); обозначает действие без субъекта (*вечереет, трясет*) [Бондарко, Буланин 1967].

При уточнении количества носителей процессуального признака, используются формы мн. ч. Форма 1 л. мн. ч. указывает на тот факт, что носителем процессуального признака является множество людей, в которое включен говорящий (*мы уже идем домой*), также выражается в пословицах (*поживем – увидим*). Форма 2 л. мн. ч. показывает действие адресата совместно с другим лицом/лицами (*Что же вы такое творите?!*), а также показывает вежливое обращение к одному из адресатов речи (*Вы позволите посмотреть эту картину?*). Форма 3 л. мн. ч. указывает на неопределенное количество участников речевого акта (*поговаривали, что это она его побила*), либо определенно-личное значение (*визжали и хлопали двери*), либо обобщенно-личностное значение (*родителей не выбирают*) [там же].

Различают глаголы личные (изменяют форму слова в зависимости от лица) и безличные (представляют процесс, независимый от действующего лица/предмета, т.е. происходящий сам собой). Безличными глаголами считаются такие, которые обозначают: 1) долженствование/желанность (*хочется, подобает*); 2) наличие/отсутствие чего-либо (*хватает, недостает*); 3) природные явления (*холодать, смеркаться*); 4) физическое/психическое состояние одушевленного существа (*веселиться, саднить*). К безличным глаголам

относят инфинитив и формы, которые совпадают с формой глагола в 3 л. ед. ч. наст. и буд. врем., а также и в ср. р. прош. вр. и в сослагательном наклонении: *холодать, холодает, похолодало, похолодало бы*. Безличные глаголы не обладают формами мн. ч. [там же].

Категория рода

Категория рода у глаголов представляет собой систему «противопоставленных друг другу рядов форм ед. ч. прош. вр. или сослагательного наклонения, обозначающих отнесенность действия к лицу (или предмету), названному существительным мужского, женского или среднего рода, а также отнесенность действия к лицу мужского или женского пола» [Русская грамматика 1980, с. 641].

Категория рода имеет три морфологических значения – мужской, женский и средний род, которые обозначают 1) соотнесенность самого действия с лицом мужского/женского пола; 2) соотнесенность по полу, которая соответствует грамматическому роду существительного; 3) синтаксическую связь с именем [Русская грамматика 1980]. Как правило, указание на пол свойственно форме глагола в том случае, если стоящее рядом имя существительное обозначает общий род (*тихоня заплакал – тихоня заплакала*). В случае, когда наименование лица обозначено, родовая форма глаголов соотносится с грамматическим родом существительных (*одна важная персона прибыла, чудовище вернулось* – персона и чудовище могут обозначать любой пол). Форма среднего рода противопоставляется двум другим формам как форма, которая может обезличить действие [Краткая русская грамматика 1989].

* * *

Грамматические категории глагола находятся в сложных функциональных взаимосвязях друг с другом; это связано с тем, что они всегда представлены в одной и той же словоформе (за исключением категорий лица и рода, которые не выражаются одновременно). Существуют смежные категории

(например, вид и время, вид и залог, наклонение и время) и категории, семантически отдаленные друг от друга (например, наклонение и лицо, наклонение и вид, наклонение и залог, наклонение и число), а разные словоизменительные категории русского глагола могут использоваться в своих вторичных значениях, не прямых переносных функциях. Кроме того, выделяют такие нефинитные формы глаголы как инфинитив, причастие и деепричастие, но в данной работе их грамматические значения не рассматриваются.

2.2. Употребление грамматических категорий глагола в речи

2.2.1. Употребление грамматических категорий в разных текстах

К функционально-смысловым типам дискурса традиционно относят описание, повествование (нарратив) и рассуждение [Нечаева 1975]. Монолог-описание и нарратив подробно рассмотрены в разделе 1.2.2.

Нарратив

Исследование особенностей функционирования форм глаголов в нарративном дискурсе актуально, поскольку нарратив «является маркированным типом употребления языка» (см. [Fleischman 1991, с. 76]; также в [Падучева, Виноградов 1995] нарратив охарактеризован как неканоническая речевая ситуация).

В нарративе, который предназначен для изображения последовательности событий или трансформации предмета/объекта из одного состояния в другое, основную смысловую нагрузку обычно несут перфективные и бесприставочные глаголы СВ, обладающие значением предельности и сменяемости [Золотова 1979; Трошева 2003: электр. ресурс]. Традиционно считается, что СВ глаголов помогает придать тексту динамичность [Русская грамматика 1980]. Чаще всего СВ глаголов выражает изменение или некий процесс: «течет время и изменяется мир, одно положение вещей сменяет другое» [Шатуновский 1999, с. 236]. Однако СВ может указывать и на точечное, мимолетное действие либо действие, имеющее внутренний предел. Часто вместо глагола СВ с

семантикой мгновенного/точечного действия используется глагол НСВ. Данное замещение имеет место в настоящем времени [Золотова 2003].

Глаголы СВ не имеют формы настоящего времени, поэтому в настоящем времени всю семантику СВ берут на себя глаголы НСВ, которые приобретают следующие значения:

- 1) статичное (состояние);
- 2) актуально-длительное (наблюдаемое действие);
- 3) актуально-динамическое (динамика, точечное действие) [Шатуновский 1999].

Настоящее время глагольных форм передает совпадение ситуации с моментом речи (отсюда возникает понятие актуальности). Момент речи не является точкой на временной оси, а является интервалом, который зафиксирован на ней. Именно поэтому момент речи сам по себе обладает динамикой. При использовании актуального длительного времени к совпадению с моментом речи добавляется значение НСВ глагола – «не меняющееся положение вещей» [там же, с. 238]. Актуальное динамическое время является результатом взаимодействия значения настоящего времени и событийного значения СВ.

Размышляя о сюжетном времени в нарративных текстах, Г. А. Золотова исследовала видовременные формы глагола в контексте истории языка. Ядром сюжетного времени она считает глагольные формы в прошедшем времени с аористным⁶ и имперфектным значением. Аористное значение выражается посредством результативно-динамических форм глаголов СВ в прошедшем времени, которые указывают на единичные действия, произошедшие в определенный момент сюжетного времени и последовательно сменяющие друг друга. Глаголы НСВ в прошедшем времени передают имперфектное значение, воспроизводя действие в его продолжительности, которое заполняет отрезок сюжетного времени своей протяженностью [Золотова 2003].

⁶ Аорист – «грамматическая категория праиндоевропейского глагола, выражавшаяся совокупностью нескольких парадигм личных форм, различных по своей структуре и происхождению, но имевших относительно общее видовременное значение недлительного совершенного прошедшего действия» [Журавлев В. К. 1998, с. 37].

Настоящее актуальное время глаголов НСВ с семантикой моментального действия также используется в нарративе, требуя обязательного присутствия аористного и имперфектного прошедшего времени. Использование глаголов НСВ в настоящем актуальном времени, сближает рассказываемое событие и момент наррации, при этом рядом находятся глаголы прошедшего времени СВ, которые приобретают значение завершенности [там же]. Кроме того, употребление настоящего времени придает нарративу напряженный, экспрессивный характер, свойственный формам данного времени, в отличие от «отстраненных» форм прошедшего. Как отмечает С. Флейшман, использование настоящего времени в нарративе нередко способствует созданию эффекта «suspense» (напряженного ожидания), свойственного кульминации описываемых событий [Fleischman 1991].

Изменение видовременных форм глаголов широко используется при наррации, это объясняется тесной связью типов речи описание и повествование в нарративном тексте. Нарратив может иметь в основе не только динамику, но и статику. Как уже говорилось выше, глагол – это часть речи, которая обозначает процесс, а семантика глагольной процессуальности разнообразна: глаголы могут обозначать процесс и действие, процесс и состояние, процесс и отношение [Русская грамматика 1980]. А это значит, что глагол способен описывать и статические действия.

Рассматривая компоненты структурной схемы нарратива, следует отметить, что ориентация статична, в то время как осложнения и развязка – динамичны. Динамичность действия чаще всего передается через глаголы НСВ в настоящем актуальном времени, которые привлекают внимание слушателя к моменту кульминации действия, максимально приближая происходящие события прошлого и момент наррации. Развязка тоже динамична, однако завершающая фаза истории обычно выражается глаголом СВ прошедшего времени [Шатуновский 1999].

Интересно, что Е. В. Падучева придерживалась другого мнения, утверждая, что в нарративе время утрачивает свое первоначальное значение

одновременности/предшествования моменту повествования, так как момент рассказа обычно вообще не учитывается при определении формы времени: настоящее и прошедшее могут быть почти равнозначны [Падучева 2006].

Обращаясь к построению предложений в нарративных текстах, А. В. Циммерлинг утверждает, что в них часто используется инверсия, а глагол может перемещаться в начало клаузы [Циммерлинг 2016].

Описание

В исследовании основных функционально-смысловых типов дискурса Т. Б. Трошева приходит к ряду заключений. В монологах-описаниях акцент делается на предметы, их качества и характеристику, нежели на действия, в связи с чем, чаще используются имена существительные и прилагательные, а глаголы «либо ослаблены, либо имеют качественно-изобразительное значение» [Трошева 2003: электр. ресурс]. Преобладающими становятся глаголы, «ведущее средство организации и членения текста» [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004, с. 411] в настоящем времени, которые показывают на длительное или вневременное состояния предметов. Глаголы НСВ прошедшего времени обращают внимание на состояние описываемых явлений в момент наблюдения за ними, который обязательно должен быть контекстуально локализован и всегда предшествует моменту речи [Fabricius-Hansen 1986]. НСВ «выражает действие в процессе его протекания» [Русская грамматика 1980].

Для монологов-описаний свойственна однотипность форм сказуемого и использование эллиптических конструкций, что свидетельствует о статичности изображения [Трошева 2003: электр. ресурс].

Иногда акцент в монологах-описаниях направлен на действие, в этом случае говорят о динамическом описании, что само по себе граничит с нарративом. Данный вид описания демонстрирует протекание действий в маленьком временном периоде и ограниченном пространстве. В этом случае описание сводится к простой констатации фактов, а иногда может служить способом демонстрации динамики внутреннего состояния героя.

Центральное значение существования, типичное для предикатов в описательном тексте, может быть реализовано 11 различными способами существования объекта в пространстве [Варфоломеева 2008].

В структуре описательного текста используются:

- 1) акциональные глагольные предикаты со значением конкретных визуально-наблюдаемых действий, ограниченных временем (например *вышивать, вязать, бегать*), которые выражают значение существования: «локализуемый объект, наполняющий собой описываемое пространство, существует в нем в виде некоторой точки» [там же, с. 176];
- 2) предикаты, обозначающие конкретные физические действия (например *читать газету, шить платье*), которые могут показывать статические отношения между объектом и ориентиром: «положение объекта относительно какого-либо ориентира в рамках описательной микротемы не изменяется, данный объект воспринимается как некая точка в описываемом пространстве» [там же, с. 176].
- 3) акциональные предикаты, обозначающие речевые действия (например *тапаторить, рассказывать*) и интерсубъектные действия (например *бороться*), которые могут восприниматься наблюдателем и описывают способ существования объекта в пространстве [там же].

В контексте описания, глаголы движения передают динамические связи, но значение действия дополняется значением состояния: «движущийся объект предстает как некая движущаяся точка, характеризующая вещьность описываемого пространства, движение как бы замыкается в описываемом пространстве и воспринимается как состояние, потому что продвижение объекта, стремление его к конечному пункту не актуально для описательного текста» [Варфоломеева 2008, с. 176].

Один из видов описания – портретное описание – определяется как «словесное перечисление внешних черт человека, вида его лица, фигуры и одежды и т. д.» [Нечаева 1974, с. 71]. Следует отметить, что, как в описании в целом,

так и в портретном описании преобладают именные формы слов. Однако нередко «словесный портрет человека создается при помощи глаголов» [Санжеева 2008, с. 64].

Иногда можно встретить сразу два вида описания – портретное описание и описание-характеристику⁷. О. А. Нечаева выделяет два признака в описании-характеристике: 1) признаки, связанные с биографическими сведениями (опираются на факты из жизни человека, не всегда требуют доказательств); 2) признаки, описывающие характер и наклонности человека, которые чаще всего нуждаются в доказательствах [Нечаева 1974].

Так, при описании черт лица человека (непостоянный признак), используются чаще всего глаголы, обозначающие динамичность, в то время как постоянные признаки портрета определяются именными формами и статальными глаголами⁸. Важно заметить, что все эти глаголы используются со значением состояния, так как наблюдатель определяет синхронные явления. В лингвистической теории существует утверждение, что выбор между акциональными и статальными глаголами зависит от интенции говорящего: если наблюдатель акцентирует внимание на индивидуальных особенностях личности, на внутренних качествах человека, то в этом случае используются статальные глаголы; с другой стороны, если человек описывается с точки зрения его активности, с точки зрения выполняемых им действий, то часто используются акциональные глаголы [Санжеева 2008].

Стоит отметить, что для описания портретной характеристики могут использоваться статальные глаголы с перфектным значением, которые показывают состояние, «являющееся результатом прошедшего действия, состояние, связанное с качественной характеристикой субъекта действия, выражая либо

⁷ Художественное описание как функционально-смысловой тип речи имеет несколько разновидностей: пейзаж, интерьер, описание портрета, описание-характеристика [Нечаева 1974].

⁸ По теории М. В. Всеволодовой существует 6 классов полнозначительных глаголов: акциональные (глаголы действия), экзистенциальные (бытийные глаголы), статальные (глаголы состояния), реляционные (глаголы отношения между участниками ситуации), характеризационные, авторизационные (вспомогательные глаголы) [Всеволодова 2000, с. 57–60].

постоянные, либо временные признаки описываемого предмета» [Хандархаева 2015, с. 88]. Перфектное значение преимущественно свойственно для форм прошедшего времени СВ от непереходных глаголов при обозначении ими состояния субъекта действия в момент высказывания (особенно это реализуется в глаголах стательной разновидности). В случае перфектного значения форм прошедшего времени СВ от переходных глаголов результат действия переносится на объект. Выявлено, что глаголы прошедшего времени СВ в перфектном употреблении могут иметь динамическое значение (с преобладающим значением действия в его акциональности) и статическое значение (с доминированием качественного изменения состояния предмета речи в его стательности) [там же].

Кроме того, при портретном описании эксплицируются свойства объектов, воспринимаемые различными органами чувств, при явном доминировании визуальной модальности, т.е. могут быть использованы интермодальные глагольные предикаты (предикаты разных модальностей), которые обозначают сенсорное восприятие (зрение, осязание, слух, вкус, обоняние). Такие глагольные предикаты вне контекста указывают на наблюдаемые действия с ограниченной продолжительностью (например *скрипеть*, *источать аромат*, *обжигать*). В контексте описательного текста, данные формы принимают значение «существования» (например, *шумит* = *существует и издает скрип*; *благоухает* = *существует и издает аромат*) [Варфоломеева 2015].

В целом следует отметить, что набор предикатов пространственной семантики ограничен в описании портрета, который вербализует определенный устойчивый набор элементов внешнего вида только одного объекта описания – человека (биологические составляющие и одежда) [Варфоломеева 2017].

Наиболее часто употребляющиеся в описании-портрете глагольные предикаты, которые характеризуют форму предмета (прическу, губы, глаза и т. д.). В данной тематической вариации описания в силу особенностей человека как материального объекта не распространены предикаты со значениями расположения в пространстве, наполнения пространства, так же как и формы

тактильного и вкусового восприятия, [там же]. Редко встречаются в портретном описании глагольные предикаты с пространственной семантикой соотношения предметов, так как расположение элементов внешнего облика человека типично. Человек в действии также может составлять объект описания, при этом на значение действий, передаваемых акциональными формами, накладывается характеризующая функция [там же].

Таким образом, можно сделать вывод, что нарратив противопоставляется описанию по следующим параметрам: 1) в различии видовременных форм глаголов – описание строится в основном на использовании форм несовершенного вида, нарратив – совершенного; 2) в преобладании цепной связи предложений в нарративе, для описания более характерна параллельная связь; 3) в употреблении односоставных предложений – для нарратива нетипичны номинативные предложения, безличные предложения, широко представленные в описательных контекстах. Однако часто можно встретить в текстах, что описание граничит с нарративом и наоборот.

В третьей главе настоящего исследования использованные термины сюжетные и несюжетные тексты соотносятся соответственно с нарративом и описанием.

2.2.2. Глагольные профили и глагольные гнезда в работах Л. Янда

В современной лингвистике активно изучаются различные аспекты глагольной системы, включая ее структуру, семантику и функционирование в контексте различных типов речи. В данном параграфе мы рассмотрим основные идеи и результаты исследований Л. Янда в области глагольных профилей и употребления глагольных гнезд.

Глагольные гнезда

Как уже говорилось выше (см. пункт 2.1.1), в модель видовых гнезд входят пять компонентов (один имперфектив и четыре перфектива), которые тео-

ретически могут образовать 31 сочетание, однако в русском языке можно образовать только 13 сочетаний. Именно эти комбинации и определяют структуру видовых гнезд и могут быть представлены в виде двух правил:

- 1) ключевые гнезда, состоящие из имперфектива и от одного до четырех перфективов, которые добавляются в следующем порядке – сначала естественный перфектив, затем специализированный, потом комплексный и далее одноактный;
- 2) вариантные гнезда получаются путем исключения из ключевых гнезд естественного и/или специализированного перфективов

[Янда 2007].

Таким образом, структура гнезда будет выглядеть следующим образом:

$$И > (ЕП/ СП) > КП > ОП,$$

где, элементы слева от знака «>» включаются в гнездо перед элементами справа, а элементы в скобках являются необязательными и неупорядоченными [Janda 2006].

Воспроизведем пример видового гнезда глагола *советовать*, данный в статье [Янда 2007, с. 69]. *Советовать*: 1) *Врач **посоветовал** ему пройти курс лечения в санатории* (естественный перфектив); 2. *А еще я ей **отсоветовала** уходить из техникума* (специализированный перфектив). Таким образом, структура видового гнезда глагола *советовать* выглядит следующим образом: И + ЕП + СП.

В соответствии с описанными выше правилами Л. Янда описала 12 видовых гнезд (4 ключевых и 8 вариантных)⁹. Все существующие структуры и их представлены в таблице 1 (таблица заимствована из работы [Janda 2006, с. 70]). Частота употребления видовых гнезд, указанная в таблице 1, получена на материале Национального корпуса русского языка. Предполагаем, что она может изменяться в зависимости от формы и вида текста.

⁹ Тринадцатая модель используется крайне редко – это перфективы – изоляты; их видовое гнездо образует один глагол – естественный перфектив [Янда 2007].

Глагольные профили

Л. Янда предлагает оригинальный подход к изучению глагольной системы путем построения так называемых «глагольных профилей», которые представляют собой «относительное распределение частот флексивных форм слова в корпусе» [Janda, Lyashevskaya 2011б, с. 717] (перевод мой – А. Т.).

Грамматический профиль русских глаголов позволяет исследовать два основных вопроса:

- 1) общие взаимосвязи между глаголами совершенного и несовершенного вида;
- 2) определение лексических классов глаголов, характеризующихся различными комбинациями вида, времени и наклонения

[Janda, Lyashevskaya 2011б].

Таблица 1

Видовые гнезда, их структура, примеры и частотность, %

Структура	Пример	Частота
Ключевые гнезда		
И+ЕП	Благодарить	36,1
И+ЕП+СП	Красть	19,5
И+ЕП+СП+ КП	Играть	13,2
И+ЕП+СП+ КП+ОП	Резать	4,1
Вариативные гнезда		
И	Уважать	3,8
И+СП	Знать	4,9
И+КП	Беспокоиться	5,3
И+ЕП+КП	Отдыхать	4,1
И+СП+КП	Работать	6,8
И+КП+ОП	Улыбаться	0,8
И+ЕП+КП+ОП	Ошибаться	0,0
И+СП+КП+ОП	Дуть	1,1
ЕП	Состояться	0,4

Интроспективные описания глагольных видов часто связывают с использованием особых инъективных форм и определенным употреблением вида, например, использование форм повелительного наклонения с несовершенным видом для создания выражений, которые очень вежливы. Грамматиче-

ческие профили позволяют идентифицировать глаголы, которые не вписываются в эти рамки, представляя собой большую долю использования по частям парадигмы. Этот анализ одновременно придает содержание и расширяет предыдущие интроспективные описания путем выявления глаголов, которые чаще используются в определенных взаимодействиях категорий времени, вида и наклонения [Janda 2008a].

В парадигме глагольных профилей (изменение глагола по лицам, числам, виду, времени, модальности) Л. Янда выделяет две субпарадигмы – финитную, в которой глагол выполняет свою первичную функцию сказуемого, и нефинитную, где глагол выполняет другие функции.

Таким образом, субпарадигмы располагаются в полевой структуре глагола в разных позициях: финитная относится к ядру глагольной части речи, тогда как нефинитная субпарадигма находится на стыке глагола и прочих частей речи (причастия, деепричастия). Именно поэтому, Л. Янда распределяет формы русского глагола по субпарадигмам [там же].

Говоря про императивы НСВ, она выделяет следующие их значения:

- 1) вежливость (гость знает, чего ожидать) – *раздевайтесь, садитесь*;
- 2) настойчивость (слушатель находится в нерешительности) – *ступайте, глядите, забирайте*;
- 3) настойчивость (слушатель вел себя недолжным образом) – *проваливай, кончай, не перебивай*;
- 4) вежливые просьбы – *выручайте*;
- 5) добрые пожелания – *выздоровливай(те)*;
- 6) идиомы – *давайте посмотрим, прощайте, соединяйтесь* (слоган), *запевай* (в армии), *не поминай лихом*

[там же, с. 737].

Описывая императивы СВ, она выделяет следующие:

- 1) нейтральные инструкции – *вскипяти(те), согни(те), подпиши(те)*;
- 2) грубые требования – *отстань(те), пусти(те), перестань(те)*;
- 3) вежливые выражения – *извини(те), потерпи(те), представь(те)*;

- 4) глаголы, которые используются для направления внимания – *посмотри(те)*, *вслушайтесь*, *понюхай(те)*, *угадай(те)*;
 - 5) религиозные выражения – *Господи, помилуй*; *благослови отче*;
 - 6) идиомы – *хоть залейся* (очень большое количество), *как не разлей вода* (очень близкие друзья), *черт раздери* (к черту);
 - 7) глагол «давать» + глаголы СВ – *дай посмотреть*, *дай погадать*
- [там же, с. 740].

Кроме грамматических профилей, Л. Янда выделяет семантические профили, которые показывают соотношение между значениями (согласно семантической разметке корпуса) и формами глаголов. Примером могут служить «пустые» приставки в русском языке: *писал* – *написал* [Janda et al. 2013]. Однако «пустые» приставки на самом деле не пустые, они показывают различное семантическое поведение: каждая приставка обладает уникальным семантическим профилем, демонстрирует отсутствие и отторжение к различному набору семантических классов глаголов, а также есть возможность установить значения приставок и как они будут комбинироваться с глаголами [Janda et al. 2013; Janda: electr. resource].

Работая с Национальным корпусом русского языка, Л. Янда и О. Ляшевская обнаружили, что глаголы совершенного вида ведут себя иначе, чем глаголы несовершенного вида, в то время как «глагольные пары» ведут себя одинаково независимо от того, какая морфема (префикс или суффикс) используется для указания на вид. Таким образом, результаты их исследования подтвердили традиционную точку зрения¹⁰. Кроме того, результаты данного исследования показали, что можно точно идентифицировать глаголы, которые тяготеют к определенным сочетаниям категорий времени, вида и наклонения [Janda, Lyashevskaya 2011b] (см. также: [Янда 2012; Janda 2007; Janda, Lyashevskaya 2013; Nessel, Endresen, Janda 2011]).

¹⁰ Традиционная точка зрения состоит в том, что русские аспектные «пары» образуются при помощи суффиксации и префиксации [Janda, Lyashevskaya 2011b].

Глагольные профили, разработанные Л. Янда, являются эффективным методом изучения и анализа глаголов в различных языках. Они позволяют понять, как эти глаголы употребляются в предложении и какие семантические и функциональные особенности они имеют.

Понятие видовых гнезд глаголов, предложенное Л. Янда, разнообразие их структур и различная частотность в текстах могут стать инструментом, вскрывающим закономерности функционирования глагола в тексте и его роли при текстопорождении, в том числе в устной речи.

2.2.3. Исследование социолингвистической вариативности употребления грамматических категорий глагола

Лингвисты выделяют следующий ряд социальных характеристик говорящего, которые необходимо учитывать при исследовании речи:

- 1) возраст [Богданова и др. 2008; Ерофеева Е. В. 2005; Ерофеева Т. И. 2009; Панов 1990; Штерн 2006; Adams 1991; Cheshire, Secova 2018; Kemper, Sumner 2001; Robertson 2013; Scheibe, Carstensen 2010; Labov, Waletzky 1966; Trudgill 1972];
- 2) пол/гендер [Богданова и др. 2008; Ерофеева Е. В. 2005; Ерофеева Т. И. 2009; Земская, Китайгородская, Розанова 1993; Потапов 2002; Штерн 2006; Doorn, Wyatt, Zoonen 2008; Labov, Waletzky 1966; Shin, Otheguy 2013; Tannen 1990; Thorne, Kramarae, Henley 1983; Trudgill 1972];
- 3) место рождения [Богданова и др. 2008; Ерофеева Е. В. 2005; Ерофеева Т. И. 2009; Панов 1990];
- 4) место постоянного проживания [Богданова и др. 2008; Панов 1990; Русский язык по данным массового обследования 1974; Trudgill 1972];
- 5) профессия/специальность [Богданова и др. 2008; Ерофеева Е. В. 2005; Ерофеева Т. И. 2009; Панов 1990; Zhu 2005];
- 6) уровень образования [Богданова и др. 2008; Ерофеева Е. В. 2005; Ерофеева Т. И. 2009; Trudgill 1972; Zhu 2005];

- 7) социальное положение родителей [Панов 1990; Trudgill 1972];
 - 8) место рождения родителей [Панов 1990; Trudgill 1972];
 - 9) профессиональное/непрофессиональное отношение к речи и уровню речевой компетенции [Богданова и др. 2008];
 - 10) социально-экономический класс [Labov, Waletzky 1966; Trudgill 1972]
- и мн. др., а также их сочетания.

Рассмотрим подробнее только те факторы, которые будут использоваться при анализе материала в данном исследовании.

Пол

Еще Н. С. Трубецкой писал, что между мужчинами и женщинами можно заметить различия в произношении в любом языке [Трубецкой 1960]. Как показывает анализ литературы, фактор «пол» («гендер») является весьма важным в реальной коммуникации. Различия между речью мужчин и женщин прослеживаются на фонетическом, лексическом, словообразовательном и словоупотребительном уровнях. Женская речь отличается от мужской тембром голоса, темпом, паузацией и длительностью гласных (подробнее см.: [Болдырев, Серова 2007; Земская, Китайгородская, Розанова 1993; Новикова, Хамидулина 2013; Попова 2007; Серова 2003; Смирнова 2012; Bennett 1983; Grandoll, Swann 1989; Lee, Hewlett, Nairn 1989; Lieberman 1975; Smyth, Jacobs, Rogers 2003 и мн. др.]). Мужчины плохо выражают свои эмоции при помощи речи, для выражения различных понятий им проще использовать лексические и грамматические средства, в то время как женщины в похожей ситуации склонны использовать интонацию [Земская и др. 1993].

Так, на собранном материале звукового корпуса современного русского языка в разделе ОРД (один речевой день) были обнаружены некоторые различия между мужской и женской речью на разных языковых уровнях [Русский язык повседневного общения 2016]. К примеру, женщины в течение «речевого дня» говорили больше и быстрее мужчин примерно на два часа (8 ч. и 6 ч. соответственно). Продолжительность диалогов мужчин меньше, в частности, в профессиональной (в 2,5 раза) и учебной (в 2 раза) сферах. Стоит отметить,

что существуют и противоположные данные, полученные не на материале звукового корпуса [Zimin 1981]. Продолжительность монологов, напротив, больше у мужчин [Худякова 2021].

В исследовании Т. И. Ерофеевой на материале чтения отрывка из произведения темп речи женщин оказался быстрее, чем у мужчин (125 и 104 слова в минуту соответственно) [Ерофеева Т. И. 2009]. В ходе анализа русской речи в свободном спонтанном монологе оказалось, что темп мужчин и женщин примерно одинаков (5,5 vs. 5,3 слогов в сек.) [Степанова 2011].

Женщины на фоне мужчин употребляют больше вопросительных предложений и заполненных пауз хезитаций; в речи женщин чаще используется редуцированная форма *щас*, но реже *чё*, мужчины же чаще употребляют междометия, реже употребляют личные местоимения [Русский язык повседневного общения 2016].

Верхние границы списка наиболее употребляемых слов, составленных при исследовании речи мужчин и женщин, также различаются: первая позиция в речи женщин – это местоимение *я*, в речи мужчин частица *ну*; бранная лексика попадает в первые тридцать самых частотных слов только в речи мужчин [там же, с. 195–199].

Е. С. Худякова в своем исследовании реципиент-дизайна в речи людей старшего возраста пришла к выводу, что женщины чаще мужчин употребляли языковые средства, направленные на адресата (они превалировали как по количеству, так и по набору), однако женщины часто не могли выбрать необходимое слово из своего лексикона при номинировании [Худякова 2019].

Кроме того, было проведено множество исследований влияния пола на грамматическую сторону языка, порождаемую речь в целом [Кирилина 2021; Corbett, Fraser 2000; Gender in Grammar and Cognition 2000] и использование коммуникативных стратегий [Fishman 1978; Ryan 1979; Trudgill 1983; Tannen 1990]. Существует и небольшое количество исследований, посвященных частотности глагола в речи.

Так, Л. Шин и Р. Отегай, изучая изменение грамматики испанского языка в речи билингвов г. Нью-Йорка [Shin, Otheguy 2013], проанализировали тенденцию к увеличению употребления личных местоимений с глаголами¹¹, что интерпретируется как результат влияния английского языка, где подлежащее является обязательным. Изучив речь 140 испаноязычных информантов разного происхождения, пола, поколения и социального статуса, авторы обнаружили, что чаще всего местоимения с глаголами употребляют женщины первого поколения из более экономически обеспеченных групп, что противоречит классической модели У. Лабова [Labov 1966], в которой языковые изменения чаще всего лидируют в речи людей рабочего класса.

Ю. Э. Автухович в своем исследовании выявила, что частота употребления форм совершенного и несовершенного вида зависит от пола и отчасти от чувства печали говорящего: женщины, особенно женщины-гуманитарии, используют меньше глаголов совершенного вида, нежели мужчины [Автухович 2012].

Проанализировав 80 письменных и 48 устных текстов – описаний комикса, Е. В. Ерофеева и Д. С. Павлова подтвердили вывод, что женщины реже мужчин употребляют совершенный вид глагола: независимо от возраста, у лиц женского пола «разница между количеством глаголов совершенного и несовершенного вида максимальна (10%) и количество словоформ глаголов несовершенного вида в их речи максимально» [Ерофеева, Павлова 2024, с. 109]. При этом наблюдается интересный эффект взаимодействия пола и возраста информантов: девушки-подростки в письменной речи используют глаголы совершенного вида чаще юношей [там же].

Возраст

Возраст следует определять не только как биологический фактор, а как многогранное явление, к которому можно отнести исторические, психологические (стадии развития личности) и социальные (принадлежность к опреде-

¹¹ Носители испанского языка опускают личное местоимение с глаголами, например *canto* (я пою) вместо *yo canto*. Однако степень такого опускания варьирует.

ленному поколению) параметры [Аванесов 1984; Ананьев 1968]. Возраст оказывает влияние на речь говорящего в области фонетики, лексики, грамматики, синтаксиса [Богданова и др. 2008; Ерофеева Е. В. 2005; Ерофеева Т. И. 2009; Панов 1990; Трубецкой 1960; Штерн 2006; Fasold 1990; Labov 1972; Romaine 1981; Sankoff 1988].

В психо- и социалингвистике достаточно подробно изучалась становление речи в онтогенезе [Воейкова 2011, 2015; Выготский 1934, 1984; Жинкин 1958; Ладыженская 1975, 1986; Лурия 1979; Эриксон 2000; Grebogi, Ott, Yorke 1983; Lysetskiy, Zurada 2004; McNeill 1970; Snyder 2007; Veraksa et al. 2020]. Особенности речи взрослых носителей языка до сих изучены не так подробно, тем не менее уже сейчас понятно, что многие изменения в языке зависят от вариантов нормы или узуса, более архаичных или современных, а также от происходящих физиологических и ментальных возрастных изменений [Ильичева 1998; Якобсон 1996; Coupland N., Coupland J., Giles 1991].

Анализ устной речи жителей Петербурга разного возраста на материале корпуса ОРД показал значительные расхождения в фонетических, стилистических и синтаксических характеристиках. Темп речи у представителей молодого поколения оказался наиболее высоким (6,1 слов в сек. при темпе речи пожилых людей 5,3 слов в сек.) [Степанова 2011]; молодые люди используют больше вопросительных предложений (2,5% в речи молодых vs 1,3% в речи старших), инверсивных конструкций, редуцированных форм слов *чё* и *ваще*, междометий, неологизмов, жаргонизмов и бранной лексики. Люди среднего возраста чаще используют редуцированные формы *щас*, *пожалста* и *пасиб(а)*, однако в их речи меньше процент встречаемости различных синтаксических нерегулярностей (обрывов, эллипсисов, парцелляции, самокоррекций говорящего), что свидетельствует о достаточно высокой степени нормативности речи носителей языка средней возрастной группы. Прагматемы, синтаксические нерегулярности, обрывы фраз преобладают в речи представителей старшего возраста [Русский язык повседневного общения 2016].

Анализ чтения текста показал, что самое большое количество пауз наблюдается у людей пожилого возраста, самое маленькое количество – у школьников. Самый быстрый темп речи информантов – у школьников, средний показатель – у студентов и самый медленный темп – у пожилых людей (119 слов в мин., 117 слов в мин., 106 слов в мин. соответственно) [Ерофеева Т. И. 2009].

Дж. Чешир и М. Секова, исследуя появление новых квотативов (маркеры чужой речи) [Cheshire, Secova 2018] в разговорном французском языке на примере молодых парижан разного этнического происхождения, анализируют использование маркеров *genre* (дословно ‘типа’) и конструкции *être là* (дословно ‘быть там’), выполняющих функцию введения чужой речи/мысли, и сравнивая их с аналогичными явлениями в других языках, например *like* (дословно ‘подобно, как’). Дж. Чешир и М. Секова приходят к выводу, что маркер *genre* возник в результате внутренней грамматикализации, а не прямого заимствования, а повышенная частотность использования данного маркера как дискурсивного способствовала его переходу в функцию квотатива. Аналогично, конструкция *être là* употребляется молодыми парижанами для драматического выделения речи или поведения.

Е. С. Худякова выяснила, что люди старшего поколения при построении монолога ориентируются на «моделирование знаний и состояния собеседника» [Худякова 2019, с. 84], что говорит о достаточно высокой интерпретации событий в речи людей старшего поколения по сравнению с речью молодежи [Adams 1991]. Для информантов пожилого возраста молодой адресат – человек, для которого характерно отсутствие знаний и непонимание прошлого, в силу данного обстоятельства, они стремятся восполнить дефицит знаний слушателя [Худякова 2019].

Е. В. Ерофеева и Д. С. Павлова при исследовании грамматических категорий глагола в текстах – описаниях комикса отмечают, что в целом возраст не влияет на употребление совершенного и несовершенного вида: не наблюдается разницы в частоте употребления видовых форм в речи подростков

16–17 лет и информантов в возрасте от 22 до 67 лет. Однако в их работе показано, что у лиц мужского пола с возрастом употребление глаголов совершенного вида увеличивается [Ерофеева, Павлова 2024].

При изучении влияния фактора «возраст» на речь исследователи используют разные принципы деления информантов на возрастные категории. Некоторые устанавливают возрастные группы по круглым датам, например десятилетиям [Ананьев 1968; Ерофеева Т. И. 2009; Русский язык по данным массового обследования 1974 и др.]. Многие лингвисты при выделении возрастных групп опираются на данные психологов. Так, Е. В. Ерофеева, следуя за периодизацией, предложенной в [Грановская 1988; Erikson 1965], выделяет три группы – 25–34 (ранняя зрелость), 35–44 (средняя зрелость) и 45–55 лет (поздняя зрелость) [Ерофеева Е. В. 2005, с. 131]; В. В. Куканова, ссылаясь на периодизацию активного возраста человека, общепринятую в возрастной психологии (см. [Венгер 1971; Маркосян 1974; Петровский 1971]), предлагает выделять только два взрослых возрастных периода в жизни человека: от 21 до 35 лет и от 36 до 60 лет [Куканова 2008].

Уровень образования

Уровень образования информанта является значимым в формировании речевых особенностей. Представители разных уровней образования демонстрируют «различные степени владения нормами литературного языка и сознательного отношения к культуре своей речи» [Ерофеева Е. В. 2005, с. 128].

Существует мнение, что у людей со средним или средне-специальным образованием не сформирована языковая компетенция, которая дает возможность использовать всю систему функциональных стилей русского литературного языка [Бродт 2007]. Представители данного типа речевой культуры могут вести повседневную устную коммуникацию, однако испытывают трудности в каких-либо официальных ситуациях, в силу привычки к диалогу, а не к монологу. «Тот, кто владеет только разговорной системой общения, привык к тому, что его всегда понимают, и не способен предусмотреть особых мер для предотвращения непонимания» [Сиротинина 2001, с. 242].

Люди с высшим образованием имеют более высокий уровень языковой компетенции: они имеют навык конспектирования, реферирования, чтения научной литературы, создания собственных научных текстов, все это формирует навыки владения нормами литературной речи [Бродт 2007].

Исследования в области социолингвистической вариативности грамматики свидетельствуют о том, что грамматические особенности языка изменяются систематически под воздействием как внутренних (лингвистических) факторов, так и внешних социальных условий, т. е. они не случайны, а являются отражением устойчивых предпочтений говорящих, статистических закономерностей и социальных норм.

2.2.4. Исследование вариативности употребления грамматических категорий глагола в зависимости от разновидности текста и его темы

Изучение частотности различных лингвистических единиц выявляет особенности структуры текста. Так, Дж. Гринберг впервые разработал лингвистические индексы (числовые показатели, связанные с частотой отдельных лингвистических элементов текста), пытаясь ввести численные показатели в типологическое описание языков. Лингвистические индексы Дж. Гринберга обычно используются для анализа и сравнения языковых семей и групп на основе различных параметров (подробнее см. [Гринберг 1963; Campbell 2013; Greenberg, Ferguson 1978; Lehmann 1992]).

Позднее в статье «Опыт квантитативно-типологического исследования разновидностей устной речи» А. Ф. Журавлев также обращается к индексам Гринберга при исследовании разных видов устных текстов. При этом он вводит коэффициент глагольности и показывает, что в устных текстах этот коэффициент выше, чем в письменных [Журавлев А. Ф. 1988]. Кроме того, изучая различные индексы, А. Ф. Журавлев подчеркивает, что частота глаголов варьирует в зависимости от жанра текста. В частности, он определил, что при рассмотрении письменной формы речи максимальные значения индекса глагольности характерны для художественной прозы. В устной речи минимальное количество

глагольных форм приходится на разговорный диалог, а максимальное – на диалектный монолог. Помимо этого, автор делает вывод, что в диалогах используется меньше глаголов, тогда как в монологической форме преобладают глагольные формы [там же]. Подобные результаты были получены и в других работах. Так, А. А. Кибрик пишет, что, «письменный вариант содержит в полтора раза меньше предикаций (а соответственно, и глаголов – А.Т.), чем устный» [Кибрик 2009, с. 6].

В Частотном словаре под редакцией Л. Н. Засориной тоже было продемонстрировано, что распределения частей речи могут значительно отличаться в разных стилях и жанрах речи [Частотный словарь 1977]. Анализ письменных текстов показал, что по частоте употребления глаголы в русском языке занимают второе место после имени существительного; их количество выше в драматических произведениях по сравнению с газетно-журнальными и научно-публицистическими текстами (за счет увеличения в последних частоты употребления существительных и причастий) [там же].

Описание и нарратив, как было показано выше (см. пункт 1.2.2), также отличаются частотой использования глаголов: в нарративных текстах их больше, чем в описательных [Кибрик 2009].

Кроме того, на частоту использования глаголов может влиять тема текста, а также жанровая организация определенных тем (например, рецепт и нарратив) и их связь с конкретными формами существования языка. Например, в текстах на тему «Пельмени» глаголы реализуются чаще, чем в текстах на тему «Работа», так как первая тема – это рецепт с последовательным перечислением действий; кроме того, тема «Пельмени» соотносится с разговорной средой (в разговорной речи индекс глагольности выше), а тема «Работа» – с более официальными условиями использования языка [Беляева, Ерофеева 2020]

В работе Е. В. Ерофеевой и Д. С. Павловой показана разница в использовании разных глагольных категорий в устной и письменной речи: «в письменной речи наблюдается значительное снижение употребления форм совер-

шенного вида на фоне устной» [Ерофеева, Павлова 2024, с. 110]. Таким образом, в целом в данной статье показано, что частота использования видов глагола является социолингвистической переменной, т. е. подвержена воздействию социальных факторов и фактора «форма речи», а также их взаимодействию [там же].

2.3. Выводы

Обзор грамматических категорий русского глагола и их употребления в речи показывает, что вид глагола представляет собой одну из наиболее дискуссионных и до сих пор недостаточно проработанных категорий русской грамматики. Это связано с целым рядом специфических особенностей данной категории в русском языке, а также отсутствием соответствующей грамматической категории во многих других языках. В то же время именно вид определяет многие другие грамматические значения глагола.

Основными классифицирующими категориями русского глагола являются вид, переходность, возвратность и спряжение; данные грамматические категории присущи инфинитиву, который в соответствии с традициями русской грамматики рассматривается как неопределенная нефинитная форма глагола. Словоизменительными грамматическими категориями русского глагола являются залог, наклонение, время, лицо, число и род.

Изучение закономерностей и особенностей употребления грамматических категорий глагола в зависимости от вида речи показало, что в русском языке нарратив и описание противопоставляются по использованию грамматических средств, среди которых ключевую роль играют категории вида и времени глагола. Видовременные характеристики глагола являются важным аспектом анализа его функционирования в различных контекстах.

Нарратив и описание отличаются друг от друга по ряду грамматических параметров. Основное различие заключается в использовании видовременных форм глагола: описание обычно использует формы несовершенного вида, в то время как нарратив – совершенного. Нарратив также характеризуется преоб-

ладанием цепной связи между предложениями, в отличие от описания, где более распространена параллельная связь. Употребление односоставных предложений также различается в нарративе и описании: в нарративных контекстах редко встречаются номинативные и безличные предложения, которые более характерны для описательных текстов. Однако следует отметить, что в некоторых случаях описание может граничить с нарративом, и наоборот.

Теория глагольных профилей Л. Янда представляет собой эффективный метод для изучения и анализа глагольной системы в различных языках, которая позволяет получить представление о том, как глагол ведет себя в тексте, и какие семантические и функциональные особенности он проявляет. Понятие видовых гнезд также является полезным инструментом для исследования особенностей функционирования глаголов в тексте. Различия в структуре и частоте видовых гнезд могут указать на закономерности, лежащие в основе создания текста и роли глагола в этом процессе. Эти теории могут быть применимы и к анализу устной речи.

* * *

Все социальные и текстовые факторы, как и любые факторы коммуникативной ситуации, влияют на речь и на ее характеристики, в том числе и на грамматические. Однако они чувствительны к речевому материалу и их влияние может проявляться не во всех типах речи [Ерофеева 2005]. Тем не менее в настоящее время продолжается поиск модели, которая поможет при анализе текстов с точки зрения социальных и психологических параметров личности [Ерофеева Т. И. 2009, с. 153].

ГЛАВА 3. ГЛАГОЛЬНЫЕ ПРОФИЛИ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПАРАМЕТРОВ ИНФОРМАНТОВ И ХАРАКТЕРИСТИК ТЕКСТОВ

3.1. Материал и методы исследования

Предметом настоящего исследования являются глагольные профили спонтанных монологов. Под глагольными профилями текстов, как уже говорилось выше, понимается распределение частот грамматических значений глаголов, реализованных в текстах в зависимости от текстовых параметров и социальных факторов авторов текстов. Целью исследования является многоаспектный анализ реализаций категорий глагола в устном и письменном текстах, построенных как рассказы по разного вида изображениям (несюжетному и сюжетному) в зависимости от социальных параметров информантов.

Исследование осуществлялось в несколько этапов:

- 1) формирование выборки информантов;
- 2) отбор стимулов (несюжетного и сюжетного изображений) и сбор текстового материала – устных и письменных текстов, порожденных по выбранным стимулам;
- 3) выбор метода анализа материала, соответствующего цели и задачам данного исследования, и анализ материала;
- 4) конструирование глагольных профилей текстов разных форм и видов;
- 5) сравнение глагольных профилей, использующихся в текстах, которые были получены от информантов с разными социальными параметрами.

В данной главе будут проанализированы глагольные профили в зависимости от таких факторов, как социальные параметры говорящих и характеристики текста.

Материалом исследования в настоящей работе послужили устные и письменные спонтанные монологи, которые представляют собой описание двух картинок – несюжетной и сюжетной. Все полученные тексты относятся к двум разным функционально-смысловым типам речи: описание несюжетного изображения – к описанию, сюжетного изображения – к нарративу. Как уже говорилось

в Главе 1, описание изображения обладает средней степенью мотивированности и спонтанности (см. рис. 2), однако в данном случае тексты строились без подготовки и их собственно лингвистическая сторона была мотивирована только лексически референтами на изображении, но грамматическая сторона речи, которая является предметом анализа, полностью спонтанна.

Первая картинка (несюжетная) – изображение мужчины (см. рис. 2а), в лицо которому плеснули водой. Изображение является опорным материалом для монолога-описания. В данном случае визуальная составляющая в определенной степени программирует использование глагольных категорий, связанных с описанием действий и ощущений главного героя, а также его внешности: *мужчина моется; он закрыл глаза; мужик бородатый; он давно не брился; плеснул в себя; принимает душ; он устал; мужчина плачет; ему попало мыло в глаза* и т. д.

а)

б)

**Рисунок 2. Экспериментальные изображения:
а) несюжетное, б) сюжетное**

Вторая картинка – сюжетное изображение – известный комикс датского художника Х. Бидструпа «Близнецы» (см. рис. 2б). Она состоит из 11 маленьких рисунков, которые расположены в определенной последовательности и изобра-

жают интересную житейскую ситуацию. Данный комикс рассказывает о двух близнецах, пришедших в парикмахерскую следом друг за другом; второй визит очень удивляет парикмахера, который решает, что клиент очень быстро снова оброс. Комикс позволяет информантам составить монолог-нарратив. Изображенные на картинке персонажи, действия и сама ситуация дают информантам возможность использовать определенные категории глаголов, которые описывают протекание деятельности, мотивы, эмоции персонажей и т. п.: *хочет подстричься*¹²; *он его стрижет*; *у мужика была борода*; *советует ему зайти*; *мужик в шоке*; *побрили*; *тот удивляется*; *посетитель полюбовался* и т. д.

Данные изображения были выбраны в соответствии со следующими соображениями. Комиксы как последовательный ряд картинок, изображающих разные следующие друг за другом действия и ситуации, часто выступают в качестве стимульного материала при создании сюжетных текстов, в частности для этих целей используются и комиксы Х. Бидструпа. Было решено использовать изображения людей, т. к. они часто описываются более подробно, при этом и на выбранном комиксе, и на фотографии – герои одного пола (мужчины). Фотография подбиралась таким образом, чтобы это был не просто портрет (иначе описание слишком стандартно и предсказуемо), а портретное изображение человека в какой-то ситуации. Данное несюжетное изображение демонстрирует мгновенную реакцию человека (невербальный «ответ» на действие), а комикс представляет собой развернутое взаимодействие, «диалог» героев в визуальной форме. Черно-белый вариант также неслучаен: он позволяет сосредоточиться на ключевых элементах композиции, а именно мимике, жестах, динамике сцены.

Прежде чем начать аудиозапись монологов, каждому информанту предлагалось заполнить таблицу, состоящую из пяти пунктов: возраст, пол, место рождения, место и адрес проживания, уровень образования. После заполнения таблицы, информанта просили описать то, что он видит на картинках. Сначала ему предлагалось описать сюжетную картинку, а затем – несюжетную. Время

¹² Здесь и далее орфография и пунктуация в примерах, взятых из письменного текста, сохраняется.

на описание изображений ограничивалось пятью минутами, в течение всего времени своего монолога информант имел возможность смотреть на рисунок.

Второй этап эксперимента заключался в том, что информант должен был описать те же самые картинки в письменной форме, в той же самой последовательности, что и на первом этапе (сначала – сюжетное изображение, потом – несюжетное). Этот этап проводился спустя не менее двух недель после первого. Объем текста не ограничивался.

В качестве информантов (24 чел.) выступили носители русского языка, мужчины и женщины с высшим и средним образованием двух возрастных категорий: 20–35 лет и 36–55 лет¹³. Выборка информантов была сбалансирована по указанным социальным параметрам (схему балансировки см. на рис. 3).

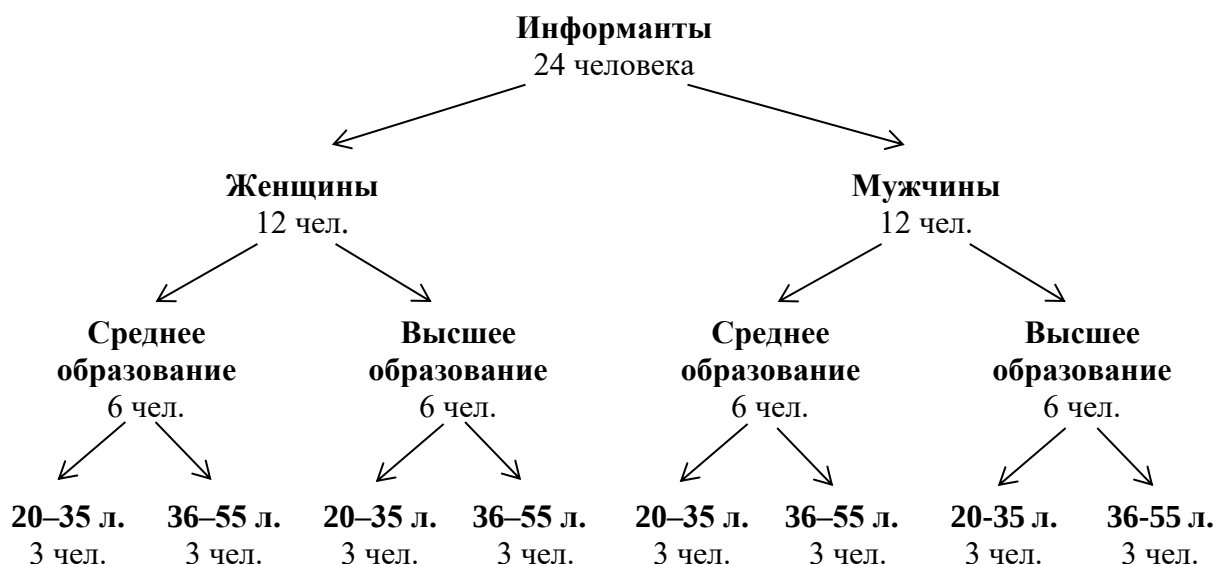

Рисунок 3. Социальные характеристики информантов

Каждый информант давал описание обоих изображений (и несюжетного, и сюжетного) в устной и письменной формах. Таким образом, от 24 информантов было получено 96 текстов (48 устных и 48 письменных). Все тексты представлены в Приложении 1. Общее время звучания устных текстов – 108 мин.; средняя длина записи – 2 мин. 25 сек.; самая короткая по времени запись –

¹³ В настоящем исследовании принимается следующая возрастная периодизация: 20–35 лет и 36–55 лет, соответствующая делению зрелого возраста на первый и второй периоды [Венгер 1971; Штерн 2006] (верхняя граница установлена по возрасту выхода женщин на пенсию в момент сбора материала).

52 сек., самая длинная – 4 мин. 33 сек. Общий объем устных текстов – 5 125 словоупотреблений; длина текста в словах варьирует от 32 до 424. Общий объем письменных текстов – 9 184 словоупотреблений; длина текста в словах варьирует от 42 до 409. Объемы текстов в зависимости от формы текста и вида изображения, а также количество глаголов в них представлены в таблицах 1, 2.

Таблица 1

Объем текстов и частота глаголов в зависимости от формы текста

Форма текста	Объем текста, словоупотреблений	Частота глаголов	
		абс.	%
Устные	5 125	782	15,3
Письменные	9 184	1 351	14,7
Всего	14 309	2 133	14,9

Таблица 2

Объем текстов и частота глаголов в зависимости от вида изображения

Тип изображения	Объем текста, словоупотреблений	Частота глаголов	
		абс.	%
Несюжетное	6 504	850	13,1
Сюжетное	7 805	1 283	16,4
Всего	14 309	2 133	14,9

Общий объем полученного и проанализированного материала составил 14 309 словоупотреблений, среди которых было выделено и проанализировано 2 133 глагола. Как видно из таблиц 1 и 2, относительные частоты глаголов в устных и письменных текстах отличаются незначительно (15,3 и 14,7% соответственно), разница между описаниями несюжетных и сюжетных изображений более заметна (13,1 и 16,4% соответственно).

Алгоритм обработки материала был следующим. Для каждого глагола в зависимости от контекста определялись грамматические значения той формы, в которой он был представлен в тексте. Анализ производился в Информационной системе «Семограф» (<http://semograph.org>) (см. подробнее [Belousov 2017; Рябинин, Баранов, Белоусов 2017; Рябинин, Белоусов, Чуприна 2018]), которая позволяет проводить классификацию любого лингвистического материала по любым основаниям. «Семограф» позволяет автоматически получать данные об объемах классов, выделенных в классификации, а также количественные

характеристики пересечения данных классов, в том случае, если одна единица приписана сразу к нескольким классам (см., например [Белоусов, Зелянская, Баранов 2012; Белоусов и др. 2020]).

В настоящем исследовании ИС «Семограф» использовался как инструмент для классификации использованных в тексте глагольных словоформ по грамматическим категориям. Все полученные 96 текстов были занесены в ИС «Семограф» в качестве контекстов, которые содержат не только текстовый материал, но и метаданные, соответствующие ему: социальные параметры информанта, указание на вид изображения и форму текста. Например, на рисунке 4 представлено окно контекста «95». Текст, показанный слева вверху, принадлежит информанту № 24; слева внизу видны метаданные этого информанта: пол – женский; возраст – 40 лет (вторая возрастная группа). Ниже в системе видны также не вошедшие на рисунок следующие метаданные: уровень образования – средний; место рождения – д. Городище; место жительства – г. Глазов, а также характеристики текста: форма речи (форма) – письменная; вид изображения – сюжетное.

Контекст "95"

Название

95

Язык

Russian

Редактор

Слова

На рисунке изображен комикс. Мужчина выигравший в лотерею большую сумму денег решил пообедать в ресторане заказав самых дорогих блюд которых он никогда не пробовал дорогого вина и очень вкусно отобедал. Пообедав он решил изменить свою жизнь к лучшему и изменить имидж. Поблагодарив официанта и отдав большие чаевые он отправился в парикмахерскую. Парикмахер оценил какую большую работу предстоит ему сделать и на мало времени и сил потратить принялся за работу с очень важным видом стрижка продолжалась очень долго клиент даже уснул. По всей парикмахерской разлетелись его волосы, весь пол был усыпан его волосами. После стрижки парикмахер побрил клиента. Когда мужчина увидел себя в зеркало он увидел, что помолодел на несколько лет и был очень доволен работой парикмахера. выйдя на улицу из парикмахерской в хорошем настроении он решил отправиться в магазин одежды, чтобы приобрести, к нему подошел мужчина похожий на него. Мужчина увидел большое сходство между ними и располагая хорошим настроением, решил разыграть парикмахера и предложил мужчине помочь ему в этом деле, чтобы хоть как то разыграть очень серьезного парикмахера, он предложил ему также оплатить ему стрижку и то что его побреют. Показал дорогу где эта парикмахерская находилась, и мужчины распрощались, каждый в предвкушении и с чувством чего-то хорошего внутри. Один в хорошем расположении духа и веселом настроении отправился в магазин а другой направился в парикмахерскую радуясь тому что ему попался такой добрый и щедрый человек что в его жизни было большой редкостью. Когда мужчина вошел в парикмахерскую то очень шокировал парикмахера от удивления он открыл рот и выпучил глаза, долго не мог прийти в себя так как он только что

Сохранить

Удалить

Новый

Предыдущий

Следующий

Метаполя

Субконтексты

Номер информанта:

1. 24

Пол:

1. женский

Возраст:

1. 40

2. 2

Компоненты

Слова

Словосочетания

Все

Терм

Мужчина решил (1) разыграть парикмахера

Мужчина решил разыграть (2) парикмахера

Мужчина заказал самых дорогих блюд

Мужчина решил (1) пообедать в ресторане

Мужчина решил пообедать (2) в ресторане

Отфильтровано 54 из 54, Показано 25

Поля

ИНФИНИТИВ

ВОЗВРАТНОСТЬ

ПЕРЕХОДНОСТЬ

ВИД

ЗАЛОГ

НАКЛОНЕНИЕ

Название	T	F	FR
ИНФИНИТИВ	374	82	375
ВОЗВРАТНОСТЬ	2069	96	2104
ПЕРЕХОДНОСТЬ	2066	96	2100
ВИД	2074	96	2109
ЗАЛОГ	1698	96	1731
НАКЛОНЕНИЕ	2056	96	2090

Рисунок 4. Окно контекста № 95

Справа вверху показаны компоненты (части текста, содержащие глагольные словоформы и синтаксически связанные с ними слова), которые подвергались классификации. Справа внизу показаны классификационные классы (поля в терминологии «Семографа») – анализируемые категории глагола. Кроме того, здесь указано количество всех глагольных словоформ (в данном контексте их 54), которые использованы в данном тексте.

Для анализа глагольных словоформ использовалась иерархически организованная классификация, включающая 14 основных классов, отражающих категории глагола, которые были разделены на подклассы, отражающие отдельные грамматические значения. Глубина иерархии в большинстве случаев – 2 уровня (см. табл. 3). Дополнительно для непереходных глаголов анализировались падеж объекта (или отсутствие объекта) и использованные предлоги.

Таблица 3

Иерархическая классификация глагольных категорий

1 уровень: грамматическая категория	2 уровень: грамматическое значение
ВИД	Совершенный
	Несовершенный
ПЕРЕХОДНОСТЬ	Переходный
	Непереходный
ВОЗВРАТНОСТЬ	Возвратный
	Невозвратный
ЗАЛОГ	Действительный
	Страдательный
НАКЛОНЕНИЕ	Изъявительное
	Повелительное
	Сослагательное
ВРЕМЯ	Настоящее
	Прошедшее
	Будущее
ЛИЦО	1 лицо
	2 лицо
	3 лицо
ЧИСЛО	Единственное
	Множественное
РОД	Мужской
	Женский
	Средний

Каждая глагольная словоформа была распределена по классам в соответствии с теми грамматическими значениями, которые определялись в контексте. Соответственно, одна словоформа входила в несколько классов. ИС «Семограф» автоматически рассчитывает общее количество совмещений классов, т. е. использование разных грамматических значений в одном анализируемом компоненте (глаголе). На рисунке 5 показано, как представлены результаты классификации в ИС «Семограф».

Название	T	F	FR	field	ВАЛЕНТНО	ВИД	ВОЗВРАТН	ВРЕМЯ	ВСПОМОГА	ЗАЛОГ
				ВАЛЕНТНОСТЬ	96		96	96	8	96
				ВИД	96		96	96	8	96
☐ ИНФИНИТИВ 	374	82	375	ВОЗВРАТНОСТЬ		96		96	8	96
☐ ВОЗВРАТНОСТЬ 	2069	96	2104	ВРЕМЯ	96	96			8	96
☐ ПЕРЕХОДНОСТЬ 	2066	96	2100	ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЙ	8		8	8		8
☐ ВИД 	2074	96	2109	ЗАЛОГ	96	96	96	96	8	
☐ ЗАЛОГ 	1698	96	1731	ИНФИНИТИВ	82	82	82	82	8	82
☐ НАКЛОНЕНИЕ 	2056	96	2090	ЛИЦО	91	91	91	91	8	91
☐ ВРЕМЯ 	1699	96	1732	МОДАЛЬНЫЙ	22	22	22	22	6	22
☐ ЛИЦО 	805	91	824	НАКЛОНЕНИЕ	96	96	96	96	8	96
				ОТРИЦАНИЕ	62	62	62	62	7	62

а)

б)

Рисунок 5. Фрагменты окна вкладки «Семантическая карта» в ИС «Семограф»

а) таблица с объемами классов, б) таблица совмещений классов

При анализе составных именных сказуемых анализировались только вспомогательные глаголы; при анализе составных глагольных сказуемых отдельно рассматривался каждый глагол, например, в составном глагольном сказуемом *пришлось подниматься* классифицировался отдельно глагол *пришлось*, отдельно глагол *подниматься*.

ИС «Семограф» также дает возможность на основе метаданных контекста (каждого конкретного текста в данном случае) создавать необходимые выборки для анализа глагольных словоформ. Например, можно создать выборку письменных сюжетных текстов, которые были рассказаны мужчинами, или устных сюжетных текстов, полученных от женщин с высшим образованием первой возрастной группы и т. п. В «Семантической карте» можно увидеть значения для конкретной выборки.

Таким образом, для каждого типа текста в сочетании с любыми социальными параметрами говорящих можно получить распределение частот реализованных в тексте грамматических значений глагола (см. таблицу Приложения). Именно такое распределение и рассматривается в данной работе как глагольный профиль, т. е. глагольный профиль в данном случае строится не для отдельного глагола, как это делается в работе Л. Янда, но для определенного типа текста или для группы текстов, порожденных информантами с определенными социальными характеристиками.

Для выявления значимых различий между текстами разного типа, порожденных определенными социальными группами информантов, использовались статистические методы, в частности анализ на мультиколлинеарность и критерий Манна-Уитни.

3.2. Реализация грамматических значений глагола в текстах

3.2.1. Видовые значения глагола в текстах

Вид является ключевой категорией русского глагола, которая определяет развитие ситуации во времени (длительность/моментальность, завершенность/незавершенность, повторяемость и т. д.), а также позицию наблюдателя по отношению к ситуации [Сичинаева: электр. ресурс]. С точки зрения Л. Янда, которая утверждает, что приставки глаголов – это некая система видовых классификаторов, префиксы играют значимую роль в противопоставлении глаголов СВ и НСВ [Янда 2012], а это значит, что категория вида показывает саму ситуацию и мнение говорящего о ней, а также связана с процессами деривации.

Частота реализации значений вида у глаголов, выделенных во всех текстах, показана в таблице 4.

Таблица 4

Частоты значений категории вида глагола в текстах

Грамматические категории и значения глагола		Частота	
Категория	Значение	абс.	%
ВИД	Совершенный	914	42,85
	Несовершенный	1 219	57,15

Полученные данные позволяют сделать вывод о преобладании глаголов несовершенного вида во всех текстах в целом, что связано с использованием глаголов, обозначающих повторяющиеся и продолжающиеся процессы [Бондарко 1971]. Разница в употреблении категорий совершенного и несовершенного видов составляет 14,3%.

Эти данные подтверждаются и ранее полученными результатами в работах Ю.Э. Автухович, Е.В. Ерофеевой и Д.С. Павловой [Автухович 2012; Ерофеева, Павлова 2024]. Во всех этих источниках показано, что количество глаголов НСВ в текстах оказывается больше, чем количество глаголов СВ, при этом разница между числом форм совершенного и несовершенного вида может быть 20–40% в зависимости от социальных параметров говорящего и устной/письменной формы текста. Как видим, в текстовом материале данной работы разница в количестве глаголов СВ и НСВ значительно меньше и примерно совпадает с соотношением глаголов СВ и НСВ в Национальном корпусе русского языка – 55% НСВ, 45% СВ [НКРЯ: электр. ресурс], что косвенно свидетельствует о представительности полученного материала.

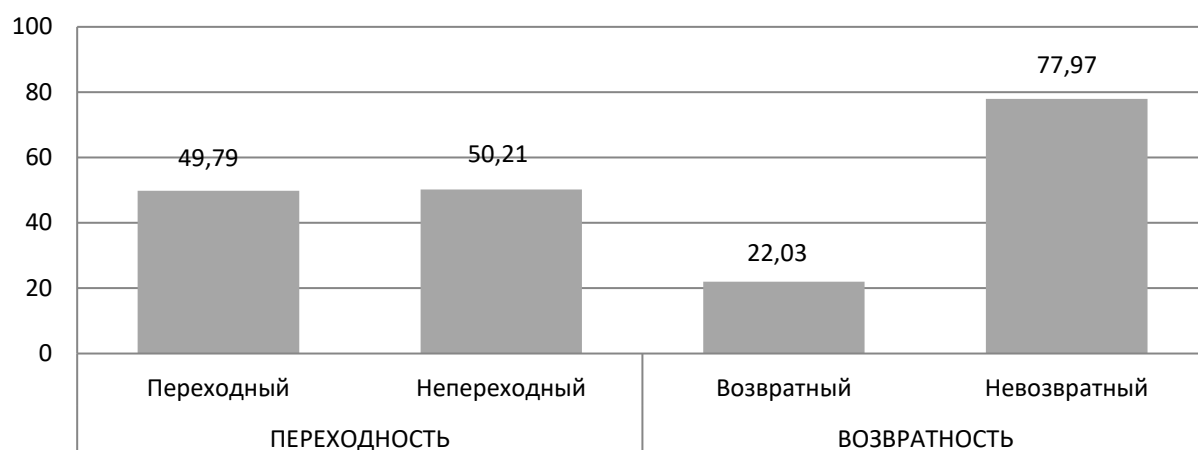
3.2.2. Значения классифицирующих категорий глагола в текстах

Как было указано в Главе 2, к классифицирующим категориям глагола относятся переходность и возвратность. В таблице 5 и на рисунке 6 показаны частоты грамматических значений классифицирующих категорий глагола во всех полученных текстах.

Таблица 5

Частоты значений классифицирующих категорий глагола в текстах

Грамматические категории и значения глагола		Частота	
Категория	Значение	абс.	%
ПЕРЕХОДНОСТЬ	Переходный	1 062	49,79
	Непереходный	1 071	50,21
ВОЗВРАТНОСТЬ	Возвратный	470	22,03
	Невозвратный	1 663	77,97

**Рисунок 6. Распределение частот значений
классифицирующих категорий глагола в текстах, %**

Как показывают таблица 5 и рисунок 6, в текстах наблюдается значительно большее количество невозвратных глаголов на фоне возвратных; различия в употреблении переходных и непереходных глаголов незначительны: непереходных глаголов используется чуть больше, чем переходных (разница в употреблении составляет менее 1%).

Среди непереходных глаголов 606 используются с косвенным объектом и 465 без объекта (см. табл. 6), при этом объект чаще всего используется в В. п. и с предлогом *в* (направление).

Таблица 6

**Частоты падежей объекта и предлогов
при переходных глаголах в текстах**

Грамматические категории и значения глагола			Частота	
Категория	Значение		абс.	%
НЕПЕРЕХОДНОСТЬ	Падеж объекта	В.п.	214	19,98
		Р.п.	32	2,98
		Д.п.	32	2,98
		Т.п.	52	4,85
		П.п.	44	4,10
	Предлог объекта	на	39	3,64
		с	28	2,61
		для	2	0,18
		в	127	11,85
		от	15	1,40
		под	9	0,84
		за	12	1,12
	Без объекта		465	43,47

3.2.3. Значения словоизменительных категорий глагола в текстах

К словоизменительным категориям глагольных словоформ относятся залог, наклонение, время, лицо, число и род.

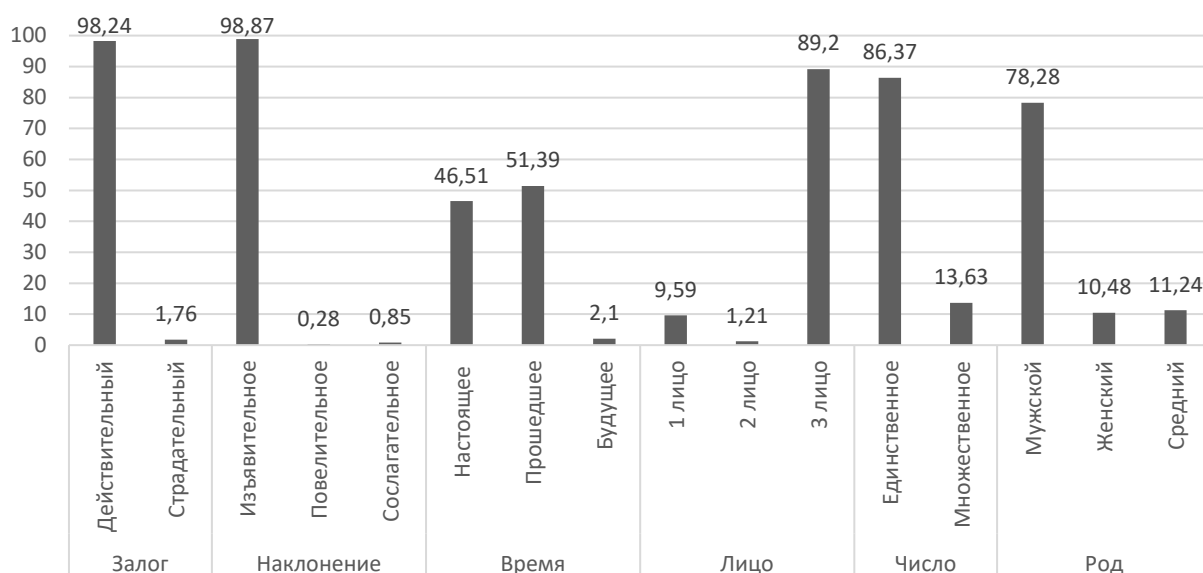
В таблице 7 показаны частоты грамматических значений словоизменительных категорий в полученных текстах.

Таблица 7

Частоты значений словоизменительных категорий глагола в текстах

Грамматические категории и значения глагола		Частота	
Категория	Значение	абс.	%
ЗАЛОГ	Действительный	1 736	98,24
	Страдательный	31	1,76
НАКЛОНЕНИЕ	Изъявительное	2 109	98,87
	Повелительное	6	0,28
	Сослагательное	18	0,85
ВРЕМЯ	Настоящее	819	46,51
	Прошедшее	905	51,39
	Будущее	37	2,10
ЛИЦО	1 лицо	79	9,59
	2 лицо	10	1,21
	3 лицо	735	89,20
ЧИСЛО	Единственное	1 483	86,37
	Множественное	234	13,63
РОД	Мужской	83	78,28
	Женский	620	10,48
	Средний	89	11,24

В таблице 7 и на рисунке 7 видно значительное преобладание глагольных словоформ в действительном залоге над страдательным. Разница в их употреблении составляет 96,5%. Из форм наклонения реже всего используется повелительное наклонение глагола (всего 0,28%), в сослагательном наклонении употреблено чуть больше словоформ (0,85%), в то время как изъявительное наклонение используется чаще всех представленных и составляет 98,87%, что обусловлено типом изображений и темой монологов. При оформлении текстов информанты предпочитают использовать прошедшее время (51,39%) и немного реже – настоящее (46,51%); будущее время использовалось крайне редко (2,1%).

**Рисунок 7. Распределение частот значений
словоизменительных категорий глагола в текстах, %**

Безличные глаголы вообще не использовались информантами при описании изображений, в то время как глаголы в 3 лице (89,2%) превалируют над глаголами в 1 и 2 лицах. Также отмечается значительное преобладание глаголов мужского рода (78,28%), так как на изображениях представлены мужчины. Частота употребления женского и среднего рода невелика (10,48 и 11,24% соответственно). Глаголы единственного числа в текстах используются намного чаще, чем глаголы множественного числа, разница в их употреблении составляет 72,74%.

3.3. Реализация грамматических значений глагола в зависимости от текстовых параметров

В данном пункте будет рассмотрена частотность употребления личных форм глагола в зависимости от текстовых параметров.

3.3.1. Частоты грамматических значений глагола в устных и письменных текстах

Рассмотрим реализацию частот грамматических значений словоформ в зависимости от формы текста – устной или письменной.

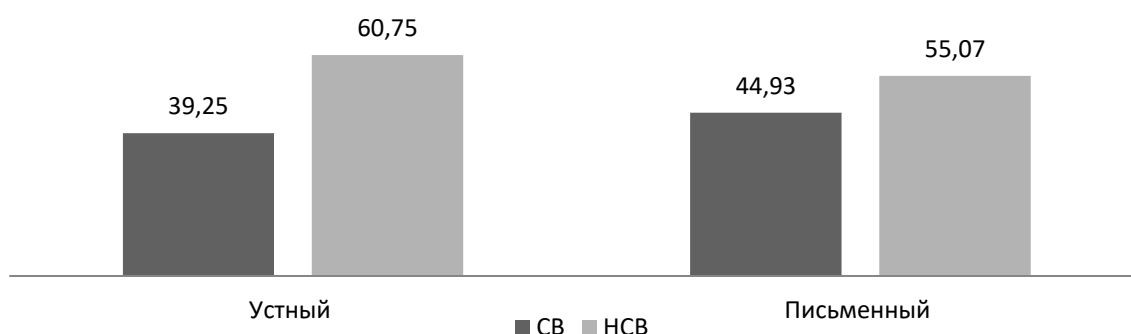
Значения категории вида в устных и письменных текстах

В таблице 8 и на рисунке 8 показаны частоты глаголов СВ и НСВ в устных и письменных текстах.

Таблица 8

**Частоты значений категории вида глаголов
в устных и письменных текстах**

Грамматические категории и значения глагола		Форма текста			
Категория	Значение	Устный		Письменный	
		абс.	%	абс.	%
ВИД	Совершенный	307	39,25	607	44,93
	Несовершенный	475	60,75	744	55,07

**Рисунок 8. Распределение частот значений глаголов СВ и НСВ
в устных и письменных текстах, %**

Из полученных данных видно, что форма речи в определенной мере влияет на употребление вида глагола. Как в устной, так и в письменной речи наблюдается большее количество форм несовершенного вида, однако в письменной речи глаголы совершенного вида используются несколько чаще, чем в устной: в устных текстах разница между формами совершенного и несовершенного вида составляет более 21%, в то время как в письменных она в два раза меньше – чуть более 10%.

Таким образом, мы видим, что употребление видовых форм меняется в зависимости от формы текста, хотя разница в частотах не слишком велика.

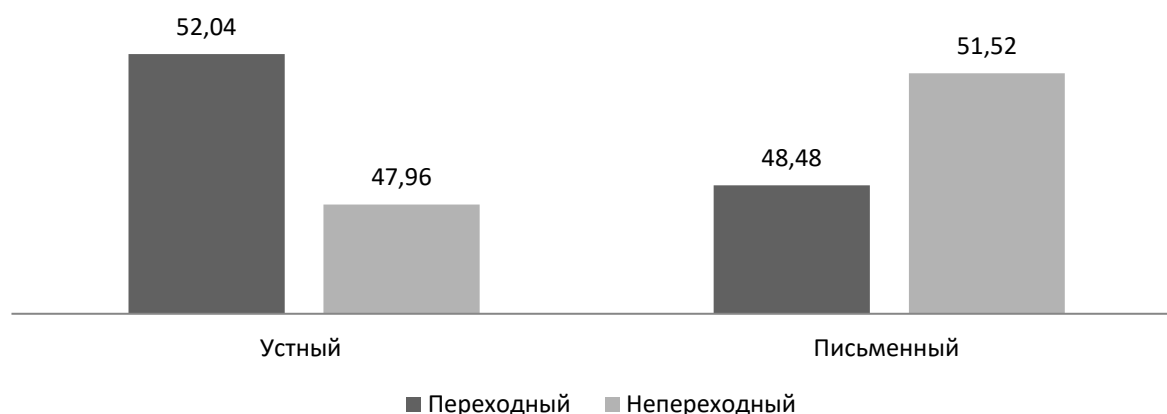
Значения классифицирующих категорий в устных и письменных текстах

Ниже показана частота использования глагольных словоформ по классифицирующим категориям в устных и письменных текстах (см. табл. 9 и рис. 9, 10).

Таблица 9

**Частоты значений классифицирующих категорий глагола
в устных и письменных текстах**

Грамматические категории и значения глагола		Форма текста			
Категория	Значение	Устный		Письменный	
		абс.	%	абс.	%
ПЕРЕХОДНОСТЬ	Переходный	407	52,04	655	48,48
	Непереходный	375	47,96	696	51,52
ВОЗВРАТНОСТЬ	Возвратный	173	22,15	297	21,97
	Невозвратный	608	77,85	1 055	78,03

**Рисунок 9. Распределение частот переходных и непереходных глаголов
в устных и письменных текстах, %**

Как показывают таблица 9 и рисунок 9, в устных текстах использовано больше переходных глагольных словоформ, в то время как в письменных – непереходных, при этом различие между количеством переходных и непереходных глаголов в обеих формах текста примерно одинаково. Отметим, что для обоих типов текста характерно преобладание В. п. косвенного объекта (48,12% – в устных текстах; 39,8% – в письменных), реже всего в устных текстах используется Т. п. косвенного объекта (10,69%), а в письменных – Д. п. (12,62%). В обеих формах текста при объекте непереходного глагола чаще используется предлог *в* (66,34% – в устных текстах; 56,45% – в письменных), реже всего – предлог *для* (не употреблен в устных текстах; 0,95% – в письменных).

Таблица 9 и рисунок 10 демонстрируют, что различия в частотах возвратных и невозвратных форм глагола в устных и письменных текстах не наблюдается.

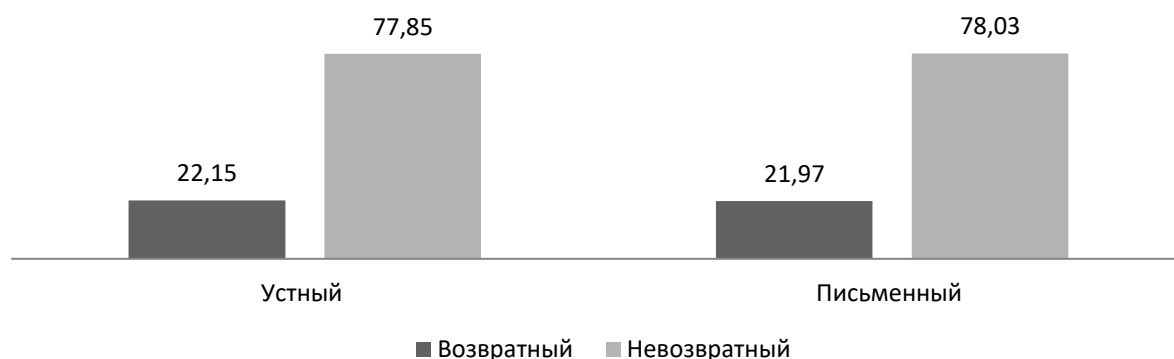

Рисунок 10. Распределение частот возвратных и невозвратных глаголов в устных и письменных текстах, %

Таким образом, форма текста влияет на частотность значений категории переходности, но не категории возвратности.

Словоизменительные категории в устных и письменных текстах

В таблице 10 и на рисунках 11–16 показана частота использования значений словоизменительных категорий в устных и письменных текстах.

Анализ данных по словоизменительным категориям показывает, что форма текста не влияет на реализацию значений категорий наклонения и залога: частоты всех значений наклонения и залога в устных и письменных текстах отличаются незначительно (см. табл. 10 и рис. 11, 12).

Таблица 10 и рисунок 13 демонстрируют, что значения категории времени чувствительны к форме текста: глаголы в прошедшем времени чаще употреблялись в письменном тексте (56,15% – в письменном тексте; 43,66% – в устном), а глаголы настоящего, напротив, – в устном (41,56% – в письменном тексте; 54,54% – в устном).

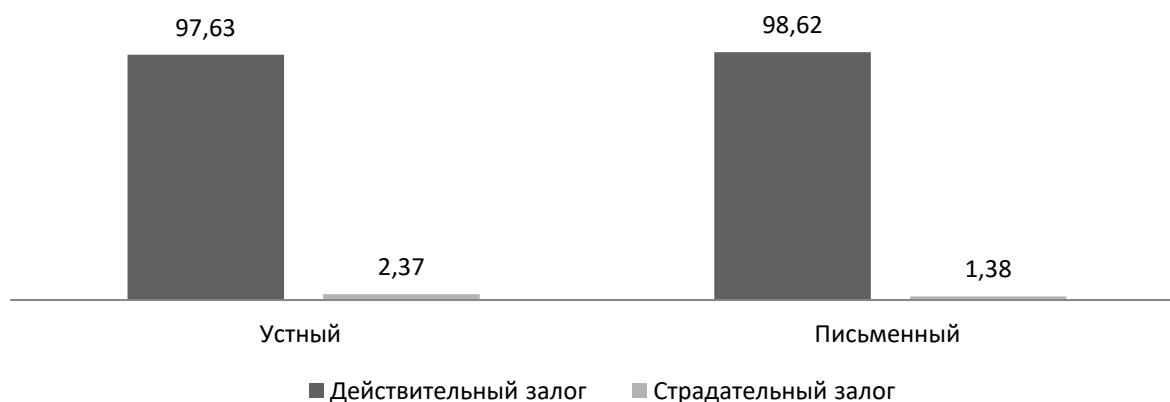
На рисунках 14 и 15 видно, что значительной разницы в употреблении значений категорий лица и числа в зависимости от формы текста не наблюдается, однако отмечается меньшее количество словоформ мужского рода в письменных текстах на фоне устных (см. рис. 16).

Таким образом, форма текста влияет на частотность значений таких словоизменительных категорий глагола, как время и род.

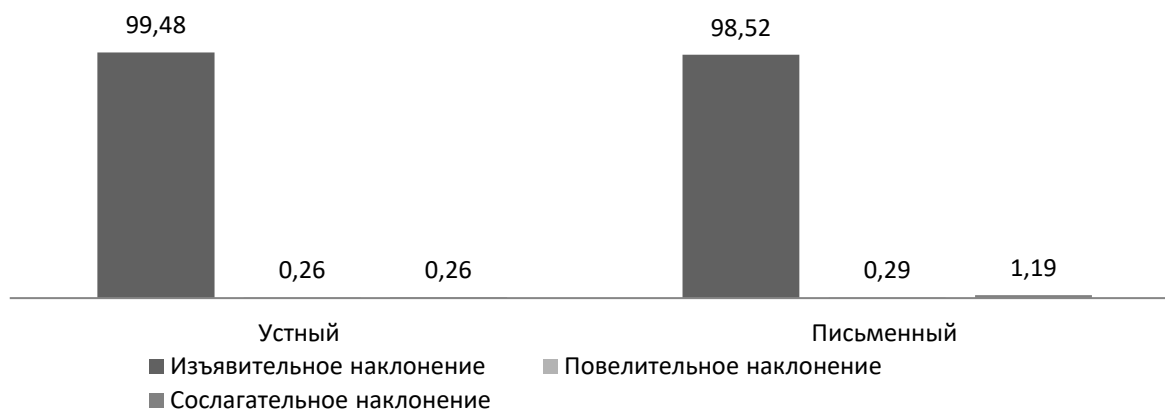
Таблица 10

**Частоты значений словоизменительных категорий глагола
в устных и письменных текстах**

Грамматические категории и значения глагола		Форма текста			
		Устный		Письменный	
Категория	Значение	абс.	%	абс.	%
ЗАЛОГ	Действительный	660	97,63	1 076	98,62
	Страдательный	16	2,37	15	1,38
НАКЛОНЕНИЕ	Изъявительное	778	99,48	1 331	98,52
	Повелительное	2	0,26	4	0,29
	Сослагательное	2	0,26	16	1,19
ВРЕМЯ	Настоящее	366	54,54	453	41,56
	Прошедшее	293	43,66	612	56,15
	Будущее	12	1,80	25	2,29
ЛИЦО	1 лицо	41	11,42	38	8,17
	2 лицо	4	1,15	6	1,29
	3 лицо	314	87,43	421	90,54
ЧИСЛО	Единственное	571	88,39	912	85,15
	Множественное	75	11,61	159	14,85
РОД	Мужской	219	84,88	401	77,71
	Женский	14	5,43	69	13,37
	Средний	25	9,69	64	8,92

**Рисунок 11. Распределение частот значений категории залога
в устных и письменных текстах, %**

**Рисунок 12. Распределение частот значений категории наклонения
в устных и письменных текстах, %**

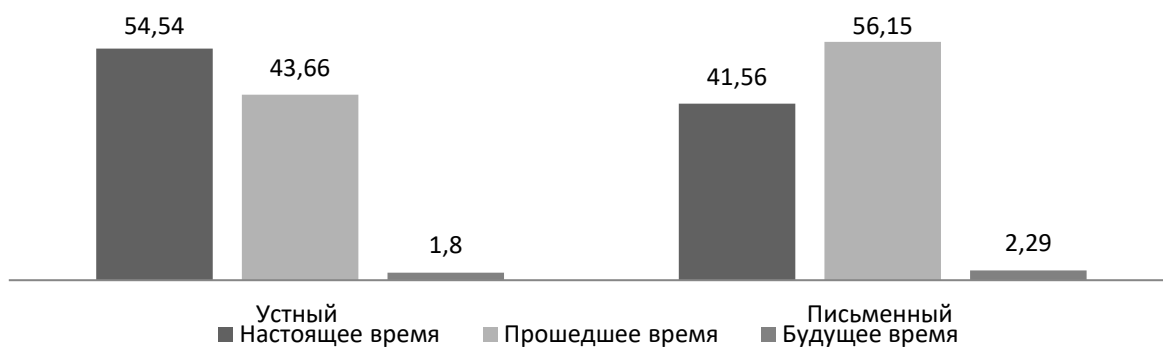

Рисунок 13. Распределение частот значений категории времени в устных и письменных текстах, %

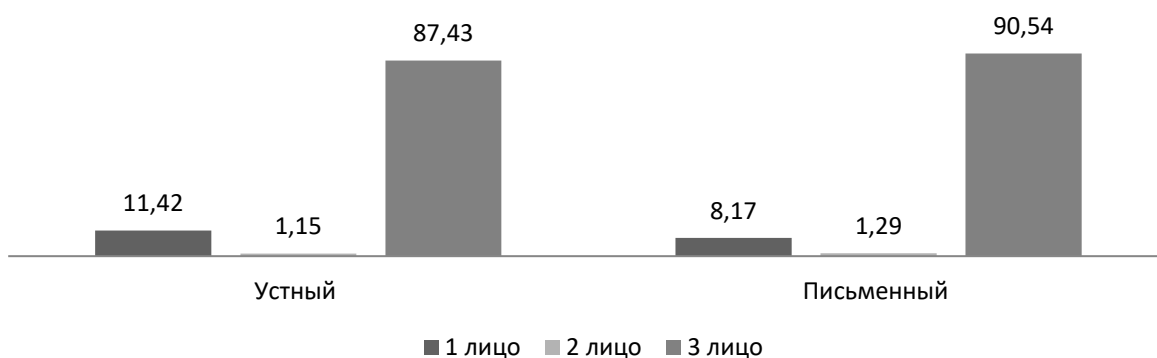

Рисунок 14. Распределение частот значений категории лица в устных и письменных текстах, %

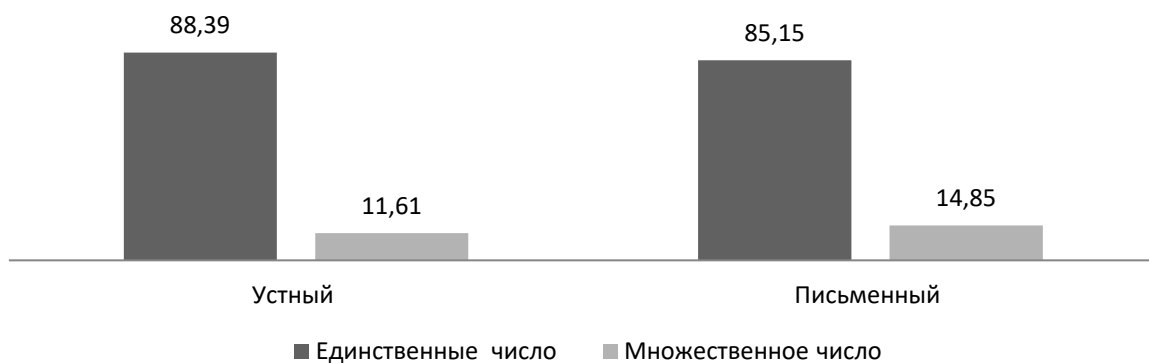

Рисунок 15. Распределение частот значений категории числа в устных и письменных текстах, %

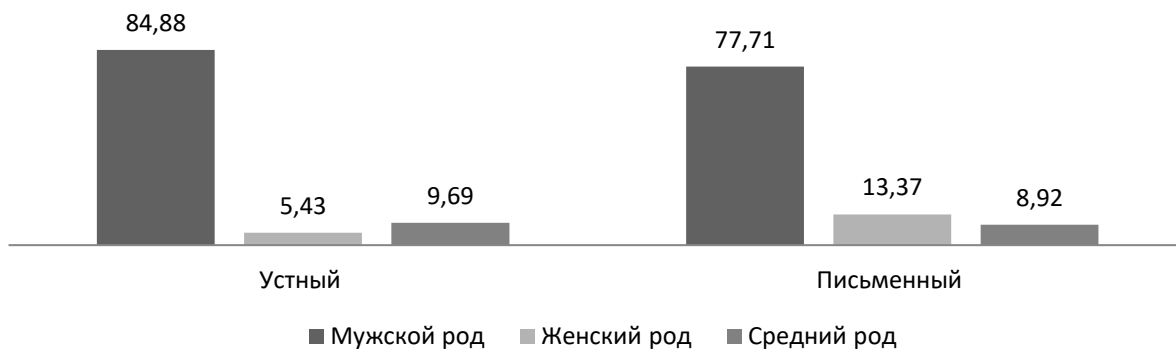

Рисунок 16. Распределение частот значений категории рода в устных и письменных текстах, %

Сопоставление глагольных профилей устных и письменных текстов

На рисунке 17 глагольные профили устных и письменных текстов представлены в виде распределений частот грамматических значений всех рассмотренных категорий. Видно, что профили устных и письменных текстов отличаются, однако разница между ними не слишком велика. Наибольшие отличия достигаются в частотах грамматических значений вида, времени и рода. Остальные категории не подвергаются заметному влиянию формы текстов.

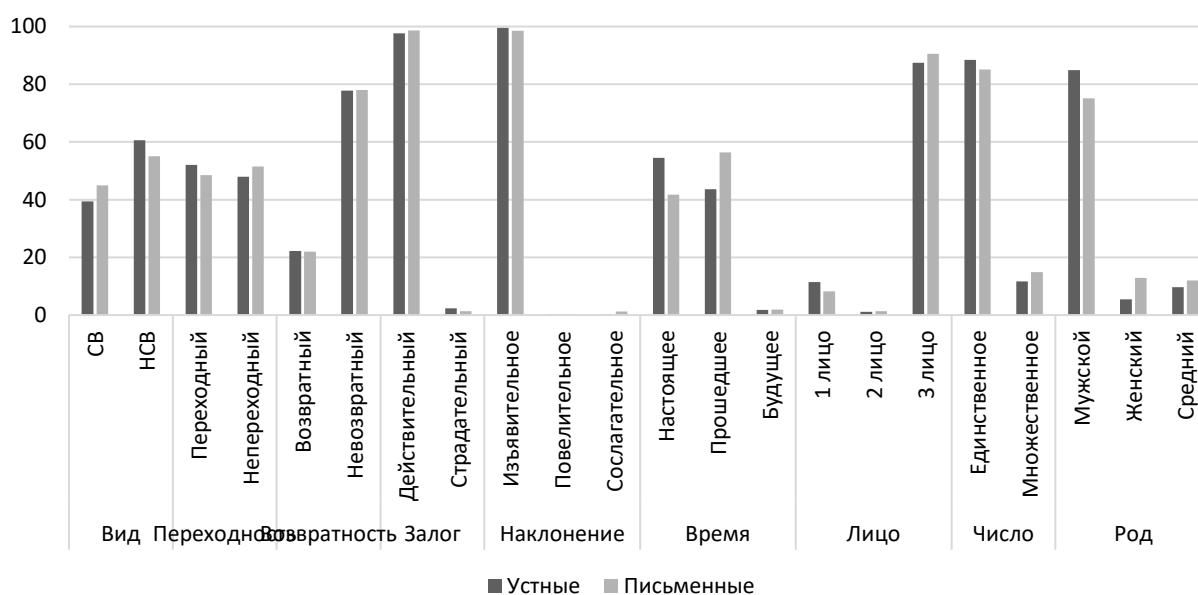

Рисунок 17. Глагольные профили устных и письменных текстов, %

3.3.2. Частоты грамматических значений глагола в сюжетных и несюжетных текстах

Рассмотрим реализацию частот грамматических значений словоформ в зависимости от описания сюжетных и несюжетных изображений.

Категория вида в сюжетных и несюжетных текстах

В таблице 11 и на рисунке 18 показана частота глаголов СВ и НСВ при описании сюжетных и несюжетных изображений. Анализируя таблицу 11 и рисунок 18, можно сказать, что сюжетность/несюжетность изображения слабо влияет на употребление значений категории вида глагола. В обоих видах текста глаголов НСВ использовано больше, чем глаголов СВ, при этом разница в частотах совершенного и несовершенного вида в сюжетных и несюжетных

текстах составляет примерно 11 и 19% соответственно. Хотя традиционно считается, что именно глаголы СВ придают тексту динамичность [Русская грамматика 1980], данный материал показывает, что при подобных утверждениях важно не просто сопоставлять описательные и нарративные тексты, но и учитывать специфику текста. При сравнении частот глаголов СВ и НСВ в описаниях сюжетного и несюжетного изображений на нашем материале видно, что разница в их использовании незначительна.

Таблица 11

**Частоты значений категории вида глаголов
в сюжетных и несюжетных текстах**

Грамматические категории и значения глагола		Вид изображения			
Категория	Значение	Сюжетное		Несюжетное	
		абс.	%	абс.	%
ВИД	Совершенный	570	44,43	344	40,47
	Несовершенный	713	55,57	506	59,53

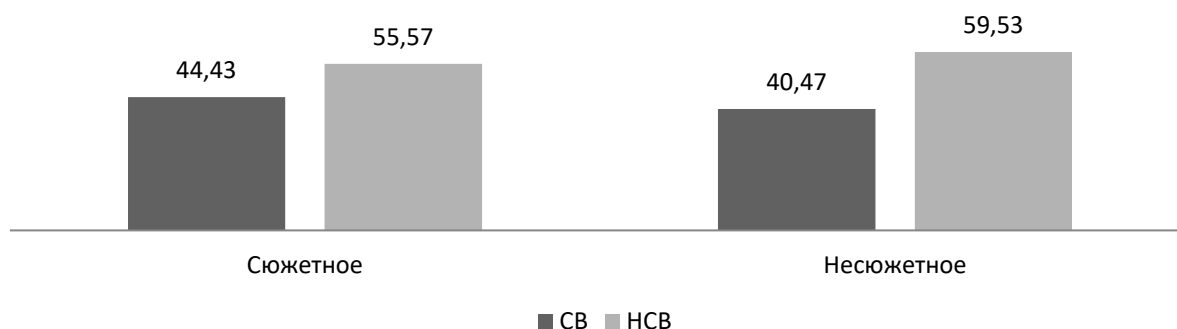

Рисунок 18. Распределение частот значений СВ и НСВ глаголов при описании сюжетных и несюжетных изображений, %

Классифицирующие категории в сюжетных и несюжетных текстах

Таблица 12 и рисунки 19, 20 демонстрируют частотность использования значений классифицирующих категорий глагола в сюжетных и несюжетных текстах.

Рисунок 19 показывает, что при описании сюжетного изображения использовано больше переходных глаголов, в то время как при описании несюжетного изображения – непереходных глаголов (разница 6 и 10,12% соответственно).

**Частоты значений классифицирующих категорий глагола
в сюжетных и несюжетных текстах**

Грамматические категории и значения глагола		Вид изображения			
Категория	Значение	Сюжетное		Несюжетное	
		абс.	%	абс.	%
ПЕРЕХОДНОСТЬ	Переходный	680	53,00	382	44,94
	Непереходный	603	47,00	468	55,06
ВОЗВРАТНОСТЬ	Возвратный	256	19,94	221	22,39
	Невозвратный	1 028	80,06	766	77,61

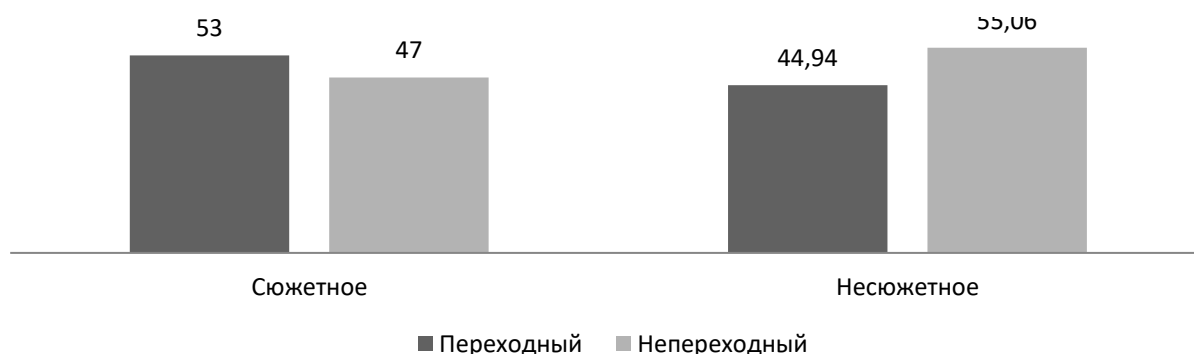

Рисунок 19. Распределение частот значений категории переходности при описании сюжетных и несюжетных изображений, %

С непереходными словоформами в обоих типах текста, как и во всех предыдущих случаях, косвенный объект использовался в В. п. (51,31% – в сюжетных текстах; 30,19% – в несюжетных) и с предлогом *в* (69,79% – в сюжетных текстах; 55,2% – в несюжетных); реже всего были использованы предлог *для* (не использован в сюжетных текстах; 2,08% – в несюжетных), П. п. (9,32%) косвенного объекта при описании сюжетного изображения и Д. п. (11,76%) – при описании несюжетного изображения.

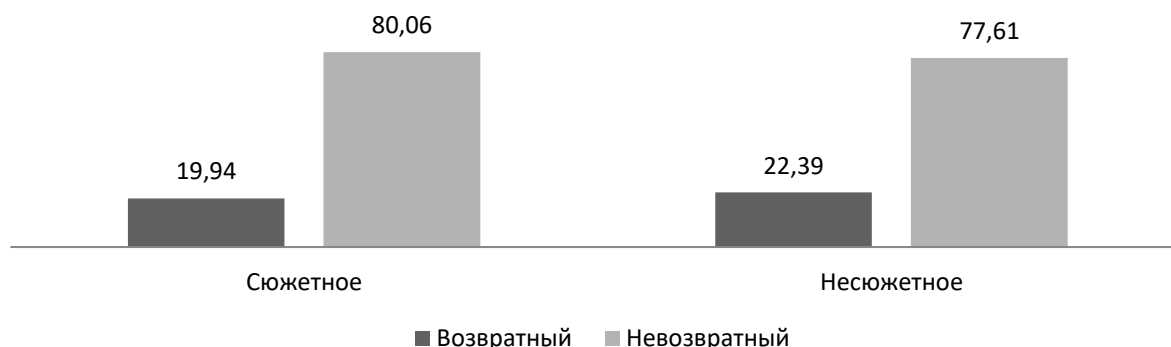

Рисунок 20. Распределение частот значений категории возвратности при описании сюжетных и несюжетных изображений, %

Разница в использовании возвратных и невозвратных форм глагола в сюжетных и несюжетных текстах есть, но она невелика: при описании сюжетного изображения использовано 80,06% невозвратных словоформ, в то время как при описании несюжетного – 77,61% (см. рис. 20).

Таким образом, в данном случае можно отметить, что вид текста влияет на частоты значений обеих классифицирующих категорий.

Словоизменительные категории в сюжетных и несюжетных текстах

Таблица 13 и рисунки 21–26 демонстрируют частотность использования значений словоизменительных категорий в сюжетных и несюжетных текстах.

Таблица 13

Частоты значений словоизменительных категорий глагола в сюжетных и несюжетных текстах

Грамматические категории и значения глагола		Вид текста			
Категория	Значение	Сюжетное		Несюжетное	
		абс.	%	абс.	%
ЗАЛОГ	Действительный	1 069	97,89	667	98,81
	Страдательный	23	2,11	8	1,19
НАКЛОНЕНИЕ	Изъявительное	1 270	98,98	839	98,70
	Повелительное	4	0,31	2	0,24
	Сослагательное	9	0,71	9	1,06
ВРЕМЯ	Настоящее	502	46,22	317	46,96
	Прошедшее	573	52,76	332	49,18
	Будущее	11	1,02	26	3,86
ЛИЦО	1 лицо	34	6,81	45	13,84
	2 лицо	5	1,00	5	1,53
	3 лицо	460	92,19	275	84,63
ЧИСЛО	Единственное	938	87,58	545	84,36
	Множественное	133	12,42	101	15,64
РОД	Мужской	440	85,76	180	64,51
	Женский	26	5,06	57	20,43
	Средний	47	9,18	42	15,06

Как показывают таблица 13 и рисунки 21, 22, реализация значений категорий наклонения и залога практически не зависит от сюжетности/несюжетности текста: в обоих типах текста преобладают формы действительного залога и изъявительного наклонения, а разницы в частотах всех значений данных категорий минимальны.

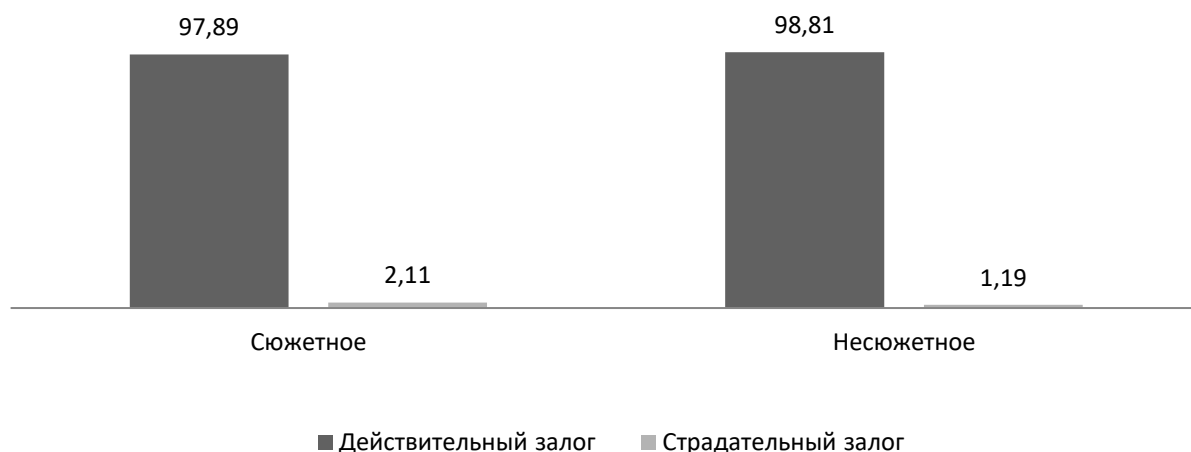

Рисунок 21. Распределение частот значений категории залога при описании сюжетных и несюжетных изображений, %

Рисунок 22. Распределение частот значений категории наклонения при описании сюжетных и несюжетных изображений, %

Время глагола оказалось чувствительно к виду текста: глаголы в прошедшем времени использовались чаще при описании сюжетных, чем при описании несюжетных изображений – 52,76% и 49,18% соответственно; при этом интересно, что глаголы в будущем времени чаще используются при описании несюжетных изображений – 3,86% и 1,02% соответственно (см. табл. 13 и рис. 23).

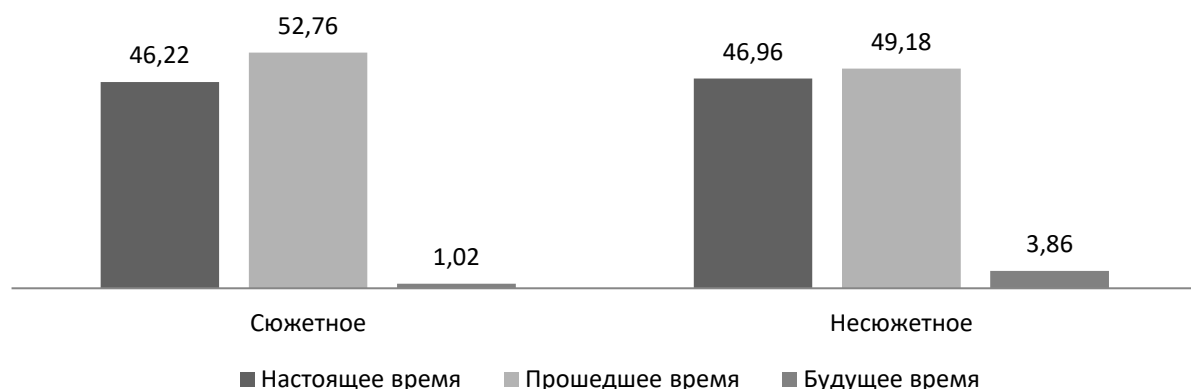

Рисунок 23. Распределение частот значений категории времени при описании сюжетных и несюжетных изображений, %

В таблице 13 и на рисунке 24 видно, что вид текста оказывает влияние на использование личных форм глагола: 3 лицо глаголов чаще используется в сюжетных текстах, которые описывают действия героя; 1 лицо, напротив, чаще встречается в несюжетных текстах, что может быть связано с более частым выражением своего мнения при описании статичного изображения.

Формы единственного числа чаще употребляются в сюжетных текстах, а формы множественного, напротив, в несюжетных: разница в обоих случаях составляет 3,22% (см. табл. 13 и рис. 25).

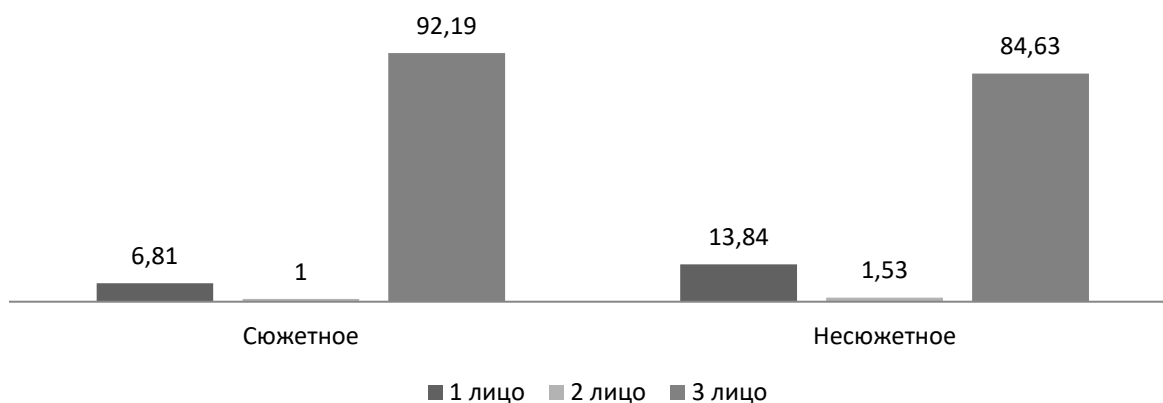

Рисунок 24. Распределение частот значений категории лица при описании сюжетных и несюжетных изображений, %

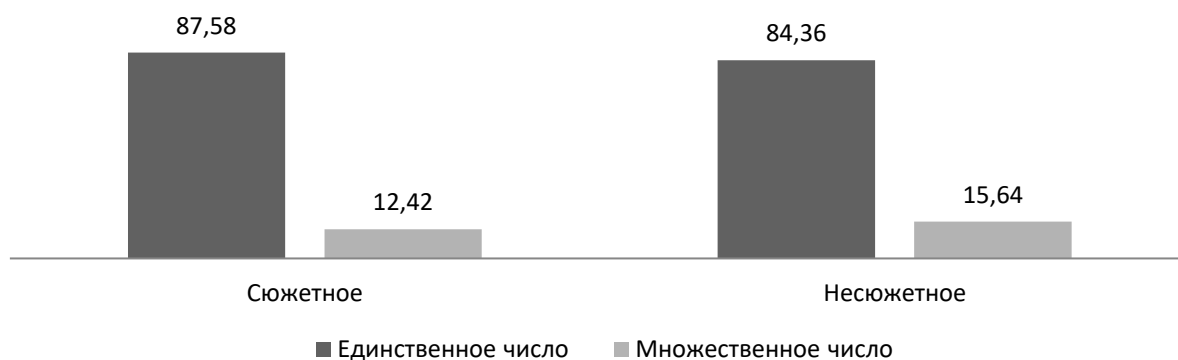

Рисунок 25. Распределение частот значений категории числа при описании сюжетных и несюжетных изображений, %

Глагольные формы в мужском роде значительно чаще употреблялись информантами в сюжетных текстах, чем в несюжетных (разница составляет более 21%), при том что в обоих типах изображений присутствуют герои только мужского пола; при описании несюжетного изображения чаще, чем при описании сюжетного, используются формы женского и среднего рода (см. табл. 13 и рис. 26).

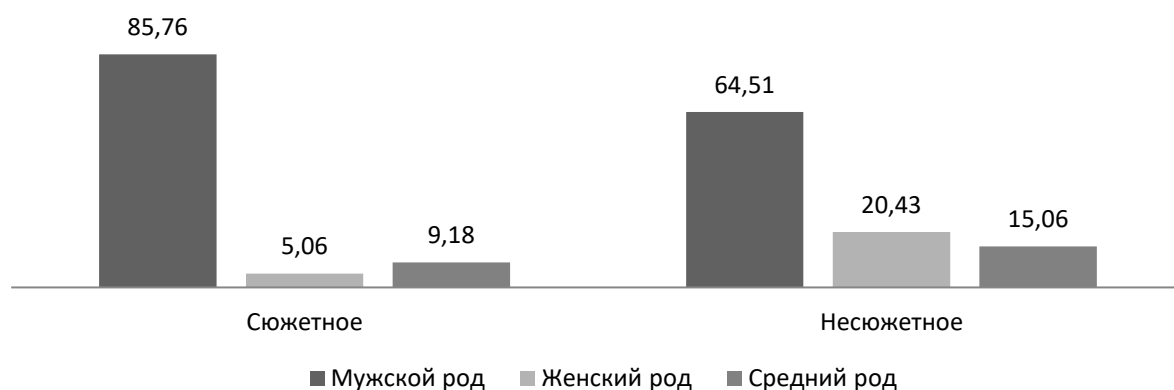

Рисунок 26. Распределение частот значений категории рода при описании сюжетных и несюжетных изображений, %

Таким образом, можно отметить, что сюжетный/несюжетный вид текста оказывает более сильное влияние на реализацию словоизменительных категорий, чем устная/письменная форма текста: только залог и наклонение оказались нечувствительны к смене вида изображения.

Сопоставление глагольных профилей сюжетных и несюжетных текстов

На рисунке 27 глагольные профили сюжетных и несюжетных текстов представлены в виде распределений частот грамматических значений всех рассмотренных категорий.

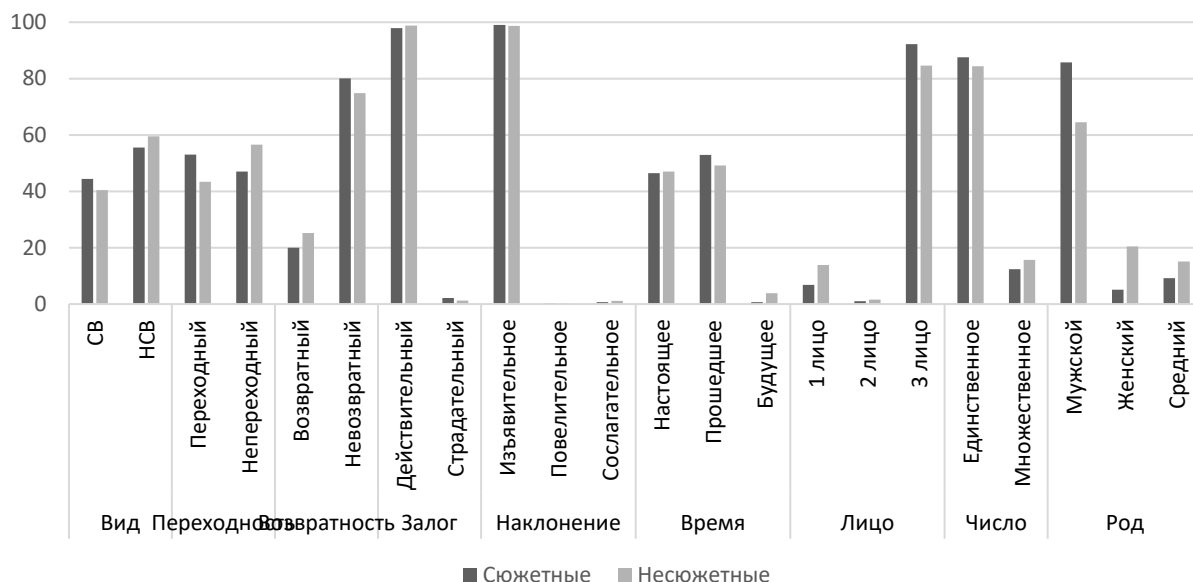

Рисунок 27. Глагольные профили сюжетных и несюжетных текстов, %

Можно видеть, что глагольные профили сюжетных и несюжетных текстов имеют различия, которые наиболее заметны для категорий вида, переходности, возвратности, времени, лица, числа и рода. Таким образом, вид текста

оказывает влияние на большее количество грамматических значений глагола, чем форма текста.

3.3.3. Глагольные профили разных типов текста

Проанализируем частоту употребления грамматических значений глагола при сочетании разных типов текста (форма текста + вид текста) на основе выборок «устный текст – сюжетное изображение», «устный текст – несюжетное изображение», «письменный текст – сюжетное изображение» и «письменный текст – несюжетное изображение».

Категория вида в разных типах текста

Рассмотрим частотность глаголов совершенного и несовершенного вида в устных и письменных текстах при описании сюжетного и несюжетного изображений совместно (см. табл. 14, рис. 28).

Таблица 14

Частоты видовых значений глаголов в текстах разных типов

Грамматические категории глагола	Устные				Письменные			
	Сюжетные		Несюжетные		Сюжетные		Несюжетные	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Совершенный вид	224	42,34	83	32,8	346	45,88	261	43,71
Несовершенный вид	305	57,66	170	67,20	408	54,12	336	56,29

Таблица 14 и рисунок 28 демонстрируют, что наибольшее количество глаголов СВ обнаруживается в письменных сюжетных текстах (45,88%), а наименьшее – в устных несюжетных (32,8%). При этом частота глаголов СВ в письменных несюжетных текстах (43,7%) и даже в устных сюжетных (42,3%) ближе к частоте СВ в письменных сюжетных текстах. Таким образом, среди всех типов текста только устные несюжетные тексты выделяются как особая группа по использованию СВ: в этом типе текста частота глаголов СВ ниже, чем во всех остальных типах текста, при этом разница варьирует от 10 до 13%. Возможно, что большая частота глаголов СВ в письменных сюжетных текстах объясняется их нарративной природой, требующей выражения завершенных действий. В устных сюжетных текстах, СВ реализуется реже всего, поскольку в них преобладает выражение процессуальности, а не ограниченности действия.

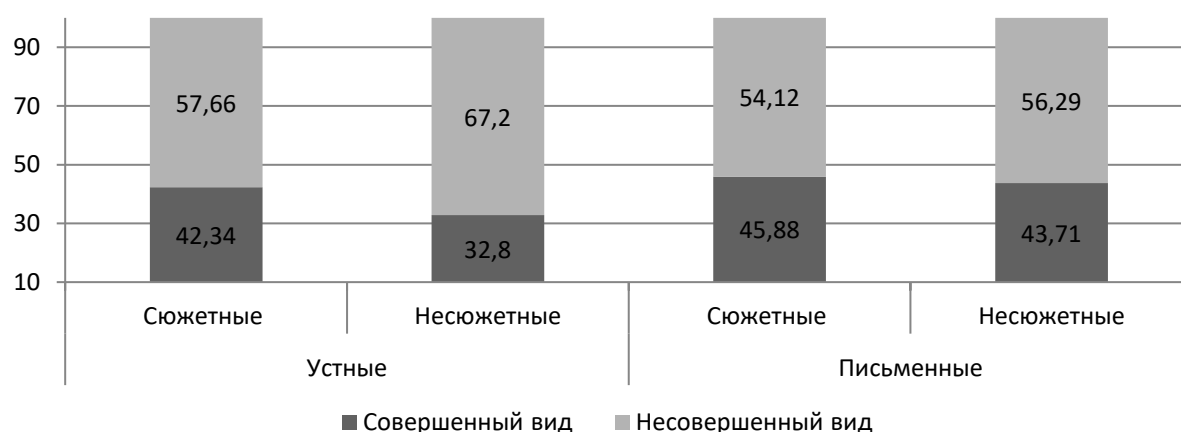

Рисунок 28. Распределение частот значений СВ и НСВ глаголов в текстах разных типов, %

Классифицирующие категории в разных типах текста

Рассмотрим частотность использования значений классифицирующих категорий глагола в устных и письменных текстах при описании сюжетного и несюжетного изображений совместно (см. табл. 15, рис. 29, 30).

Таблица 15

Частоты значений классифицирующих категорий глагола в текстах разных типов

Грамматические категории и значения глагола		Устные				Письменные			
		Сюжетные		Несюжетные		Сюжетные		Несюжетные	
Категория	Значение	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
ПЕРЕХОДНОСТЬ	Переходный	296	55,95	111	43,87	384	50,92	271	45,39
	Непереходный	233	44,05	142	56,13	370	49,08	326	54,61
ВОЗВРАТНОСТЬ	Возвратный	101	19,09	72	28,57	155	20,52	142	23,78
	Невозвратный	428	80,91	180	71,43	600	79,48	455	76,22

По данным таблицы 15 и рисунка 29 видно, что наблюдается сходство между соотношением количества переходных и непереходных глаголов при описании сюжетных изображений как в устных, так и в письменных текстах; аналогично для несюжетных изображений соотношение переходных и непереходных глаголов примерно одинаково для обеих форм текста. Тем не менее переходные глаголы чаще всего используются в устных сюжетных текстах (55,9%), а реже всего – в устных несюжетных текстах (43,8%), т. е. в данном случае разница составляет 12%; разница между типами текстов внутри письменных меньше – всего 5%. Возможно, сюжетность текста увеличивает долю переходных глаголов за счет описания действий с объектами.

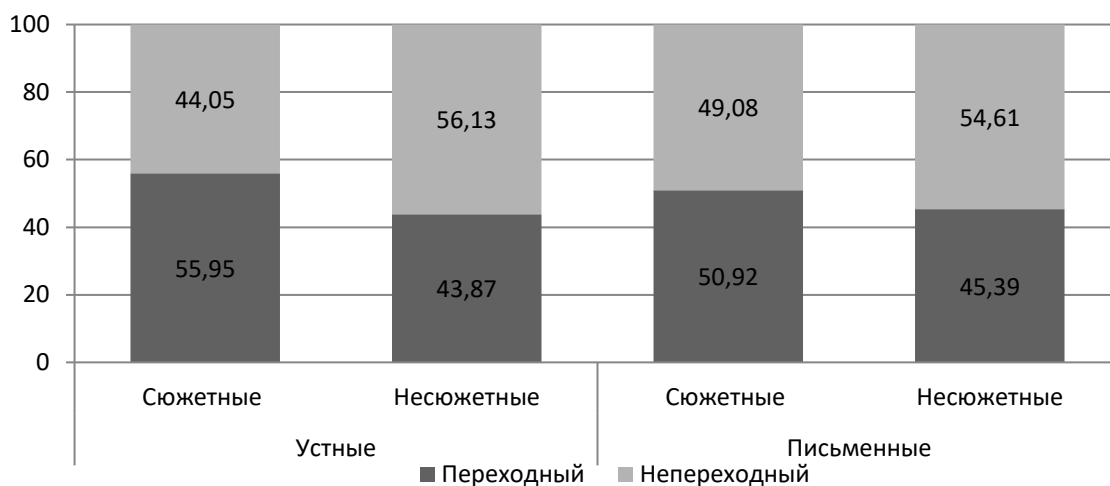

Рисунок 29. Распределение частот значений переходных и непереходных глаголов в текстах разных типов, %

С непереходными глаголами информанты преимущественно использовали косвенное дополнение в В. п. с предлогом *в*. В устных сюжетных текстах наименьшее количество раз был использован Р. п. (6,89%) косвенного дополнения и предлоги *для*, *под*, *от* не были использованы вообще; в устных несюжетных текстах – Д. п. и П. п. (по 8,45% каждый) косвенного дополнения, а также не употреблялся предлог *для*; в письменных сюжетных текстах реже всего употреблялся П. п. (9,69%) объекта и не использовался предлог *для*, а в письменных несюжетных текстах – Д. п. (12,97%) и предлог *за* (1,19%).

Частота использования невозвратных глаголов мало отличается в сюжетных и несюжетных текстах в письменной форме; в устной форме разница между количеством возвратных и невозвратных форм в сюжетных и несюжетных текстах заметнее: в устных текстах при описании несюжетного изображения представлено больше всего невозвратных глаголов, в то время как в устных сюжетных текстах их количество наименьшее (см. табл. 15 и рис. 30). Разница в использовании возвратных глаголов в сюжетных и несюжетных текстах, вероятно, может быть связана с большим количеством ситуаций, которые необходимо описывать в сюжетных текстах и, следовательно, реализаций большего количества значений возвратности (использование глаголов со общевозвратными, собственно-возвратными, взаимно-возвратными и т. д. значениями).

Таким образом, полученные данные показывают, что форма текста и его вид взаимодействуют, влияя на распределение частот значений классифицирующих категорий глагола, при этом устная форма текста проявляет разницу в частотах значений классифицирующих категорий, а письменная, наоборот, нивелирует.

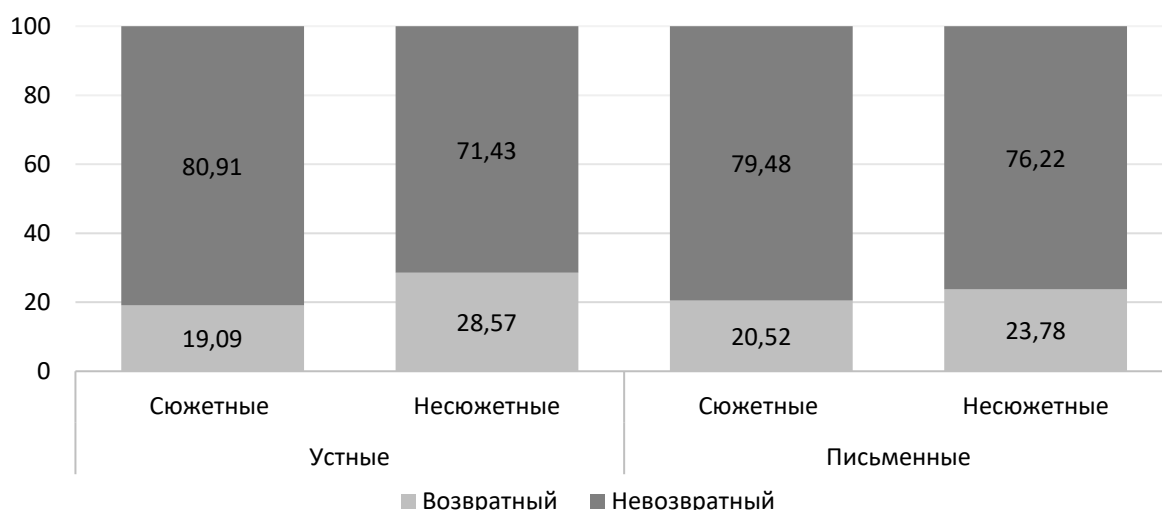

Рисунок 30. Распределение частот значений возвратных и невозвратных глаголов в текстах разных типов, %

Словоизменительные категории в разных типах текста

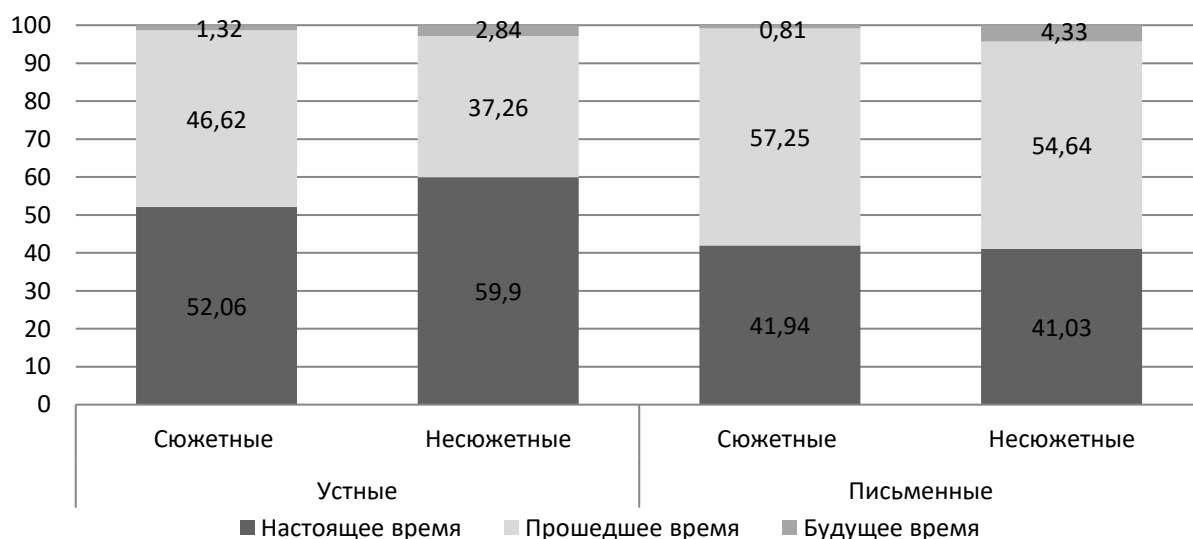
Проанализируем полученные данные о частоте реализации словоизменительных категорий в зависимости от их использования в разных типах текста (см. табл. 16, рис. 31, 32, 33, 34).

Во всех типах текста частота изъявительного наклонения максимальна и составляет 98–99%, так как основная функция речи – это констатация фактов, описание событий и передача информации; повелительное и сослагательное наклонения встречаются менее, чем в двух процентах случаев. При этом повелительное наклонение вообще не встретилось в устных несюжетных текстах (см. табл. 16). Действительный залог также доминирует во всех типах текста, составляя от 97% залоговых форм в устных сюжетных текстах до 99% – в письменных несюжетных (см. табл. 16), что объяснимо, т. к. в естественной коммуникации акцент делается на субъекте действия, а не на объекте.

Таблица 16

**Частоты значений словоизменительных категорий глагола
в текстах разных типов**

Грамматические категории и значения глагола		Устные				Письменные			
Категория	Значение	Сюжетные		Несюжетные		Сюжетные		Несюжетные	
		абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
ЗАЛОГ	Действительный	451	97,19	209	98,58	618	98,40	458	98,92
	Страдательный	13	2,81	3	1,42	10	1,60	5	1,08
НАКЛОНЕНИЕ	Изъявительное	526	99,43	252	99,60	744	98,67	587	98,32
	Повелительное	2	0,37	0	0,00	2	0,26	2	0,33
	Сослагательное	1	0,20	1	0,40	8	1,07	8	1,35
ВРЕМЯ	Настоящее	239	52,06	127	59,90	263	41,94	190	41,03
	Прошедшее	214	46,62	79	37,26	359	57,25	253	54,64
	Будущее	6	1,32	6	2,84	5	0,81	20	4,33
ЛИЦО	1 лицо	21	8,78	20	16,66	13	5,00	25	12,19
	2 лицо	3	1,25	1	0,83	2	0,76	4	1,95
	3 лицо	215	89,97	99	82,51	245	94,24	176	85,86
ЧИСЛО	Единственное	399	88,86	172	87,30	539	86,65	373	83,07
	Множественное	50	11,14	25	12,70	83	13,35	76	16,93
РОД	Мужской	166	87,36	53	77,94	274	84,82	127	60,18
	Женский	9	4,73	5	7,35	17	5,26	52	24,64
	Средний	15	7,91	10	14,71	32	9,92	32	15,18

**Рисунок 31. Распределение частот значений временных форм
в текстах разных типов, %**

Таблица 16 и рисунок 31 показывают, что распределения временных форм в письменных текстах при описании сюжетного и несюжетного изображений отличаются мало, можно отметить только чуть большую активность форм будущего времени (за счет уменьшения форм прошедшего времени) при

описании несюжетного изображения. В то же время в устной речи частоты временных форм в сюжетном и несюжетном текстах отличаются довольно сильно: в устном несюжетном тексте используется больше форм настоящего времени, чем в сюжетном, соответственно в устном сюжетном тексте чаще встречаются формы прошедшего времени.

Самое большое количество глагольных словоформ в настоящем времени было употреблено информантами в устных несюжетных текстах (60%), а наименьшее – в письменных текстах (как сюжетных, так и несюжетных – 41–42%). Больше всего глаголов в прошедшем времени было использовано в письменных сюжетных текстах (57%), а меньше всего – в устных несюжетных (37%). Наибольшее количество форм будущего времени отмечено в письменных несюжетных текстах (4%), а наименьшее – в письменных сюжетных (1%). Таким образом, распределение временных форм глагола специфично для каждого типа текста и эта специфичность достигается увеличением или уменьшением доли одного или двух времен в разных типах текстов.

Анализ употребления форм лица (см. табл. 16 и рис. 32) показывает, что в письменных сюжетных текстах формы 3 лица встречаются наиболее часто (94%), а формы 1 лица – наиболее редко (5%). Напротив, в устных несюжетных текстах формы 3 лица употреблялись реже всего – (82%), зато чаще всего отмечались формы 1 лица (16,66%). Очевидно, это связано со следующими обстоятельствами: в сюжетных текстах информанты рассказывают о других людях/предметах, а при описании несюжетного изображения чаще добавляется личное мнение говорящего, и, кроме того, устная речь сильнее личностно окрашена. Доля форм 2 лица, наименее частотных из всех, составляет примерно от 1 до 2% (формы 2 лица чаще всего используются в личном общении с другим человеком, а в описаниях и историях их можно встретить только при имитации прямой речи).

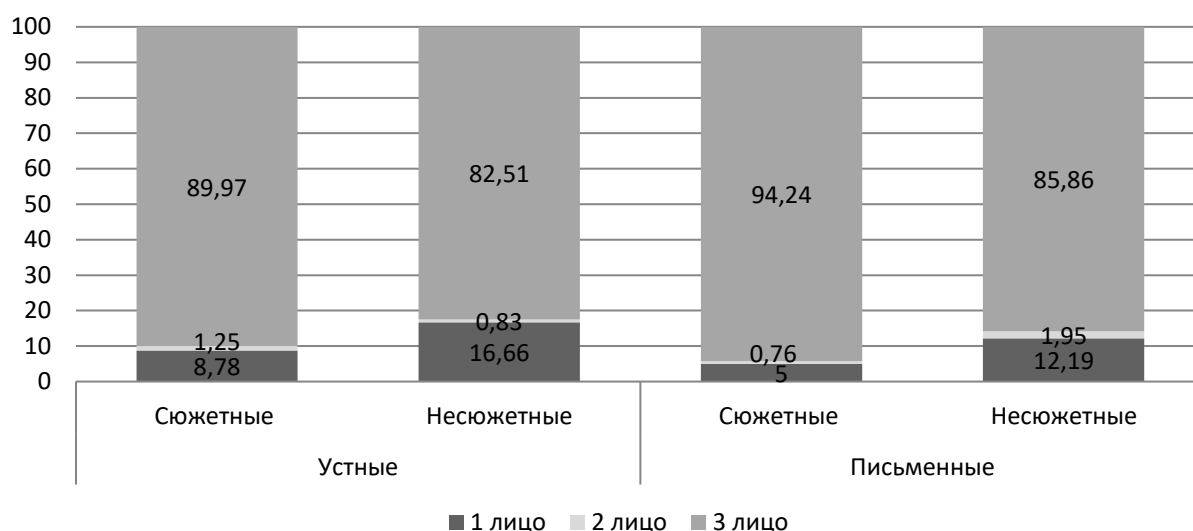

Рисунок 32. Распределение частот значений категории лица в текстах разных типов, %

Данные таблицы 16 и рисунка 33 показывают, что соотношение форм числа в устных сюжетных и несюжетных и письменных сюжетных текстах очень похоже и в совокупности противопоставлены соотношению форм числа в письменных несюжетных текстах, где наблюдается наибольшее количество форм множественного числа (16,93%).

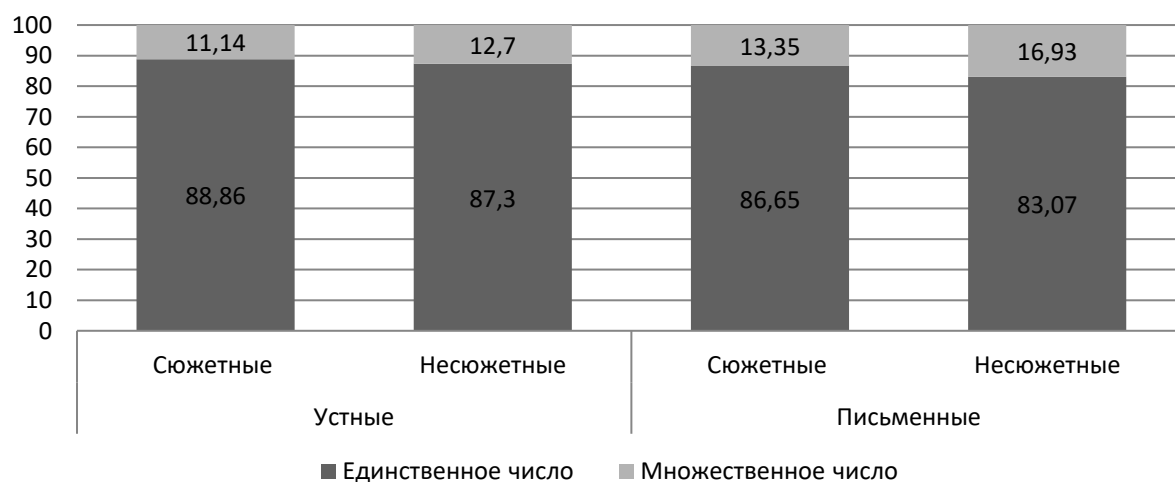

Рисунок 33. Распределение частот значений категории числа в текстах разных типов, %

Во всех типах текста информанты использовали наибольшее количество словоформ в мужском роде (см. табл. 16 и рис. 34), что, как уже говорилось, связано с описываемыми изображениями, на которых представлены мужские персонажи, однако частоты словоформ мужского, женского и среднего рода в

разных типах текста разные. Так, наибольшее количество форм в мужском роде наблюдается в устных сюжетных текстах (87%), а наименьшее – в письменных несюжетных (60,18%) в силу того, что при устном описании изображений автор текста чаще всего фокусируется на главных героях, в то время как в письменных текстах он чаще отступает от основной канвы изложения. В письменных несюжетных текстах чаще всего используются словоформы в женском роде (24,64%) и в среднем роде (15,18%): во время письма есть возможность порассуждать, что способствует более разнообразному описанию. В целом распределение форм рода в письменном несюжетном тексте наиболее сильно отличается от распределений в других типах текстов.

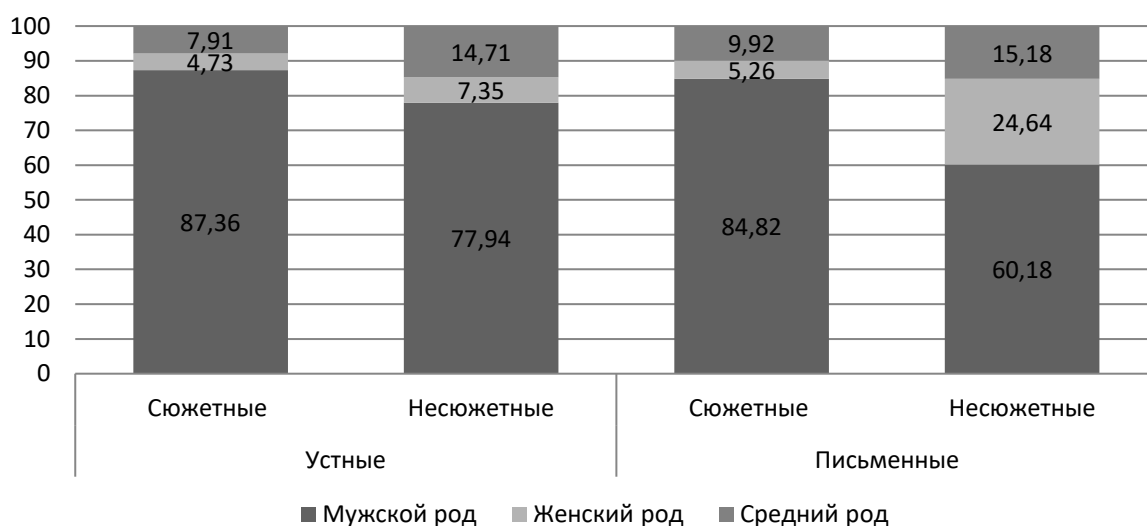

Рисунок 34. Распределение частот значений категории рода в текстах разных типов, %

Таким образом, при анализе частотности значений словоизменительных категорий в четырех типах текста также, как и в случае со значениями классифицирующих категорий наблюдается взаимодействие формы текста и типа описания. При этом каждая словоизменительная категория глагола по-разному реагирует на форму текста, но чаще всего отличаются на общем фоне письменные несюжетные тексты.

Сопоставление глагольных профилей разных типов текста

Анализ глагольных профилей разных типов текстов (см. рис. 35) показывает, что различия в частотах употребления грамматических значений глагола между текстами разного типа заметны для категорий вида, переходности,

возвратности, времени, лица, числа и рода. Частоты грамматических значений залога и наклонения почти не зависят от типа текста. Таким образом, тип текста оказывает влияние на частоту большего количества грамматических значений глагола, чем форма и вид текста по отдельности.

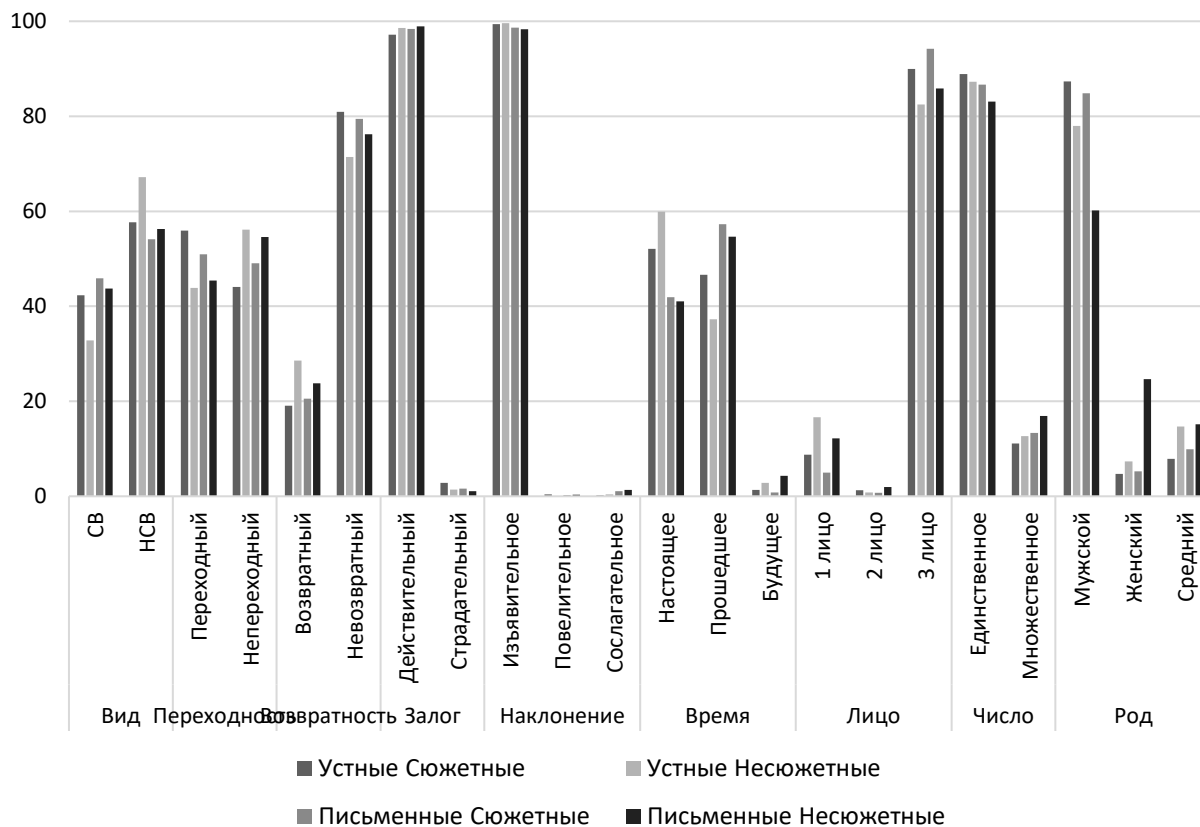

Рисунок 35. Глагольные профили текстов разных типов, %

3.4. Вариативность глагольных профилей текстов в зависимости от социальных параметров их авторов

3.4.1. Вариативность частот грамматических значений глагола в зависимости от фактора «пол»

Рассмотрим влияние фактора «пол» на все анализируемые грамматические значения глагола во всем массиве текстов (см. рис. 35). Как видно, на распределение грамматических значений категорий вида, переходности, залога, наклонения и числа данный социолингвистический фактор не влияет или влияет минимально. Тем не менее фактор «пол» оказывает влияние на частоту реализации значений категорий возвратности, времени, лица и рода. Так, в речи

мужчин на фоне речи женщин больше возвратных глаголов, форм настоящего времени, форм 3 лица, а также форм женского и среднего рода. В то же время в речи женщин чаще, чем в речи мужчин, встречаются невозвратные глаголы, формы прошедшего времени, формы 1 лица и формы мужского рода.

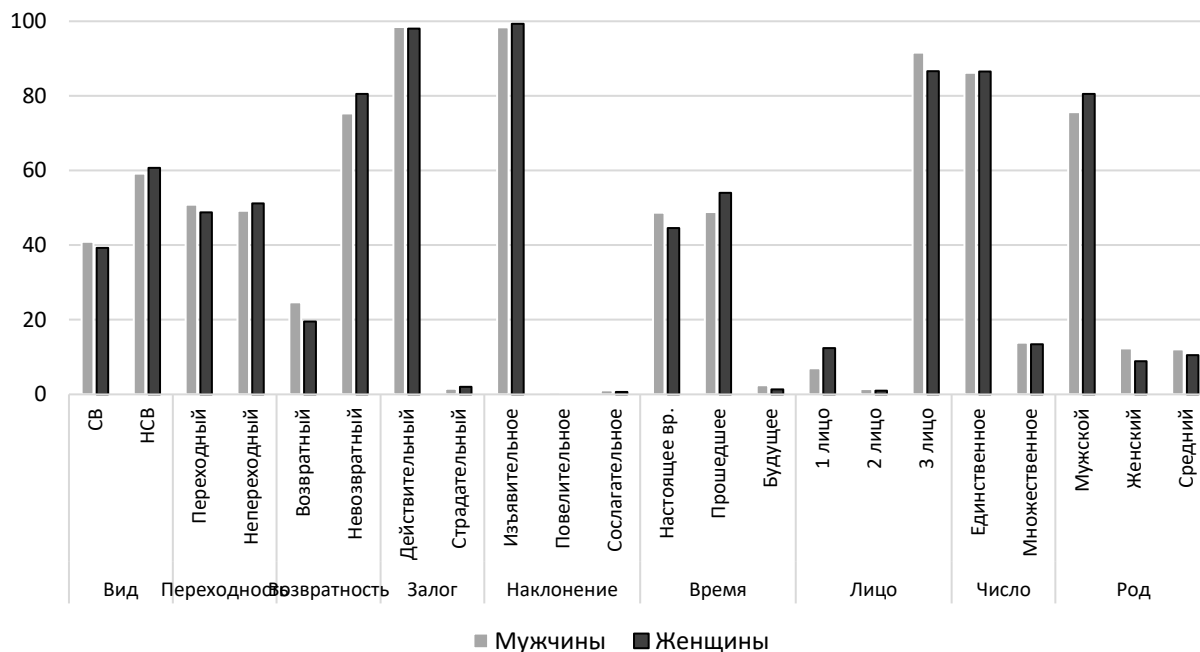

Рисунок 35. Глагольные профили текстов в зависимости от фактора «пол», %

Перейдем к анализу частоты реализации грамматических значений глагола при сочетании текстовых и социальных факторов, а именно – сочетания типа текста и пола.

Категория вида в зависимости от типа текста и пола информантов

Рисунок 36 демонстрирует, что в устных сюжетных текстах мужчины используют больше глаголов СВ, чем женщины (разница составляет 5,4%), однако в устных несюжетных текстах количество глаголов СВ у мужчин и женщин почти равнозначно (разница составляет менее 1%). В письменных сюжетных текстах женщины употребляют значительно больше форм СВ, чем мужчины (разница составляет 19%), а в письменных несюжетных текстах, наоборот, мужчины несколько чаще, чем женщины, используют СВ (разница – 5,2%). Таким образом, в трех типах текстов глаголов СВ больше у мужчин, но один тип текста противопоставлен остальным: в письменных сюжетных

текстах, вопреки данным других исследователей (см. Главу 2), женщины употребляют СВ чаще мужчин.

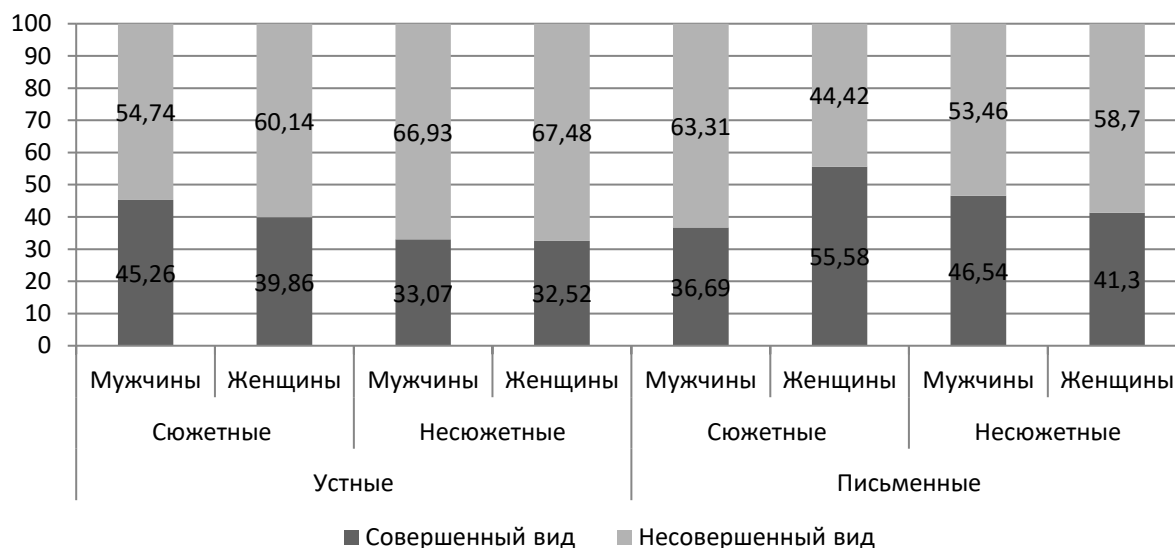

Рисунок 36. Распределение частот видовых значений глагола в разных типах текста в зависимости от фактора «пол», %

Итак, полученные результаты показывают различия в использовании вида глагола в зависимости от сочетания типа текста и фактора «пол».

Классифицирующие категории в зависимости от типа текста и пола информантов

Рассмотрим частотность использования значений классифицирующих категорий глагола в разных типах текста в зависимости от фактора «пол» (см. рис. 37, 38).

Рисунок 37 показывает, что как в устных, так и в письменных сюжетных текстах разницы между частотами переходных глаголов у мужчин и женщин почти не наблюдается (около 1%); однако в несюжетных текстах переходные глаголы чаще встречаются в текстах мужчин, чем в текстах женщин, при этом разница в частотах в случае с устными текстами составляет всего 4,5%, в то время как в случае с письменными текстами разница немного больше – 6,2%.

На рисунке 38 видно, что наибольшая разница в употреблении возвратных форм между мужчинами и женщинами наблюдается в устных несюжетных текстах (17%), где отмечается наибольший процент возвратных форм у мужчин (36,92%) на фоне довольно небольшого процента возвратных форм у

женщин (19,67%). Отметим, что в устных и письменных сюжетных текстах количество возвратных форм у мужчин также больше, чем у женщин, но разница в частотах не так велика и составляет примерно 4–5%. В письменных несюжетных текстах разница в употреблении возвратных и невозвратных форм между мужчинами и женщинами минимальна.

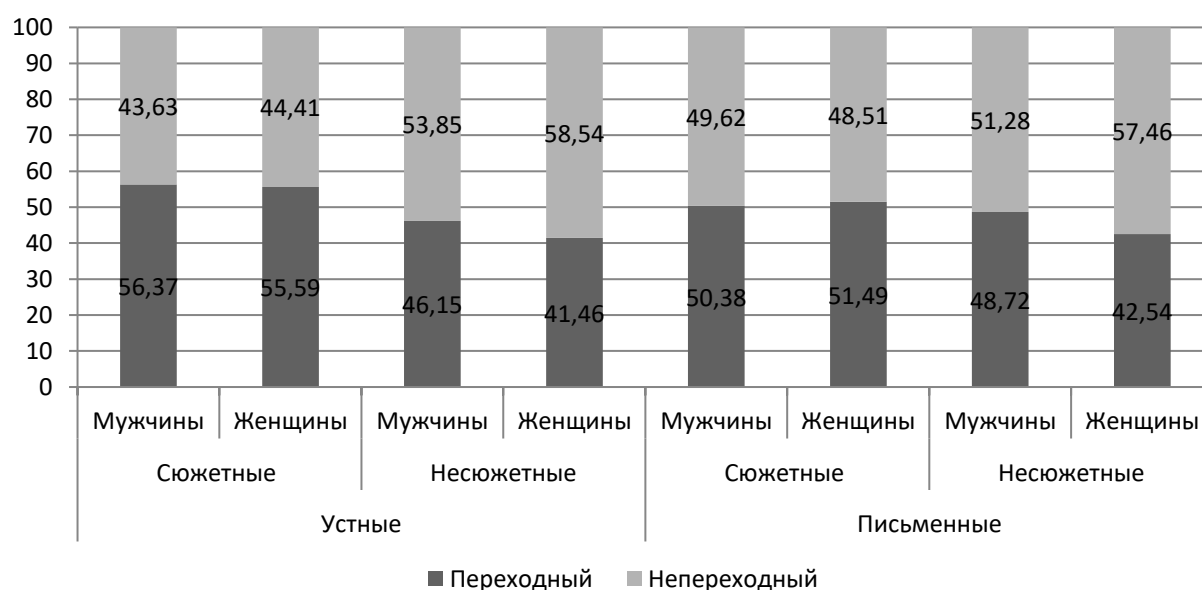

Рисунок 37. Распределение частот переходных и непереходных глаголов в разных типах текста в зависимости от фактора «пол», %

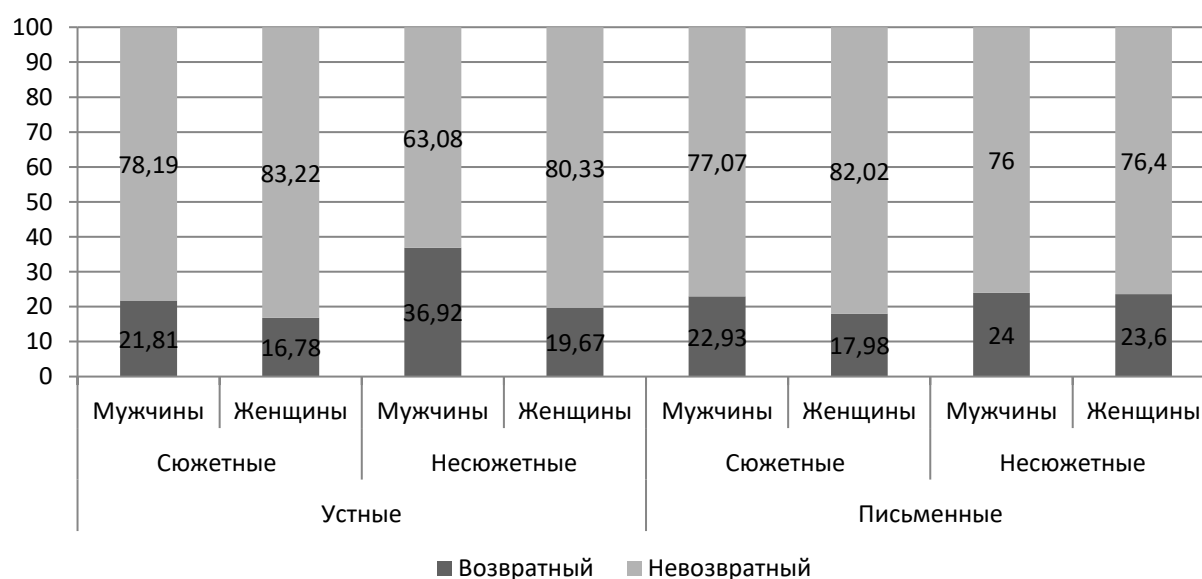

Рисунок 38. Распределение частот возвратных и невозвратных глаголов в разных типах текста в зависимости от фактора «пол», %

Таким образом, полученные данные показывают, что фактор «пол» каждый раз своеобразно взаимодействует с типом текста, проявляя или нивелируя разницу в частотах грамматических значений классифицирующих глагольных категорий.

Словоизменительные категории в зависимости от типа текста и пола информантов

Проанализируем данные о частоте реализации значений словоизменительных категорий в зависимости от их использования в разных типах текста и от фактора «пол» (см. рис. 39–44).

Хотя частотность страдательного залога вообще невелика, разница в употреблении форм залога мужчинами и женщинами заметна: в устном несюжетном и в письменном сюжетном тексте женщины употребляют в два – два с половиной раза больше форм страдательного залога, чем мужчины; напротив, в письменном несюжетном тексте количество возвратных форм глагола в полтора раза больше у мужчин, чем у женщин. В устных сюжетных текстах разница в частотах форм залога у мужчин и женщин отсутствует (см. рис. 39).

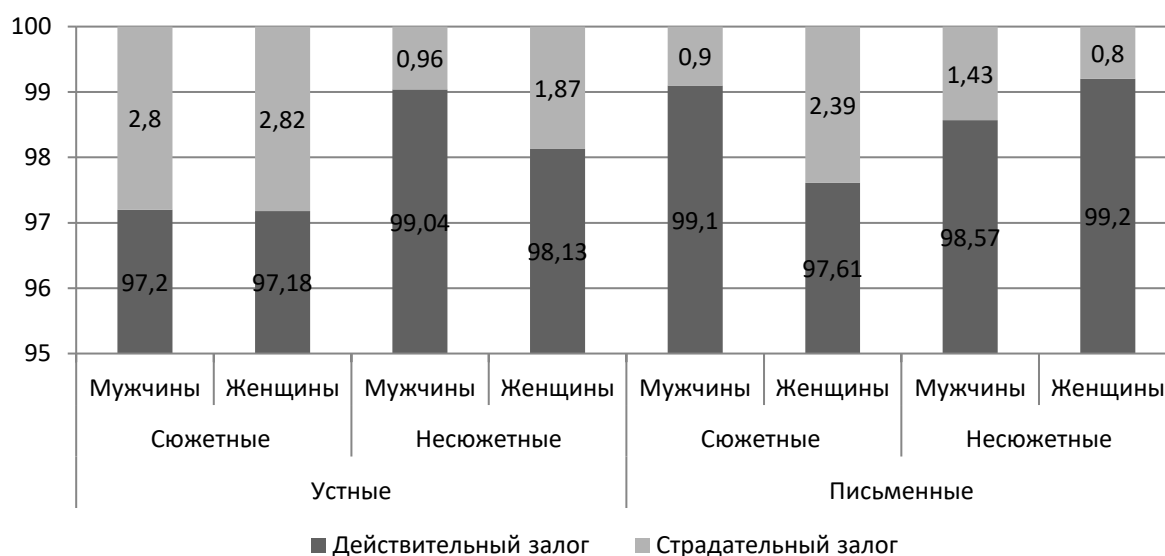

Рисунок 39. Распределение частот форм залога в разных типах текста в зависимости от фактора «пол», %

Данные об использовании значений наклонения (см. рис. 40), показывают, что повелительное наклонение не используется женщинами ни в одном из типов текстов, в то время как мужчины в трех типах текстов из четырех

используют, хотя и редко, формы повелительного наклонения; формы сослагательного наклонения не используются женщинами в устных текстах, а мужчинами используются во всех типах текстов. Ограниченное использование других форм наклонения, кроме изъявительного, женщинами приводит к тому, что последнее они используют чаще мужчин во всех типах текстов.

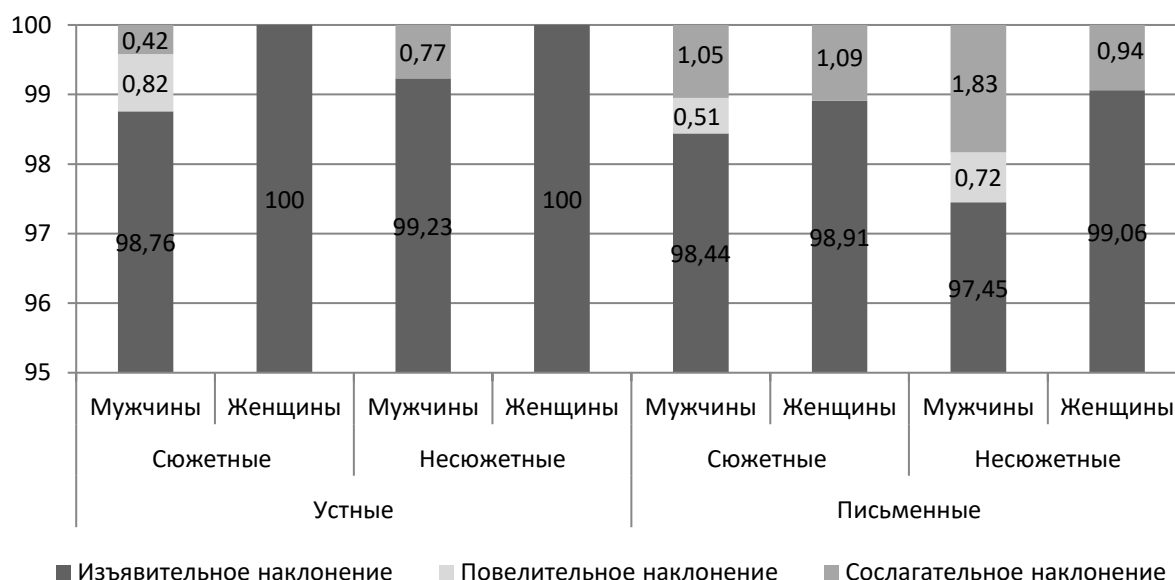

Рисунок 40. Распределение частот форм наклонения в разных типах текста в зависимости от фактора «пол», %

Таким образом, наблюдается разница между мужчинами и женщинами в использовании форм наклонения: у мужчин в текстах разнообразие форм наклонений выше, чем у женщин.

Рисунок 41 показывает, что только в письменных сюжетных текстах наблюдается заметная разница в частотности форм настоящего и прошедшего времени у мужчин и женщин (около 20%); в остальных случаях эта разница не превышает 3–5%. Формы будущего времени крайне малочисленны; наибольшая разница в использовании форм будущего времени мужчинами и женщинами отмечается в устных сюжетных текстах и письменных несюжетных текстах и составляет всего около 2–2,5%.

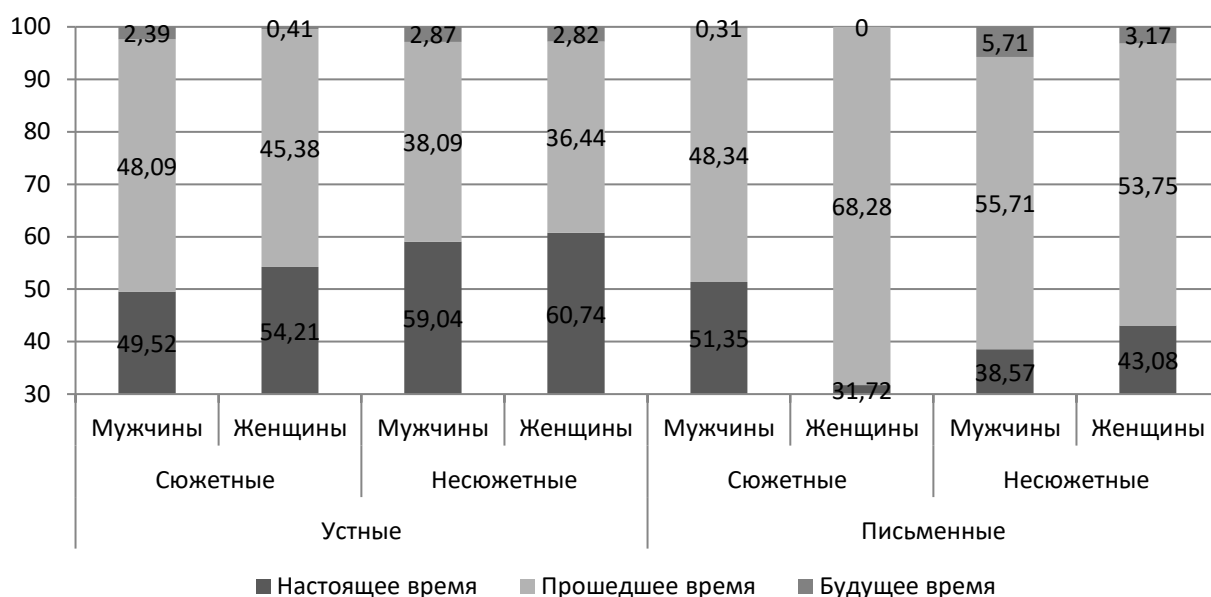

Рисунок 41. Распределение частот форм времени в разных типах текста в зависимости от фактора «пол», %

На рисунке 42 видно, что во всех типах текстов 1 лицо глаголов женщинами используется чаще, чем мужчинами. Самая большая разница в употреблении 1 лица между мужчинами и женщинами наблюдается в письменных несюжетных и устных сюжетных текстах (6,4 и 6% соответственно), а самая маленькая – в письменных сюжетных текстах (2,4%). Что касается употребления форм 2 лица, то в большинстве типов текстов они используются чаще мужчинами, чем женщинами, а в двух случаях (в устных несюжетных и письменных сюжетных текстах) женщины вообще не употребили 2 лицо глагола; однако в письменных несюжетных текстах женщины использовали 2 лицо значительно чаще мужчин (разница около 10%). Третье лицо во всех типах текстов чаще используют мужчины, чем женщины, при этом максимальная разница (около 17%) в частотах использования 3 лица мужчинами и женщинами наблюдается в письменных несюжетных текстах.

Таким образом, фактор «пол» оказывает заметное влияние на употребление категории лица глаголов в разных типах текстов.

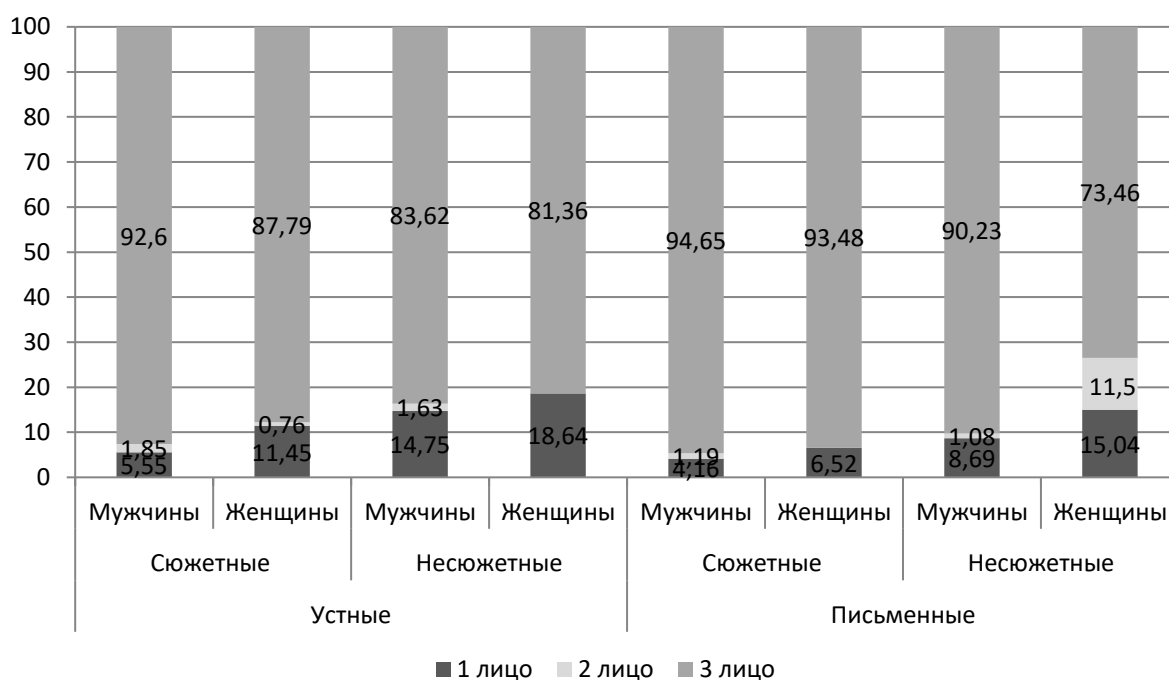

Рисунок 42. Распределение частот форм лица в разных типах текста в зависимости от фактора «пол», %

Что касается распределения форм числа в зависимости от типа текста и пола его автора (см. рис. 43), то в устных сюжетных текстах женщины используют множественное число несколько чаще, чем мужчины, а в письменных несюжетных текстах, наоборот – мужчины чаще, чем женщины (в последнем случае разница в использовании форм множественного числа мужчинами и женщинами максимальна – почти 5%). В устных несюжетных и письменных сюжетных текстах разницы в использовании форм числа в текстах мужчин и женщин почти нет.

На рисунке 44 видно, что в трех из четырех рассмотренных типах текста формы женского рода чаще используются мужчинами, чем женщинами (кроме устных несюжетных текстов): наибольшая разница наблюдается в письменных сюжетных текстах (6,65%), в остальных случаях разница составляет 1–2,5%. Стоит отметить, что максимальное количество форм глагола в женском роде зафиксировано в письменных несюжетных текстах мужчин (25,5%), однако женщины в данном типе текста использовали женский род ненамного реже мужчин (23,89%). Формы среднего рода в устных текстах (сюжетных и несюжетных) и в письменных несюжетных чаще употребляются женщинами, чем

мужчинами, в то время как в письменных сюжетных текстах – мужчинами, при этом разница в последнем случае больше (более 8%).

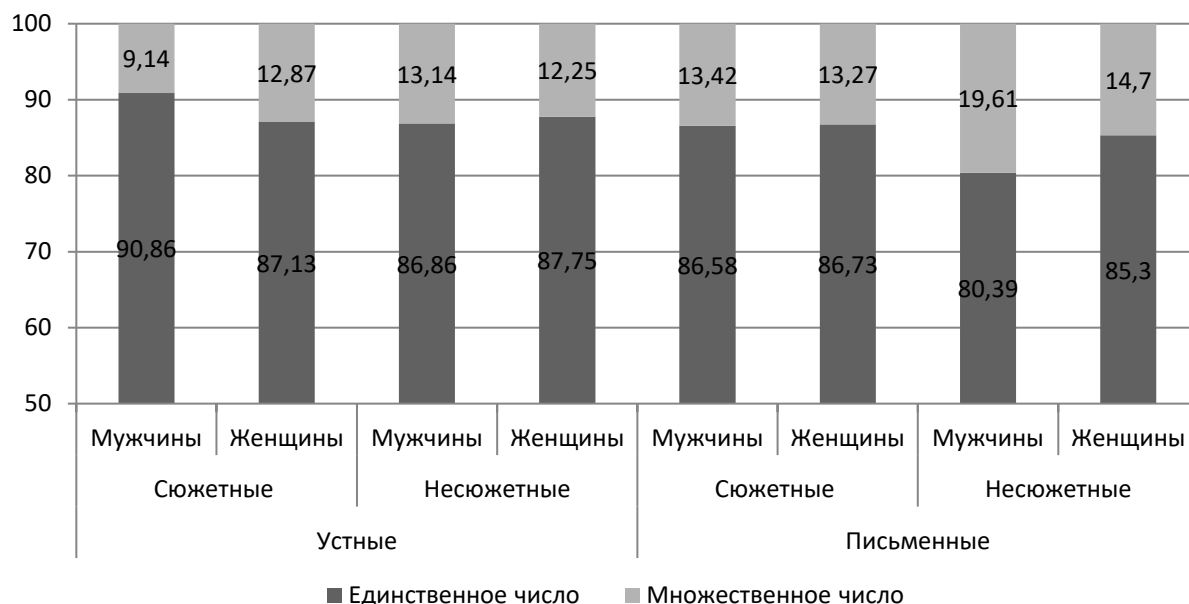

Рисунок 43. Распределение частот форм числа в разных типах текста в зависимости от фактора «пол», %

Рисунок 44. Рисунок 43. Распределение частот форм рода в разных типах текста в зависимости от фактора «пол», %

Таким образом, при анализе частотности значений категорий глагола в четырех типах текста наблюдается взаимодействие типа текста и фактора «пол». Представим в таблице 17 те категории глагола, на реализацию значений которых воздействует фактор «пол» в разных типах текста.

**Влияние фактора «пол» на частоту значений глагольных категорий
в разных типах текста**

Категория	Устные		Письменные	
	Сюжетные	Несюжетные	Сюжетные	Несюжетные
ВИД	+		+	+
ПЕРЕХОДНОСТЬ		+		+
ВОЗВРАТНОСТЬ	+	+	+	
ЗАЛОГ				
НАКЛОНЕНИЕ	+	+	+	+
ВРЕМЯ	+		+	+
ЛИЦО	+	+		+
ЧИСЛО				+
РОД		+	+	

Таблица 17 показывает, что в письменных несюжетных текстах влияние фактора «пол» на частотность значений глагольных категорий наблюдается немного чаще, чем в других случаях. Во всех рассмотренных типах текстов фактор «пол» повлиял на использование категории наклонения, реже всего он влиял на частотности значений категорий переходности и числа, и вообще не повлиял на частотности значений категории залога.

3.4.2. Вариативность частот грамматических значений глагола в зависимости от фактора «возраст»

Рассмотрим взаимодействие социолингвистического фактора «возраст» и анализируемых грамматических значений глагола в совокупности во всех текстах (см. рис. 45). Напомним, что анализ материала проводился в рамках двух возрастных групп: 1 группа – 20–35 лет, 2 группа – 36–55 лет.

Как показывает рисунок 45, частотности значений всех рассмотренных грамматических категорий глагола почти не подвергаются влиянию социолингвистического фактора «возраст»; наибольшая разница в частотах в зависимости от возраста достигается при употреблении глагольных форм среднего рода, хотя и она крайне мала – всего 4,5% (чаще встречается у старшей возрастной группы).

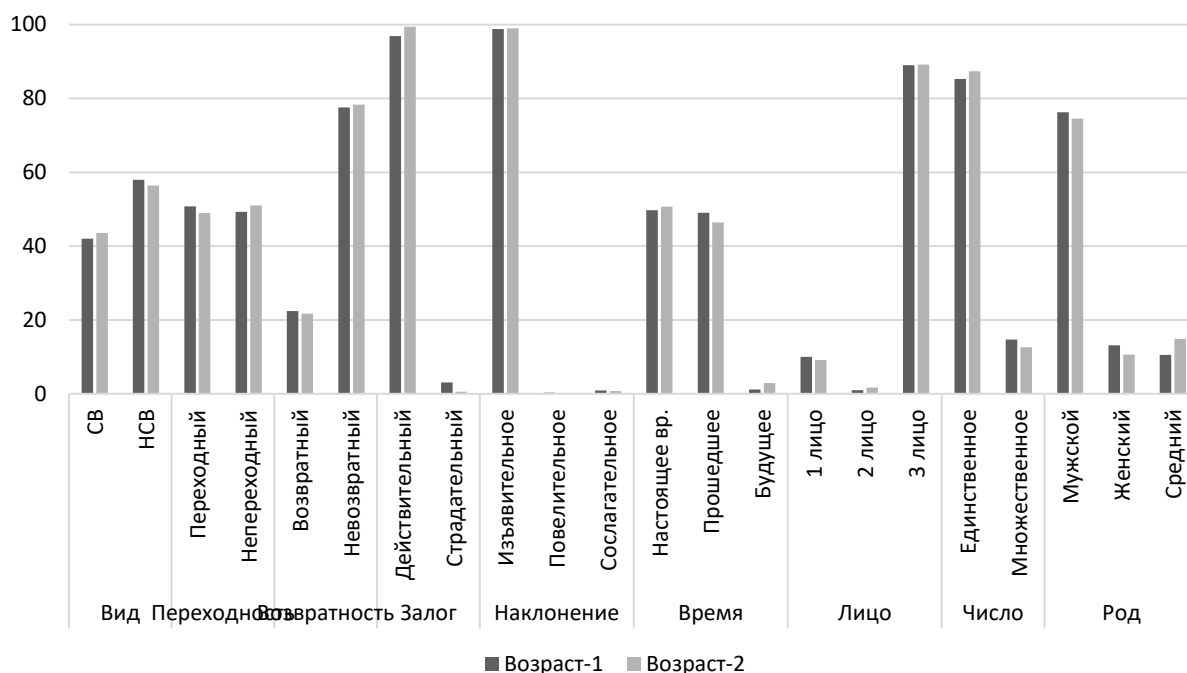

Рисунок 45. Глагольные профили текстов в зависимости от фактора «возраст», %

Таким образом в общем массиве текстов сколько-нибудь серьезного влияния фактора «возраст» на употребление грамматических значений глагола не прослеживается. Однако зависимость речевого употребления глаголов может обнаружиться при рассмотрении совместного влияния факторов «возраст» и «тип текста».

Категория вида в разных типах текстов в зависимости от фактора «возраст»

Рисунок 46 демонстрирует, что в устных сюжетных текстах информанты второй возрастной группы употребляют больше глаголов СВ, чем информанты первой возрастной группы (разница составляет 9,7%). Для остальных типов текстов разница в частоте вида у возрастных групп значительно меньше. В устных и письменных несюжетных текстах разница в использовании глаголов СВ и НСВ составляет 3,1–3,2%, причем в устных несюжетных текстах глаголы СВ преобладают в речи информантов первой возрастной группы, а в письменных несюжетных текстах – в речи информантов второй

возрастной группы. В письменных сюжетных текстах разница в использовании глаголов разного вида в речи информантов разных возрастных групп еще меньше – всего 1%.

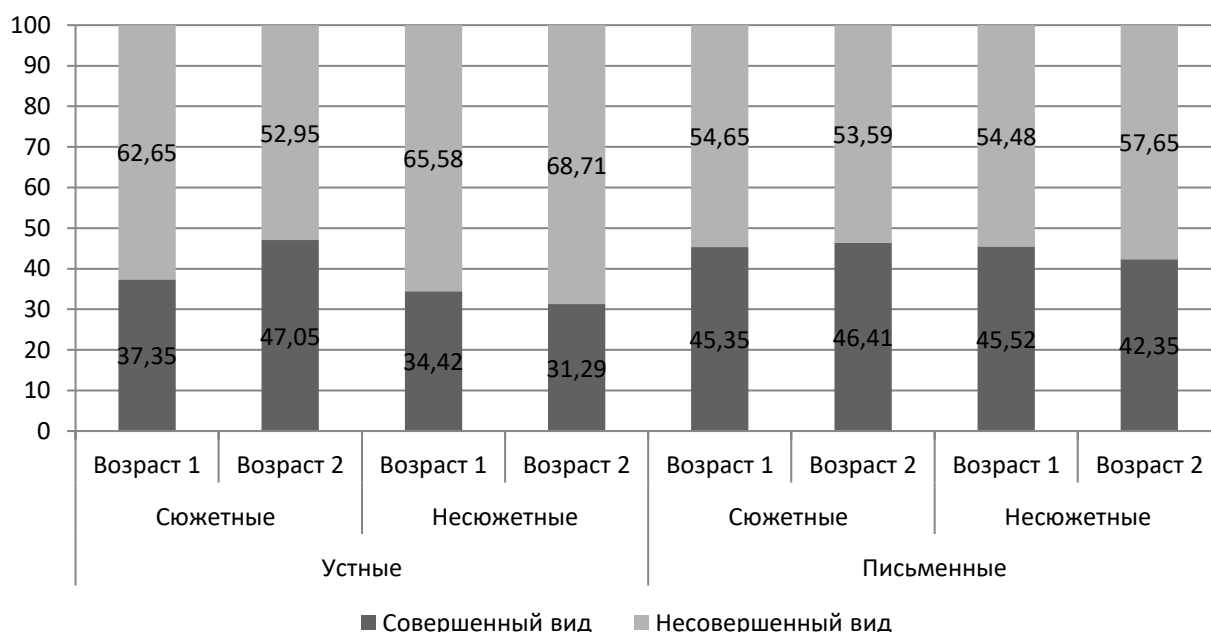

Рисунок 46. Распределение частот видовых значений глагола в разных типах текста в зависимости от фактора «возраст», %

Полученные результаты показывают различия в использовании вида глагола разными возрастными группами только для одного типа текстов – устных сюжетных.

Классифицирующие категории в разных типах текстов в зависимости от фактора «возраст»

Рассмотрим частотность использования значений классифицирующих категорий глагола в разных типах текстов в зависимости от фактора «возраст» (см. рис. 47, 48).

Анализ рисунка 47 показывает, что наибольшая разница в использовании переходных глаголов (6,4%) наблюдается в речи разных возрастных групп в письменных несюжетных текстах, при этом люди более старшего возраста используют меньше переходных глаголов.

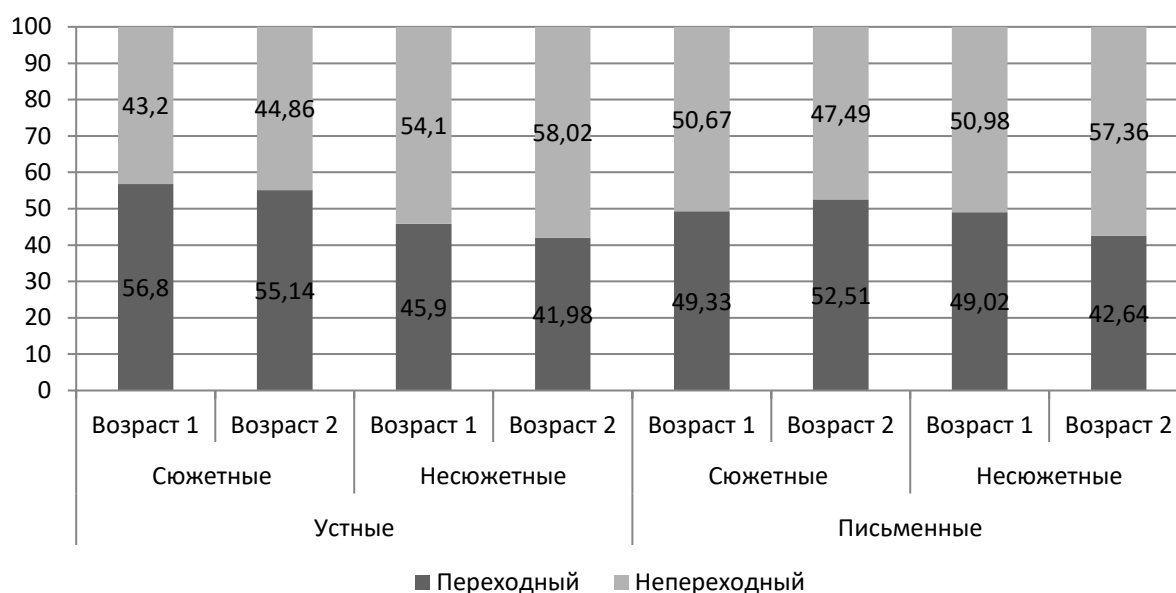

Рисунок 47. Распределение частот переходных и непереходных глаголов в разных типах текстов в зависимости от фактора «возраст», %

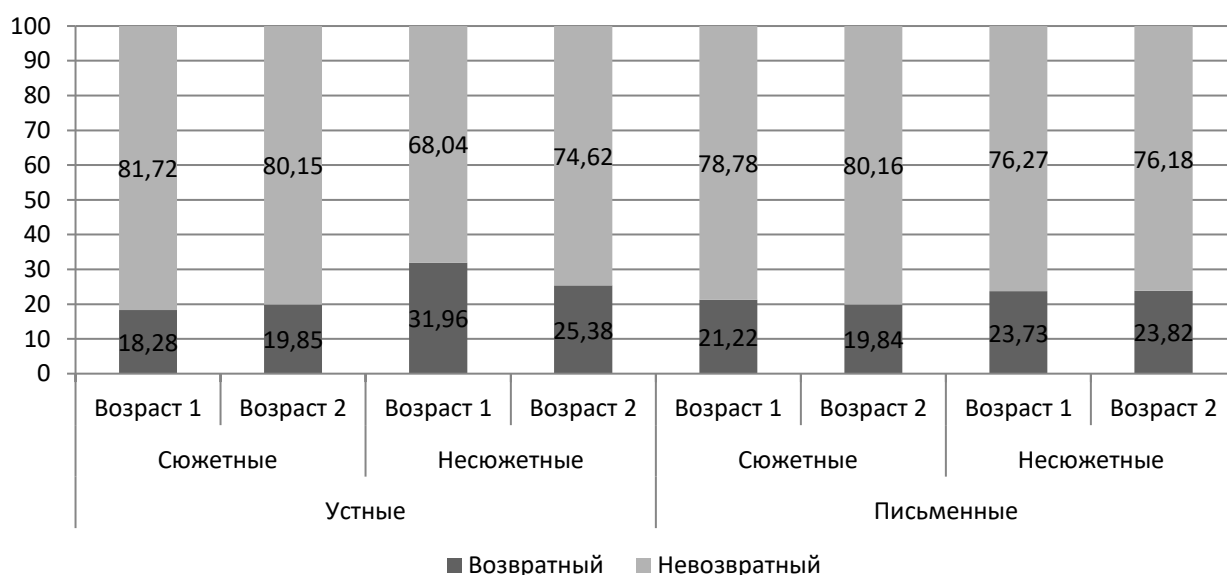

Рисунок 48. Распределение частот возвратных и невозвратных глаголов в разных типах текстов в зависимости от фактора «возраст», %

В трех из четырех типах текста (кроме письменных сюжетных) наблюдается стабильная закономерность в употреблении переходных глаголов информантами разных возрастных групп: младшие информанты используют больше переходных глаголов, чем старшие. Однако разница в частотах переходных глаголов во всех случаях, кроме письменных несюжетных текстов, невелика (не превышает 4%).

На рисунке 48 видно, что наибольшая разница в употреблении возвратных глаголов в речи информантов первой и второй возрастных групп наблюдается в устных несюжетных текстах (6,6%). В остальных случаях разница в употреблении возвратных и невозвратных глаголов в текстах информантов старшей и младшей возрастных групп минимальна (не более 1,5%).

Таким образом, фактор «возраст» влияет на распределение частот возвратных форм только в устных несюжетных текстах.

Словоизменительные категории в разных типах текстов в зависимости от фактора «возраст»

Проанализируем данные о частоте реализации словоизменительных категорий в зависимости от их использования в разных типах текста и от фактора «возраст» (см. рис. 49–54).

Разница в частоте употреблении форм залога наблюдается во всех текстах, кроме письменных несюжетных, однако она невелика и составляет 3–3,5%. В этих случаях информанты первой возрастной группы употребляют больше форм страдательного залога, чем информанты второй возрастной группы (см. рис. 49).

Данные об использовании форм наклонения (см. рис. 50), показывают, что повелительное и сослагательное наклонения вообще не используются в устных сюжетных текстах информантами второй возрастной группы, в устных несюжетных текстах – информантами обеих возрастных групп; повелительное наклонение также не употреблялось в письменных сюжетных текстах информантами первой возрастной группы. Только в письменных несюжетных текстах представители обеих возрастных групп употребляют все три наклонения.

Наибольшая разница в частоте использовании сослагательных форм глагола информантами разных возрастных групп отмечается в письменных несюжетных текстах: младшая группа информантов употребляет их более чем в два раза чаще, чем старшая (на фоне низких частот данного грамматического значения разница более чем в 1% кажется весьма важной).

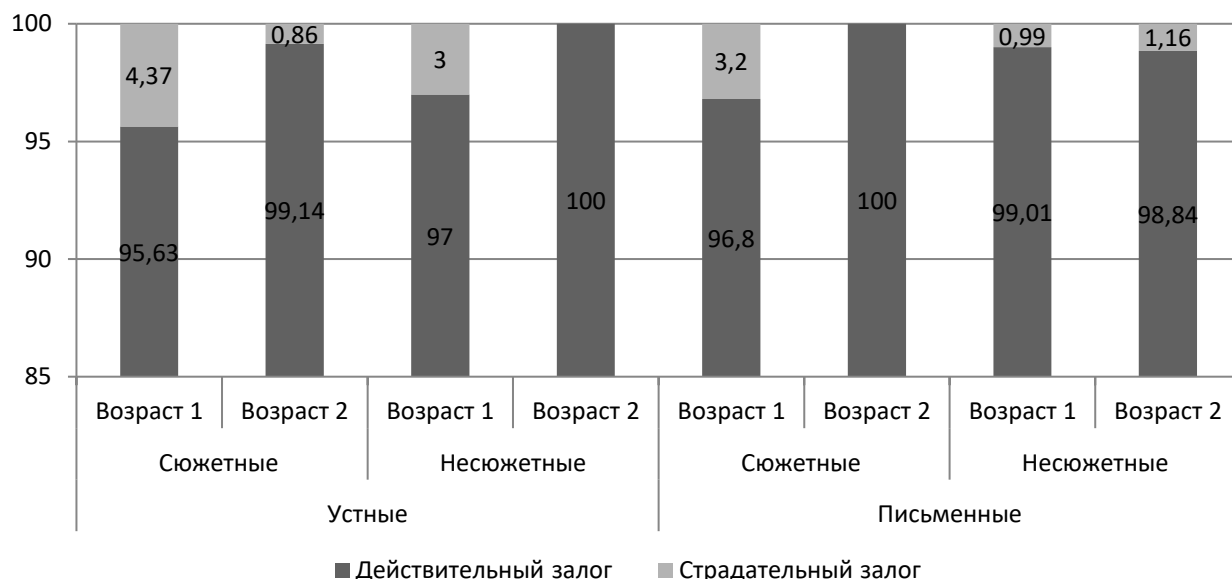

Рисунок 49. Распределение частот форм залога в разных типах текстов в зависимости от фактора «возраст», %

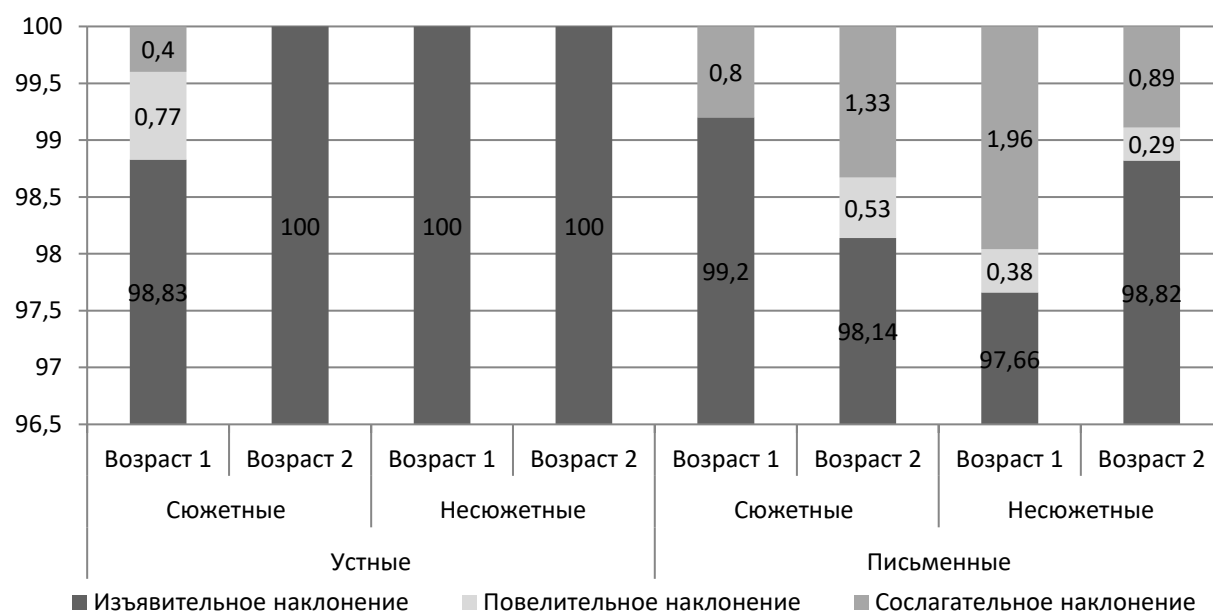

Рисунок 50. Распределение частот форм наклонения в разных типах текстов в зависимости от фактора «возраст», %

Частоты форм повелительного наклонения в речи разных возрастных групп отличают устные сюжетные тексты (максимальны в речи первой группы и отсутствуют у второй) и письменные сюжетные тексты (отсутствуют у первой группы и встречаются с заметной частотой во второй).

Таким образом, распределения частот форм наклонений в разных типах текста в целом показывают, что между возрастными группами не наблюдается разницы только в устных несюжетных текстах, а наибольшая разница, по-видимому, может быть зафиксирована для устных сюжетных текстов, в которых представители старшей возрастной группы используют только изъявительное наклонение, а информанты младшей возрастной группы – все три наклонения.

Рисунок 51 показывает, что из всех рассмотренных четырех типов текста разница в употреблении форм времени информантами первой и второй возрастных групп наблюдается в устных сюжетных и несюжетных текстах, в которых частотность форм прошедшего времени у старшей возрастной группы (52% в сюжетных и 42,85% в несюжетных) значительно больше, чем у младшей (40% и 31% соответственно); а также в письменных несюжетных текстах, в которых наблюдается обратная тенденция: информанты младшей возрастной группы употребляют значительно больше глаголов в прошедшем времени по сравнению с информантами второй группы (разница 41%). В письменных сюжетных текстах разница использования глаголов в прошедшем времени отсутствует.

Формы будущего времени крайне малочисленны, но чаще всего используются старшими информантами в письменных несюжетных текстах (11,83%). Кроме письменных несюжетных текстов, разница в использовании форм будущего времени младшими и старшими информантами отмечается также в устных сюжетных и несюжетных текстах, однако она минимальна.

Соответственно, формы настоящего времени чаще употребляются информантами первой возрастной группы, нежели второй, в устных сюжетных и несюжетных текстах, и реже – в письменных несюжетных текстах.

С точки зрения общего вида распределений частот форм времени наиболее отличаются друг от друга в зависимости от фактора «возраст» письменные несюжетные тексты.

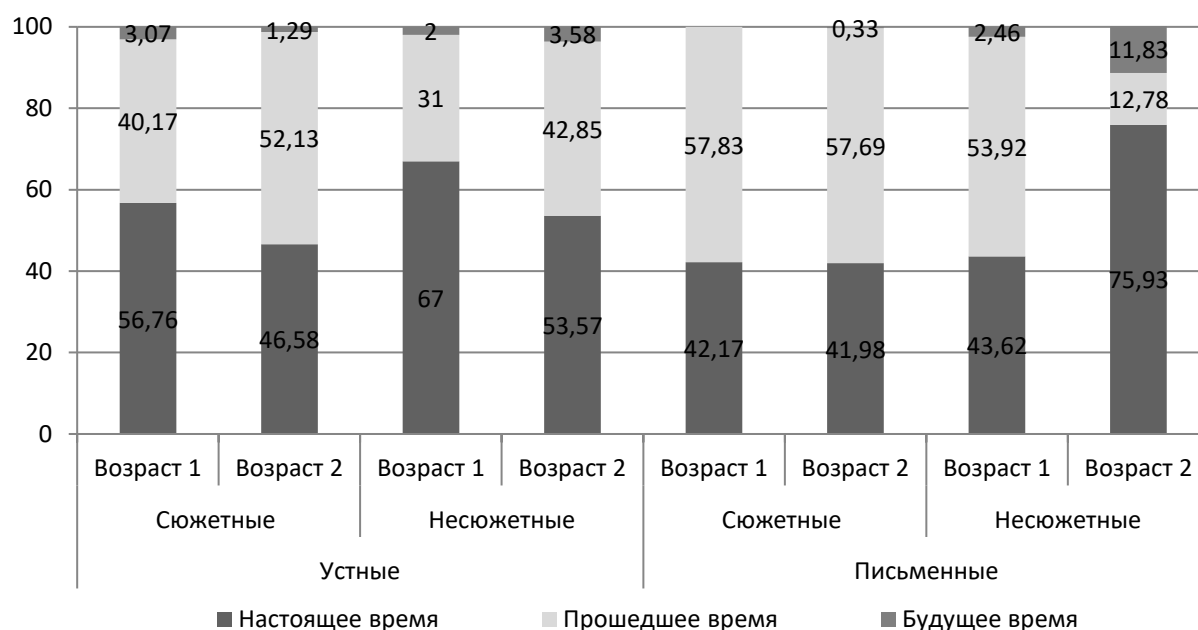

Рисунок 51. Распределение частот форм времени в разных типах текстов в зависимости от фактора «возраст», %

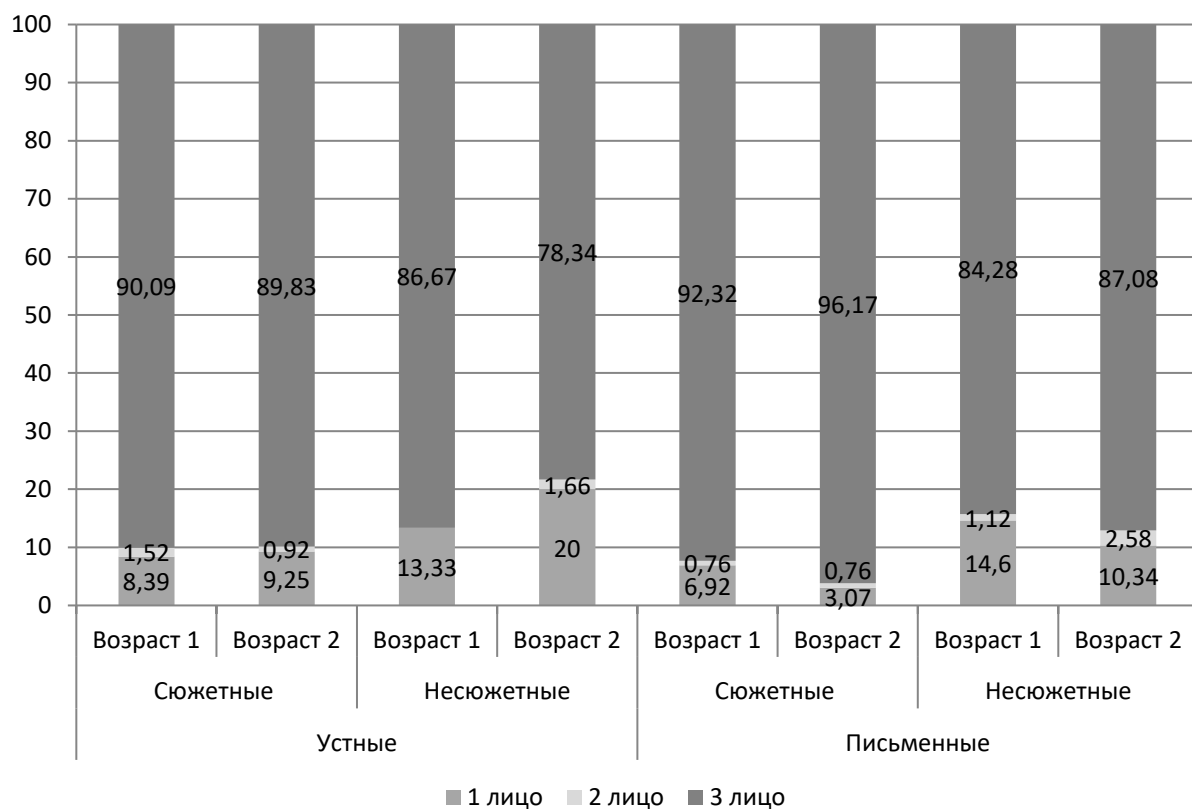

Рисунок 52. Распределение частот значений форм лица в разных типах текстов в зависимости от фактора «возраст», %

На рисунке 52 видно, что в устных несюжетных текстах информанты старшей возрастной группы используют 1 лицо глаголов чаще, чем информанты младшей возрастной группы (разница составляет 6,7%), а в письменных несюжетных текстах наоборот: информанты первой возрастной группы употребляет форму 1 лица немного чаще, чем информанты второй (разница – 4,3%). Что касается употребления форм 2 лица, в письменных несюжетных текстах информантами второй возрастной группы их использовано больше всего (2,58%), а в устных несюжетных текстах информантами второй возрастной группы они вообще не употребляются.

В целом распределения частот временных форм больше всего различаются в речи разных возрастных групп информантов в устных несюжетных текстах.

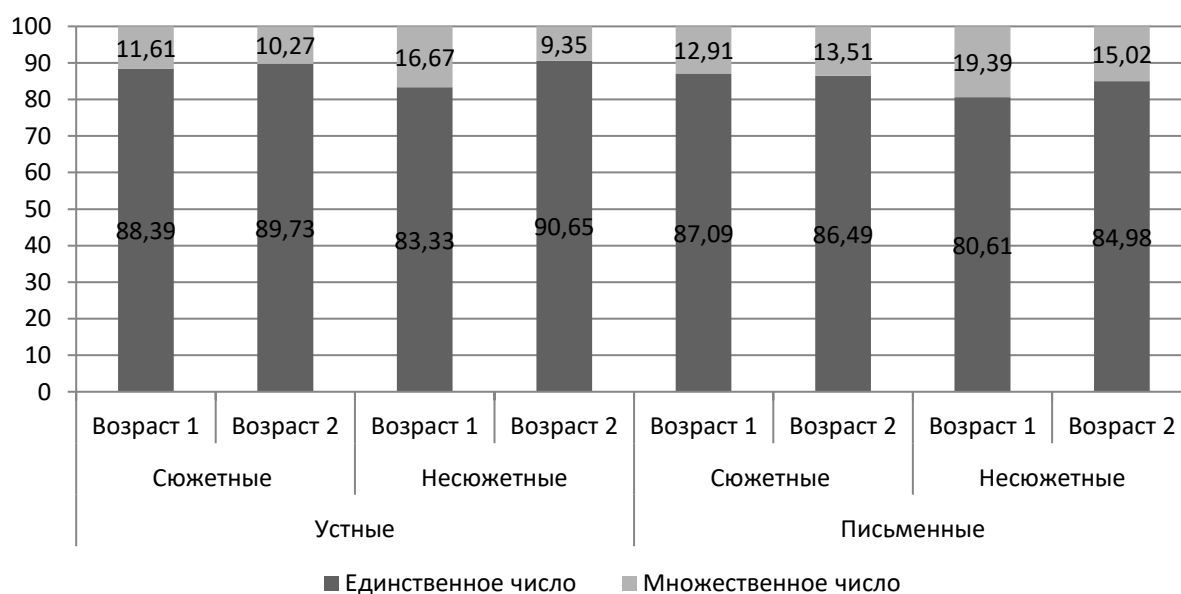

Рисунок 53. Распределение частот форм числа в разных типах текстов в зависимости от фактора «возраст», %

Что касается распределения форм числа в зависимости от типа текста и возраста его автора, то почти во всех типах текстов (кроме письменных сюжетных) информанты первой возрастной группы используют множественное число несколько чаще, чем информанты старшей возрастной группы (см. рис. 53). Максимальная разница в частотах использования форм множественного числа между возрастными группами наблюдается в устных несюжетных

текстах (примерно 7%), в письменных несюжетных текстах разница также заметна (примерно 4%). В остальных типах существенной разницы в использовании форм множественного числа в текстах разных возрастных групп не наблюдается.

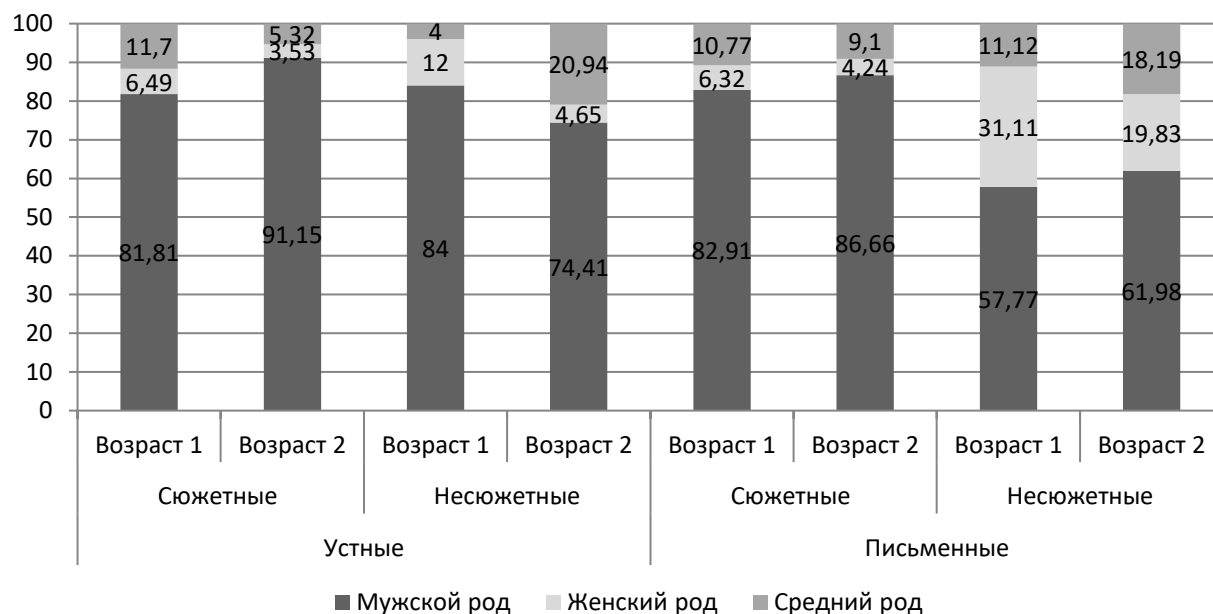

Рисунок 54. Распределение частот форм рода в разных типах текстов в зависимости от фактора «возраст», %

На рисунке 54 видно, что во всех рассмотренных типах текстов формы женского рода чаще используются информантами первой возрастной группы, чем информантами второй возрастной группы: наибольшая разница наблюдается в письменных несюжетных (11,3%) и устных несюжетных (7,3%) текстах, в остальных случаях разница составляет не более 3%. Формы среднего рода в сюжетных текстах (устных и письменных) чаще употребляются информантами более младшего возраста, в то время как в несюжетных текстах (устных и письменных) – информантами более старшего возраста. Разница в употреблении среднего рода в устных несюжетных текстах между информантами разных возрастных групп составляет более 16%.

Таким образом, при анализе частотности значений категорий глагола в четырех типах текстов наблюдается взаимодействие типа и фактора «возраст». Представим в таблице 18 те категории глагола, на которые заметно влияет фактор «возраст» в разных типах текста.

**Влияние фактора «возраст» на частоту значений глагольных категорий
в разных типах текста**

Категория	Устные		Письменные	
	Сюжетные	Несюжетные	Сюжетные	Несюжетные
ВИД	+			
ПЕРЕХОДНОСТЬ				
ВОЗВРАТНОСТЬ		+		
ЗАЛОГ	+	+	+	
НАКЛОНЕНИЕ	+		+	+
ВРЕМЯ	+	+		+
ЛИЦО		+		
ЧИСЛО		+		
РОД	+	+		+

Таблица показывает, что в устных текстах чаще наблюдается влияние фактора «возраст» на употребление значений глагольных категорий; в устных несюжетных текстах влияние фактора «возраст» максимально. Чаще всего фактор «возраст» оказывал влияние на использование значений категорий залога, наклонения, времени и рода, т. е. на реализацию словоизменительных категорий. Фактор «возраст» практически не повлиял на реализацию значений категории переходности; влияние на категории вида, возвратности, числа и лица отмечено только в одном из типов текста.

3.4.3. Вариативность частот грамматических значений глагола в зависимости от фактора «образование»

На рисунке 55 представлена зависимость частот значений грамматических категорий глагола в зависимости от фактора «образование» в совокупности всех текстов.

Как видим, фактор «образование» не оказывает заметного влияния на частоты таких грамматических категории, как переходность, возвратность, залог, наклонение и лицо. В то же время речь информантов со средним уровнем образования содержит меньше глаголов СВ и, соответственно, больше глаголов НСВ, чем речь информантов с высшим образованием (разница 7,15%). Наибольшая разница в частотах значений у людей со средним и высшим образованием наблюдается для категории времени: информанты со средним уровнем

нем чаще, чем информанты с высшим, используют в своей речи глаголы прошедшего времени (разница почти 11%); информанты с высшим образованием, наоборот, чаще чем информанты с средним, употребляют глаголы настоящего времени (разница 11,4%); в частотах форм будущего времени в речи информантов разных уровней образования разница минимальна. Формы множественного числа чаще встречаются в речи людей с высшим образованием, чем в речи информантов со средним (разница 6,1%). Формы мужского рода частотнее в речи лиц со средним образованием (разница с частотами форм мужского рода у людей со средним образованием 10,8%); формы женского и среднего рода, напротив, частотнее в речи людей с высшим образованием (разница с частотами соответствующих форм у людей со средним образованием в обоих случаях более 5%).

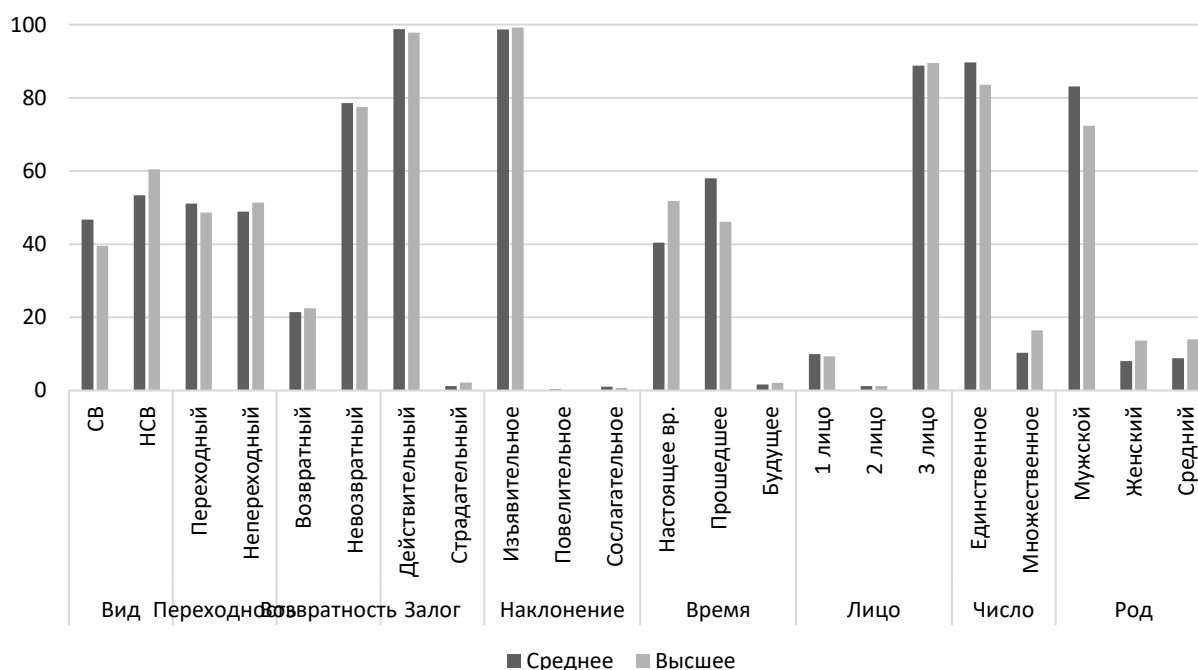

Рисунок 55. Глагольные профили текстов в зависимости от фактора «образование», %

Таким образом, наблюдается изменение частот значений вида и нескольких словообразовательных категорий в текстах под действие фактора «образование».

Рассмотрим частоты реализации грамматических значений глагола при сочетании разных типов текста и фактора «образование».

Категория вида в разных типах текстов в зависимости от фактора «образование»

Рисунок 56 показывает, что в устных сюжетных и несюжетных текстах и письменных сюжетных текстах информанты со средним образованием употребляют больше глаголов СВ, чем информанты с высшим образованием, при этом разница в частотах в устных текстах составляет 8–9%, а в письменных – 15,5%). Однако в письменных несюжетных текстах глаголов СВ у информантов со средним образованием меньше, чем у информантов с высшим (разница – 5,9%). Таким образом, полученные результаты показывают различия в использовании вида глагола в зависимости от сочетания типа текста и фактора «образование».

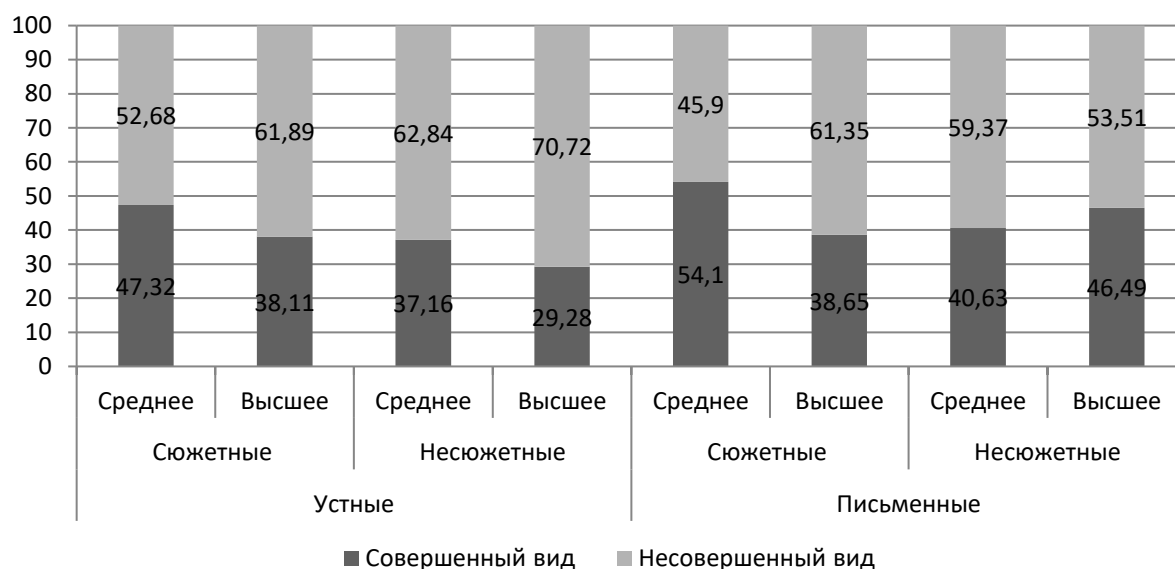

Рисунок 56. Распределение частот видовых значений глагола в разных типах текста в зависимости от фактора «образование», %

Классифицирующие категории в разных типах текстов в зависимости от фактора «образование»

Рассмотрим частотность использования значений классифицирующих категорий глагола в разных типах текстов в зависимости от фактора «образование» (см. рис. 57, 58).

Анализ рисунка 57 демонстрирует, что наибольшая разница в частотности переходных глаголов наблюдается между информантами со средним и высшим образованием в письменных несюжетных текстах, в которых информанты

со средним образованием используют чуть больше переходных глаголов (разница составляет 3,71%). Во всех остальных типах текстов разница в употреблении еще меньше. Таким образом, практически не наблюдается влияние фактора «образование» на использование категории переходности в текстах разных типов.

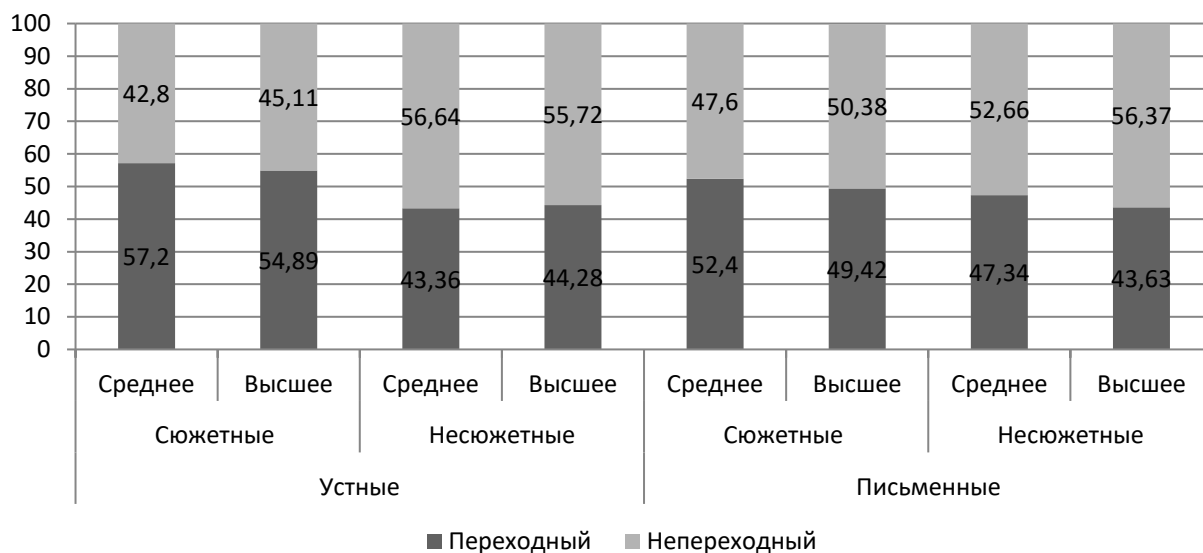

Рисунок 57. Распределение частот переходных и непереходных глаголов в разных типах текстов в зависимости от фактора «образование», %

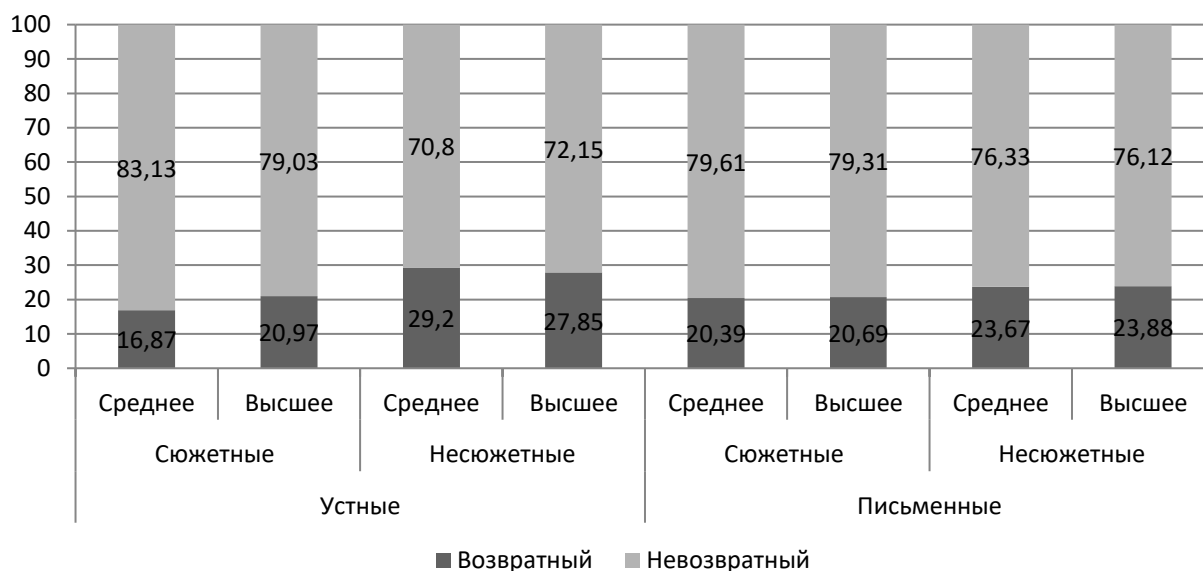

Рисунок 58. Распределение частот возвратных и невозвратных глаголов в разных типах текстов в зависимости от фактора «образование», %

На рисунке 58 можно видеть, что наибольшая разница в употреблении возвратных форм информантами со средним и высшим образованием наблюдается в устных сюжетных текстах (4,1%). В остальных типах текста разница

в употреблении возвратных и невозвратных форм информантами с разным уровнем образования – 1% и менее.

Таким образом, фактор «образование» практически не влияет на распределение частот значений классифицирующих категорий глагола.

Словоизменительные категории в разных типах текстов в зависимости от фактора «образование»

Проанализируем данные о частоте реализации словоизменительных категорий в зависимости от их использования в разных типах текста и фактора «образование» (см. рис. 59–64).

При довольно низких частотах реализации в текстах страдательного залога, наибольшая разница в употреблении страдательного залога информантами разных уровней образования фиксируется в письменных сюжетных текстах (разница 2,3%), а также в устных несюжетных текстах (разница 1,25%); стоит отметить, что в первом случае информанты с высшим образованием используют страдательный залог в 7,5 (!) раз чаще, чем информанты со средним образованием, а во втором – у лиц со средним образованием отмечается в 2,5 раза больше форм страдательного залога, чем у информантов с высшим образованием. В остальных случаях разница в употреблении залоговых форм не столь велика или отсутствует (см. рис. 59).

Данные об использовании значений наклонения (см. рис. 60) показывают, что устные сюжетные тексты информантов с высшим образованием и устные несюжетные тексты информантов со средним образованием содержат только изъявительное наклонение. В устных сюжетных и несюжетных текстах всех информантов, а также в письменных сюжетных текстах информантов с высшим образованием вообще не используется повелительное наклонение; самый высокий процент употребления повелительного наклонения (0,56%) можно наблюдать в письменных сюжетных текстах у информантов со средним образованием, в то время как в этом же типе текстов у информантов с высшим образованием повелительное наклонение отсутствует.

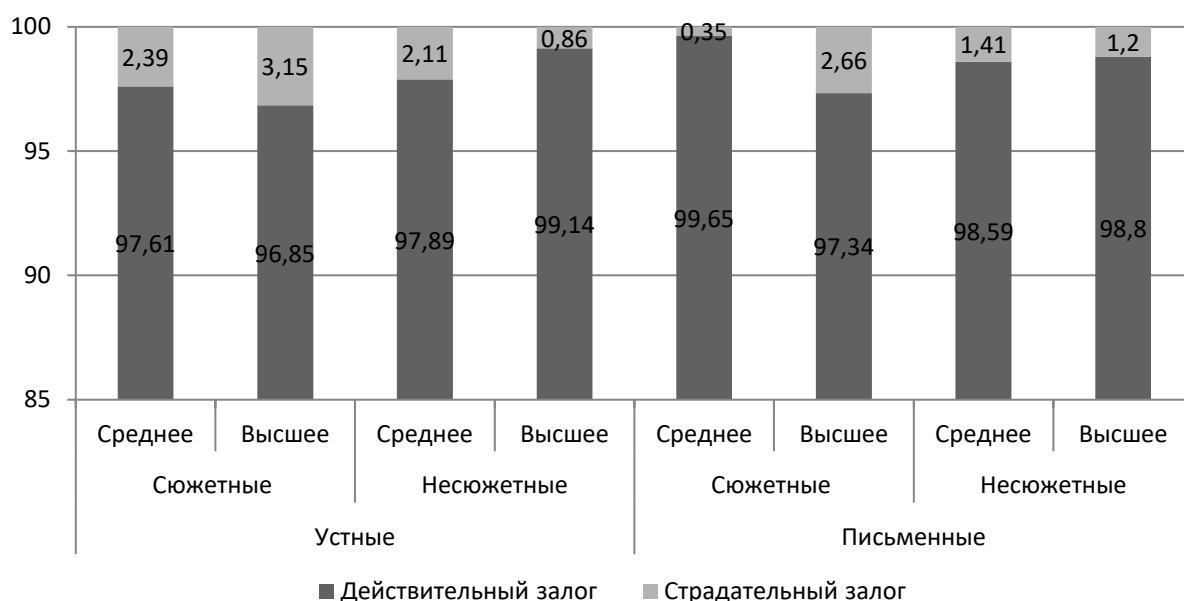

Рисунок 59. Распределение частот форм залога в разных типах текстов в зависимости от фактора «образование», %

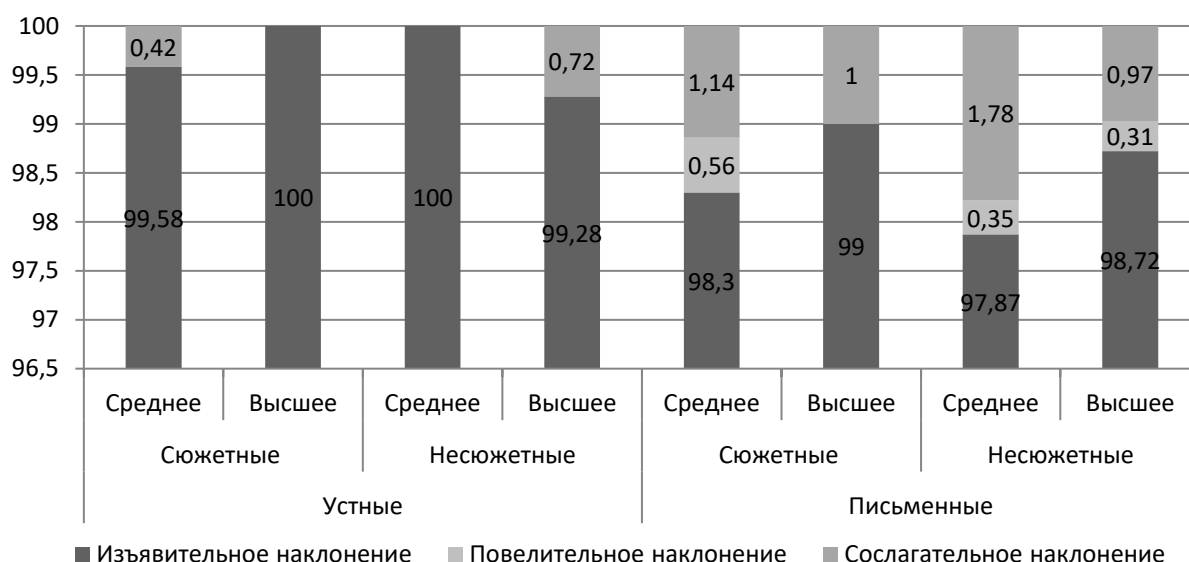

Рисунок 60. Распределение частот форм наклонения в разных типах текстов в зависимости от фактора «образование», %

В целом употребление форм наклонения не показывает большой разницы в частотах, кроме указанного отсутствия форм сослагательного и повелительного наклонения в отдельных случаях. С этой точки зрения можно отметить, что наименьшая разница между текстами информантов с разным уровнем образования наблюдается для письменных сюжетных текстов, где у лиц со средним и высшим образованием отмечаются все три формы наклонения.

Рисунок 61 показывает, что из всех рассмотренных четырех типов текстов значительная разница в употреблении форм времени между информантами с разными уровнями образования не наблюдается только в письменных несюжетных текстах.

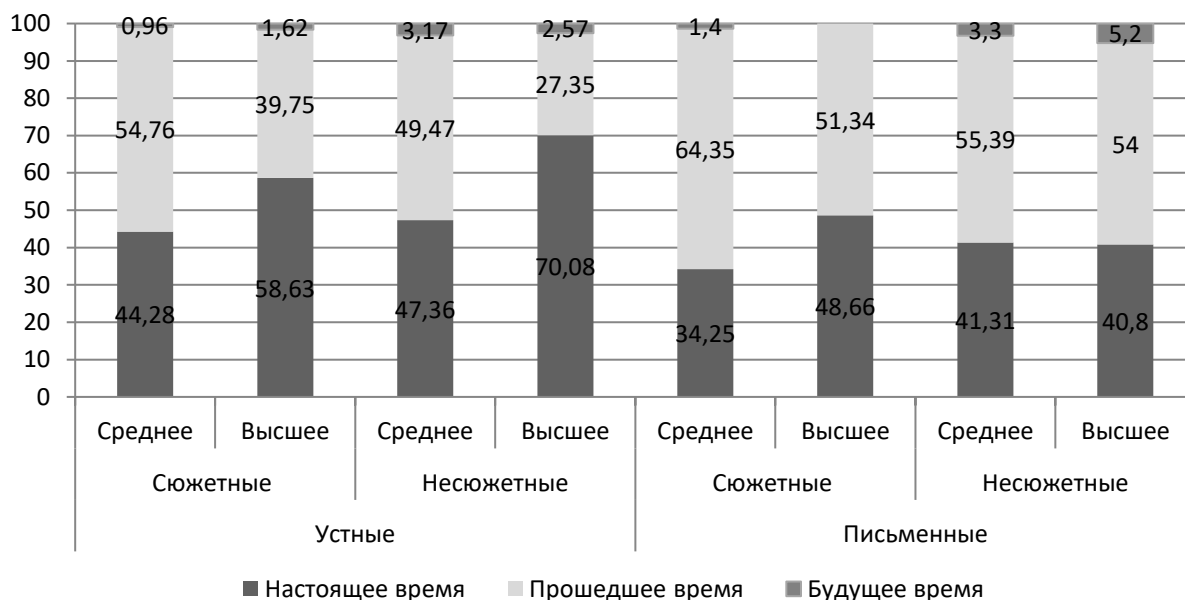

Рисунок 61. Распределение частот временных форм в разных типах текстов в зависимости от фактора «образование», %

Самая большая разница в употреблении прошедшего и настоящего времени глаголов в текстах людей со средним и высшим образованием фиксируется в устных несюжетных текстах (примерно 22%): у информантов со средним образованием больше форм прошедшего времени, чем у информантов с высшим образованием, и наоборот, у информантов с высшим образованием больше форм настоящего времени. В устных и письменных сюжетных текстах формы прошедшего времени также чаще встречаются в речи людей со средним образованием, а настоящего – в речи людей с высшим образованием, однако разница в частотах в данном случае ниже – 13–15%.

Во всех типах текста, кроме письменных сюжетных) наблюдается небольшое количество форм будущего времени. Чаще всего они используются в письменных несюжетных текстах информантов с высшим образованием (5,2%); разница в использовании форм будущего времени между обоими уровнями образования в данном типе текстов также самая высокая – 1,9%.

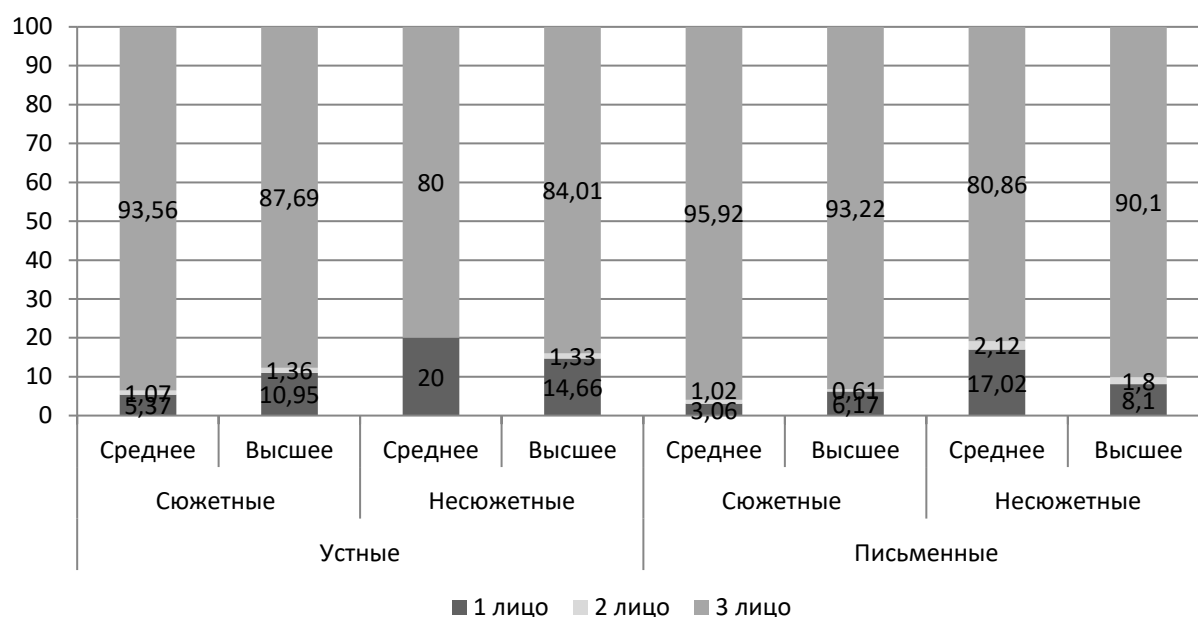

Рисунок 62. Распределение частот форм лица в разных типах текстов в зависимости от фактора «образование», %

На рисунке 62 показано, что в сюжетных (устных и письменных) текстах информантов с высшим образованием формы 1 лица глаголов используются немного чаще, чем в текстах информантов со средним образованием (разница 3–5%). В то же время в несюжетных (устных и письменных) текстах ситуация обратная: информанты со средним образованием употребляют глаголы в 1 лице чаще, при этом самая большая разница в употреблении 1 лица информантами со средним и высшим образованием наблюдается в письменных несюжетных текстах (9%). Форм 2 лица используются в устных текстах чаще информантами с высшим образованием, а в письменных текстах – лицами со средним образованием, однако разница в частотах совсем маленькая; в устных несюжетных текстах в речи лиц со средним образованием глаголы 2 лица не используются. Таким образом, фактор «образование» оказывает наибольшее влияние на употребление категории лица глаголов в письменных и устных несюжетных текстах.

Только в устных несюжетных текстах информанты со средним образованием используют множественное число немного чаще, чем информанты с высшим образованием, во всех остальных случаях ситуация обратная (см. рис. 63). Наибольшая разница в использовании множественно числа в текстах

информантов с высшим и средним образованием отмечается в устных сюжетных текстах (9,6%); также довольно заметная разница в частотах множественного числа фиксируется в письменных сюжетных текстах (7,8%).

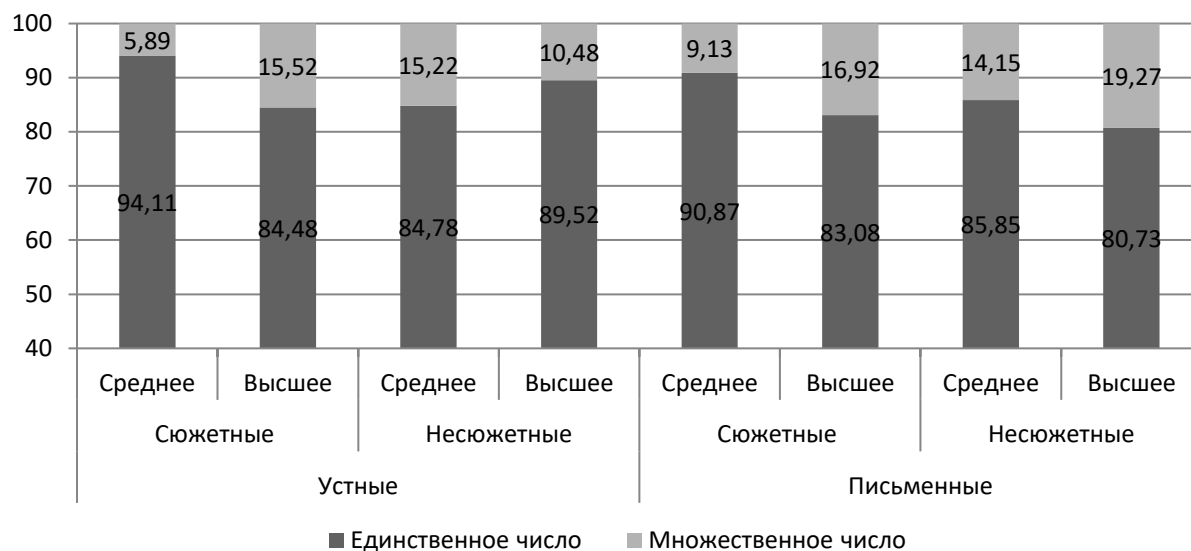

Рисунок 63. Распределение частот форм числа в разных типах текстов в зависимости от фактора «образование», %

На рисунке 64 показано, что почти во всех рассмотренных типах текста (кроме устного несюжетного) формы женского рода чаще используются информантами с высшим образованием, чем со средним; наибольшая разница в частотах наблюдается в устных сюжетных текстах (6,3%), в остальных случаях разница составляет примерно 0,3–4,2%. Формы среднего рода в устных сюжетных и в письменных несюжетных текстах чаще употребляются информантами с высшим образованием, чем со средним, в остальных типах текста ситуация обратная. В устных несюжетных текстах информантов со средним образованием наблюдается самое большое количество форм среднего рода (22,5%), и самая большая разница в употреблении между лицами разного уровня образования – 18,9%.

В целом фактор «образование» сильнее всего влияет на распределения частот форм рода в устных сюжетных и несюжетных текстах, а меньше всего – в письменных сюжетных текстах.

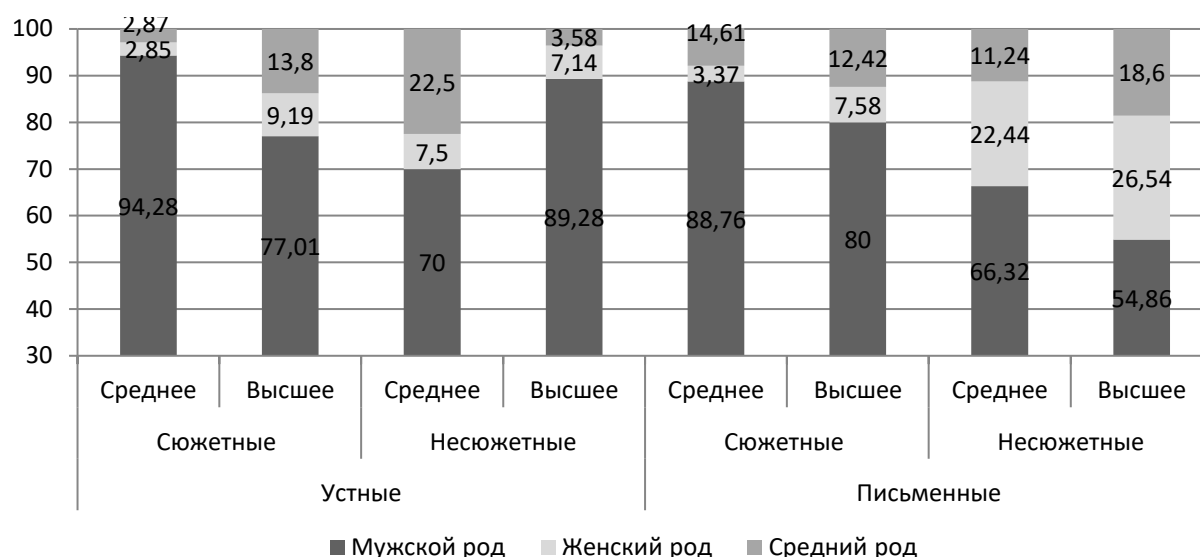

Рисунок 64. Распределение частот форм рода в разных типах текстов в зависимости от фактора «образование», %

Представим в таблице 19 те категории глагола, на частоты значений которых в разных типах текста воздействует фактор «образование».

Таблица 19

Влияние фактора «образование» на частоту значений глагольных категорий в разных типах текста

Категория	Устные		Письменные	
	Сюжетные	Несюжетные	Сюжетные	Несюжетные
ВИД	+	+	+	+
ПЕРЕХОДНОСТЬ				
ВОЗВРАТНОСТЬ				
ЗАЛОГ			+	
НАКЛОНЕНИЕ				
ВРЕМЯ	+	+	+	
ЛИЦО	+	+		+
ЧИСЛО	+		+	+
РОД	+	+	+	+

Таблица 19 демонстрирует, что в сюжетных текстах (как письменных, так и устных) немного чаще наблюдается влияние фактора «образование» на употребление значений глагольных категорий. Во всех рассмотренных типах текста фактор «образование» больше всего повлиял на использование значений категорий вида, рода, времени, лица и числа и не повлиял вообще на категории переходности и наклонения.

3.5. Статистический анализ различий между глагольными профилями текстов в зависимости от текстовых и социальных факторов варьирования

3.5.1. Методика анализа статистически значимых различий между глагольными профилями

Для статистической обработки данных была сформирована таблица, содержащая данные о всех 96 текстах. Столбцы в таблице представляли данные о каждом отдельном тексте, включая социальные параметры автора текста, форму и вид текста. Таким образом, для каждого текста были зафиксированы комбинации пяти бинарных признаков: трех социальных (пола, возраста, уровня образования) и двух текстовых (вида текста и формы представления). В ячейках таблицы располагались относительные частоты (от общего количества глаголов в тексте) грамматических значений глаголов в данном тексте (таблица представлена в Приложении). На основе этой таблицы данных производился дальнейший статистический анализ, который реализовался с помощью языка и библиотек Python¹⁴.

Распределения частот многих грамматических значений связаны (например, частотность СВ связана с частотностью НСВ), поэтому на первом этапе статистической обработки данных осуществлялась проверка данных на мультиколлинеарность – линейную зависимость одного статистического параметра от других. Мультиколлинеарность вносит зашумленность в данные, при которой зависимости между параметрами могут быть искажены [Kutner, Nachtsheim, Neter, 2003]. Для устранения мультиколлинеарности реализованных грамматических значений рассчитывался показатель VIF (Variance Inflation Factor) и последовательно исключались коррелирующие значения (из двух коррелирующих значений исключался немаркированный компонент). После исключения данных о частотах грамматического значения вновь рассчитывался показатель VIF. Процедура осуществлялась до тех пор, пока каждый

¹⁴ Алгоритмы статистического анализа выполнены с помощью языка и библиотек Python профессором кафедры теоретического и прикладного языкознания ПГНИУ К. И. Белоусовым, которого мы благодарим за помощь в исследовании.

показатель не стал меньше 5. В результате из исходных 28 грамматических значений для дальнейшего анализа было отобрано 13 (см. таблицу 20). Дальнейшие статистические расчеты проводились для отобранных грамматических значений.

Таблица 20

**Список грамматических значений
после устранения мультиколлинеарности**

Грамматическое значение	VIF	Грамматическое значение	VIF
Совершенный вид	3.512466	1 лицо	1.206878
Переходный	1.775220	2 лицо	1.483245
Возвратный	1.783565	Единственное число	2.436230
Пассивный залог	1.300737	Множественное число	1.782437
Повелительное наклонение	1.200130	Женский род	1.222482
Сослагательное наклонение	1.320912	Мужской род	3.378832
Будущее время	1.126888		

В качестве статистического критерия расхождения распределений был выбран критерий Манна-Уитни – непараметрический статистический критерий, используемый для сравнения двух независимых выборок по уровню какого-либо признака, измеренного количественно. С помощью данного критерия сначала рассчитывалось влияние отдельных параметров (формы текста, вида текста; пола, возраста, образования) на частоту реализации грамматических значений глаголов, затем сочетаний двух параметров (например: формы и вида текста; вида текста и пола информанта и т. п.), затем трех параметров (например: формы текста, вида текста и пола информанта; формы текста, возраста и образования информанта и т. п.). Поскольку процедура предполагала множественные сравнения¹⁵, использовалась поправка Холма. Статистическая разница между распределениями признака принималась при $p < 0,01$ (с поправкой Холма).

¹⁵ Множественными сравнениями называется такая процедура, при которой из одного и того же набора данных извлекается много выборок и выполняется проверка большого числа гипотез. Увеличение числа проверяемых гипотез ведет к нарастанию ошибок, в связи с чем применяются различные статистические поправки, в частности поправка Холма.

При формировании комбинаций параметров применялись следующие принципы.

1. Для каждого набора параметров были сгенерированы все возможные сочетания значений, которые впоследствии использовались для анализа влияния различных факторов на частоту реализации грамматических значений глагола. Всего было получено 40 различных комбинаций из двух параметров и 80 комбинаций из трех параметров.

2. Для каждой комбинации параметров (сочетание двух или трех характеристик) формировалась таблица данных, полученная путем фильтрации исходной таблицы данных по заданным параметрам. В результате фильтрации были получены выборки данных, представляющие собой распределения частот грамматических значений глагола в определенной разновидности текстов, на основе которых производились статистические сравнения.

3. Статистические сравнения проводились для тех выборок, которые отличались значениями только одного бинарного параметра. Например, сравнивались выборки, единственным отличием которых было значение формы текста (устный и письменный) при других одинаковых параметрах – {устный текст, описательный текст, мужской род} vs {письменный текст, описательный текст, мужской род}; {устный текст, 1 возрастная группа, высшее образование} vs {письменный текст, 1 возрастная группа, высшее образование} и т. п. Таким образом, в ходе анализа не рассматривались выборки, различающиеся несколькими параметрами одновременно.

После автоматического формирования каждой пары выборок для них применялся тест Манна-Уитни, который оценивал различия в распределении частот грамматических значений глагола между двумя группами данных. В общей сложности было проанализировано 4 680 пар выборок. Если результат теста удовлетворял установленному статистическому критерию ($p < 0.01$), она возвращалась как значимая.

Таким образом, в результате статистического анализа устанавливались значимые различия между использованием отдельных грамматических категорий, влияющих на формирование глагольных профилей текстов.

3.5.2. Анализ статистических различий между глагольными профилями текстов в зависимости от отдельных факторов варьирования

Анализ влияния отдельных факторов на реализацию грамматических значений глагола показал, что существенное влияние обнаружено только в 9 случаях, при этом оба текстовые параметра – форма текста (устный/письменный) и вид текста (сюжетный/несюжетный) – оказали существенное влияние на распределения отдельных грамматических значений (см. табл. 21).

Таблица 21

Существенное влияние отдельных факторов на частотность грамматических значений глагола

Грамматическое значение	Фактор варьирования	U Statistic	p-value
Совершенный вид	форма текста	595.5	0.000
Переходный	форма текста	644.5	0.000
Возвратный	форма текста	670.5	0.000
Множественное число	форма текста	626.0	0.000
Единственное число	форма текста	688.0	0.001
Совершенный вид	вид текста	1606.0	0.001
Переходный	вид текста	1793.5	0.000
Единственное число	вид текста	1830.5	0.000
Мужской род	вид текста	1726.0	0.000

Как видим, форма текста оказывает существенное влияние на частоту реализации вида, переходности, возвратности и числа; вид текста оказывает существенное влияние на частоту реализации вида, переходности, числа и рода. Соответственно глагольные профили устных и письменных текстов можно представить в упрощенном виде, как показано на рисунках 65, 66. Несмотря на небольшие расхождения в частотах в некоторых случаях, именно представленные значения стабильно различают устные и письменные тексты и могут служить социолингвистическими маркерами (по У. Лабову) при их сравнении.

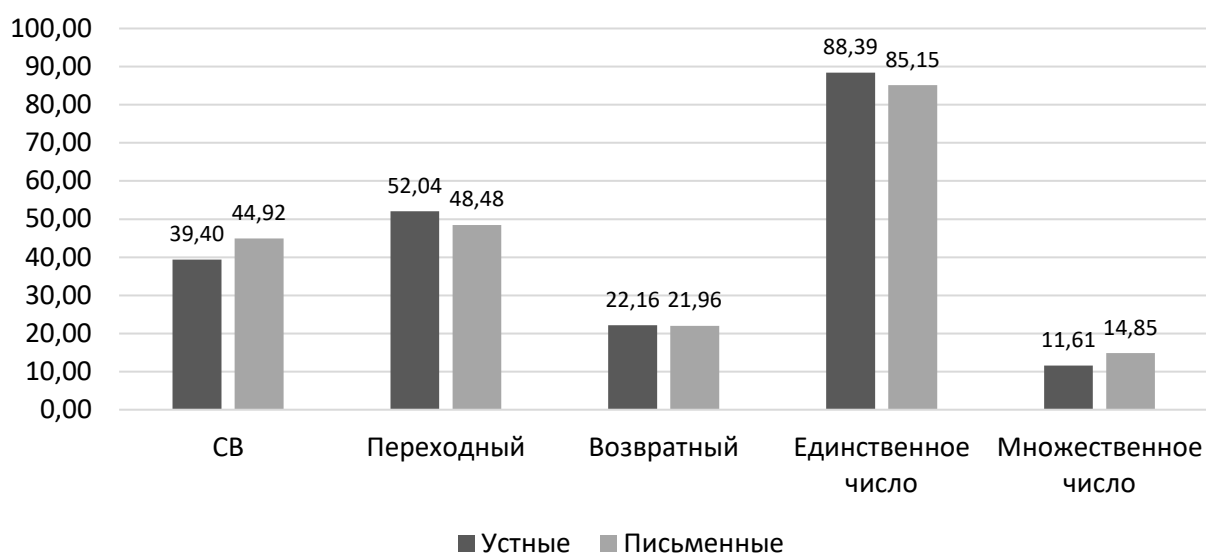

Рисунок 65. Глагольные профили устных и письменных текстов, %

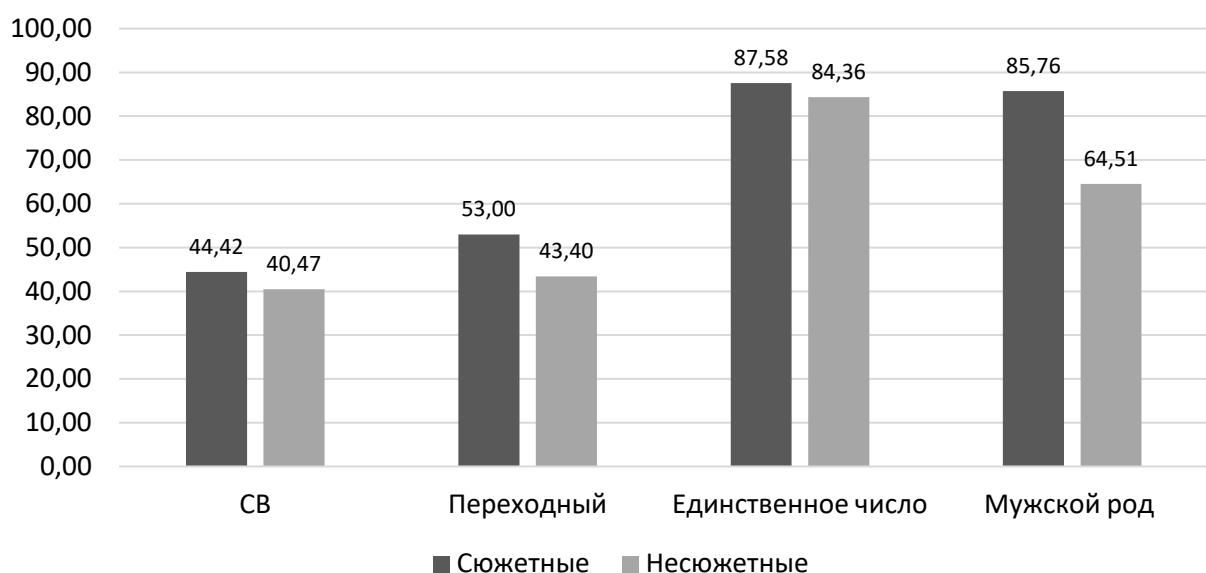

Рисунок 66. Глагольные профили сюжетных и несюжетных текстов, %

Из представленных данных на рисунке 67, можно понять, что именно сочетание двух параметров текста – формы и вида, т. е. тип текста, становится частым сочетанием двух- и трехфакторных комплектов при определении их существенного влияния на частоту грамматических значений глагола. Статистически значимые отличия обнаруживаются для разных типов текста у частот таких грамматических значений, как вид, переходность, число и род. Полученные данные свидетельствуют о том, что тип текста оказывается наиболее важным фактором вариативности глагольных профилей текста по сравнению с отдельно рассматриваемыми параметрами текста – его формой и видом.

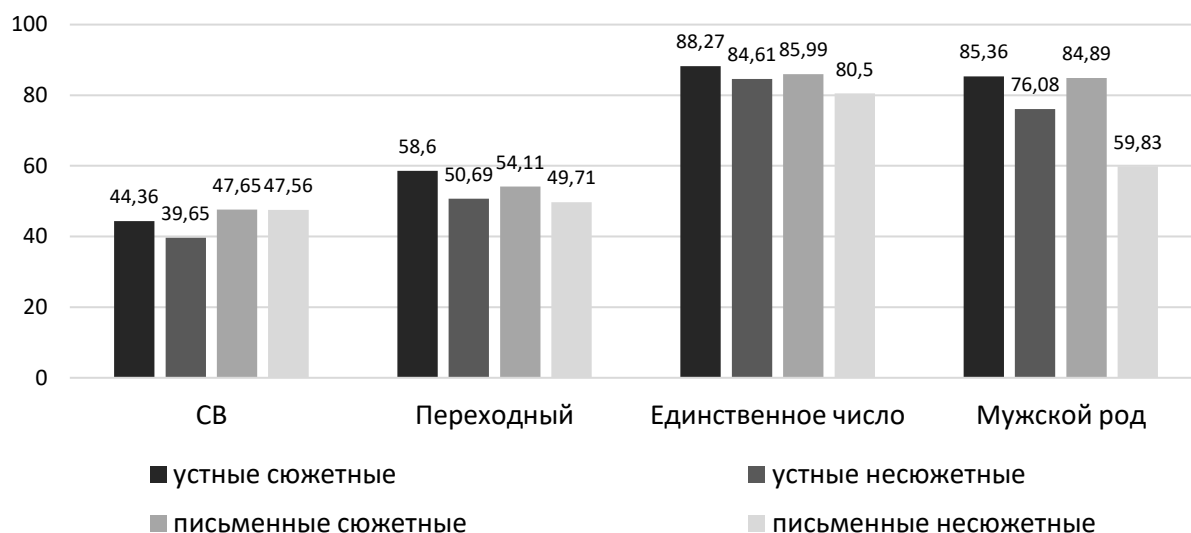

Рисунок 67. Глагольные профили разных типов текстов, %

3.5.3. Анализ статистических различий между глагольными профилями текстов в зависимости от сочетаний факторов варьирования

Анализ влияния на реализацию грамматических значений глагола двух-факторных сочетаний также показал, что при сочетании параметров во всех случаях участвуют собственно текстовые параметры (форма и вид текста), социальные параметры информантов оказывают существенное влияние на распределения грамматических значений только в сочетании с текстовыми (см. табл. 22). Всего обнаружено 20 случаев значимого влияния сочетания двух факторов.

Таблица 22 показывает, что чаще всего сочетания двух факторов оказывают значимое влияние на частоты грамматических значений в том случае, когда сочетаются форма и вид текста. Так, устные и письменные несюжетные тексты значимо различаются по частотности СВ и переходных глаголов; устные сюжетные и несюжетные тексты – по частотности переходных глаголов, множественного и единственного числа. Устные и письменные тексты отличаются у мужчин по частотности множественного числа, у информантов 1 возрастной группы – по частотности СВ, у информантов 2 возрастной группы – по частотности переходных глаголов и множественного числа, у информантов с высшим образованием – по частотности множественного числа. Сюжетные и несюжетные тексты отличаются у мужчин и женщин по частотности

переходных глаголов, у мужчин еще по частотности единственного числа, а у женщин – по частотности множественного числа. Кроме того, сюжетные и не-сюжетные тексты отличаются у информантов 1 возрастной группы по частотности переходных глаголов, единственного и множественного числа; у информантов со средним образованием – по частотности переходных глаголов и единственного числа, а у информантов с высшим образованием – по частотности множественного числа.

Таблица 22

**Существенное влияние сочетаний двух факторов
на частотность грамматических значений глагола**

Грамматическое значение	Факторы варьирования		U-statistic	p-value
	Комбинация 1	Комбинация 2		
Совершенный вид	устн_несюж	письм_несюж	115,0	0,000
Переходный	устн_несюж	письм_несюж	113,0	0,000
Переходный	устн_несюж	устн_сюж	67,0	0,000
Единственное число	устн_несюж	устн_сюж	44,5	0,000
Множественное число	устн_несюж	устн_сюж	106,5	0,000
Переходный	муж_несюж	муж_сюж	130,0	0,001
Переходный	жен_несюж	жен_сюж	126,5	0,001
Единственное число	муж_несюж	муж_сюж	97,0	0,000
Множественное число	жен_несюж	жен_сюж	122,0	0,001
Переходный	возр1_несюж	возр1_сюж	120,0	0,001
Единственное число	возр1_несюж	возр1_сюж	97,0	0,000
Множественное число	возр1_несюж	возр1_сюж	128,0	0,001
Переходный	сред_несюж	сред_сюж	119,0	0,000
Единственное число	сред_несюж	сред_сюж	101,0	0,000
Множественное число	высш_несюж	высш_сюж	135,5	0,001
Множественное число	муж_устн	муж_письм	129,5	0,001
Совершенный вид	возр1_устн	возр1_письм	127,0	0,001
Переходный	возр2_устн	возр2_письм	131,0	0,001
Множественное число	возр2_устн	возр2_письм	131,0	0,001
Множественное число	высш_устн	высш_письм	133,5	0,001

Таким образом, чаще всего образуются сочетания двух факторов с фактором «вид текста» (15 случаев из 20). Из грамматических значений глагола наиболее подверженными воздействию варьирования оказываются переходность и единственное число.

В таблице 23 показаны грамматические значения глагола, на которые оказывает существенное влияние сочетание трех факторов. Всего обнаружено 52 случая значимого влияния сочетания трех факторов.

Как показывает таблица 23, в сочетаниях трех факторов, которые влияют на распределение частот грамматических значений глагола, активно участвуют все факторы. Как и в случае рассмотрения одно- и двухфакторных зависимостей, наибольшую активность имеет фактор «вид текста»: противопоставление сюжетных и несюжетных текстов в сочетании с другими факторами встречается 27 раз из 52 случаев выявленного существенного различия между выборками. Фактор «форма текста» занимает второе место по активности – 15 случаев. Социальные параметры информантов лишь в 11 случаях являются факторами, по которым противопоставлены выборки со значимыми различиями в частотах, при этом лишь в двух случаях такие выборки сформированы только на основе социальных параметров информантов без участия текстовых факторов.

Чаще всего при сочетании трех факторов обнаруживается влияние на частотность переходных глаголов (14 случаев); также достаточно часто подвержены влиянию единственное число (10 случаев), множественное число (8 случаев), совершенный вид (7 случаев) и мужской род (7 случаев).

Таким образом, чаще всего на вариативность грамматического оформления глаголов в тексте, а следовательно, и на вариативность глагольных профилей разных текстов, влияют факторы «вид текста» и «форма текста», а также «тип текста» как сочетание двух рассмотренных текстовых параметров. Социальное варьирование текстов минимально и чаще всего связано с вариативностью вида или формы текста в речи отдельных социальных групп.

**Существенное влияние сочетаний трех факторов
на частотность грамматических значений глагола**

Грамматическое значение	Факторы варьирования		U-statistic	p-value
	Комбинация 1	Комбинация 2		
Совершенный вид	возр2 сред несюж	возр2 сред сюж	27.0	0.010
Переходный	возр1 устн несюж	возр1 устн сюж	18.0	0.002
Переходный	высш устн несюж	высш устн сюж	23.5	0.005
Переходный	сред устн несюж	сред устн сюж	10.0	0.000
Единственное число	муж устн несюж	муж устн сюж	11.0	0.000
Единственное число	возр1 устн несюж	возр1 устн сюж	11.0	0.000
Единственное число	возр2 устн несюж	возр2 устн сюж	9.0	0.000
Единственное число	высш устн несюж	высш устн сюж	14.5	0.001
Единственное число	сред устн несюж	сред устн сюж	09.5	0.000
Единственное число	жен устн несюж	жен устн сюж	14.0	0.001
Переходный	жен устн несюж	жен устн сюж	16.0	0.001
Переходный	возр2 устн несюж	возр2 устн сюж	15.5	0.001
Переходный	муж устн несюж	муж устн сюж	15.0	0.001
Мужской род	высш устн несюж	высш устн сюж	21.5	0.003
Совершенный вид	жен устн несюж	жен письм несюж	27.0	0.009
Совершенный вид	возр2 устн несюж	возр2 устн сюж	22.0	0.004
Мужской род	жен устн несюж	жен устн сюж	22.0	0.004
Мужской род	возр2 устн несюж	возр2 устн сюж	21.0	0.003
1 лицо	сред письм несюж	сред письм сюж	114.0	0.009
Единственное число	муж возр1 несюж	муж возр1 сюж	20.0	0.003
Переходный	жен возр1 несюж	жен возр1 сюж	22.0	0.004
Мужской род	жен возр1 несюж	жен возр1 сюж	21.5	0.003
Единственное число	муж высш несюж	муж высш сюж	25.0	0.007
Единственное число	муж сред несюж	муж сред сюж	23.5	0.005
Мужской род	жен высш несюж	жен высш сюж	25.5	0.007
Переходный	жен сред несюж	жен сред сюж	23.5	0.006
Единственное число	возр1 сред несюж	возр1 сред сюж	16.5	0.001
Мужской род	возр1 высш несюж	возр1 высш сюж	25.5	0.007
Совершенный вид	жен возр1 устн	жен возр1 письм	26.0	0.008
Совершенный вид	возр2 устн несюж	возр2 письм несюж	20.5	0.003
Совершенный вид	высш устн несюж	высш письм несюж	22.0	0.004
Переходный	муж устн несюж	муж письм несюж	23.5	0.005
Переходный	муж возр2 устн	муж возр2 письм	26.0	0.008
Переходный	муж сред устн	муж сред письм	26.5	0.009
Переходный	возр2 устн несюж	возр2 письм несюж	12.5	0.001
Переходный	возр2 сред устн	возр2 сред письм	24.5	0.006
Переходный	сред устн несюж	сред письм несюж	22.5	0.004
Возвратный	жен устн несюж	жен письм несюж	22.0	0.004
Возвратный	жен возр2 устн	жен возр2 письм	26.5	0.009
Множественное число	высш устн несюж	высш письм несюж	23.0	0.004
Женский род	высш устн несюж	высш письм несюж	30.0	0.007
Множественное число	муж возр2 устн	муж возр2 письм	27.0	0.007
Множественное число	муж устн сюж	муж письм сюж	27.0	0.009
Множественное число	жен высш сюж	жен сред сюж	120.5	0.005
Совершенный вид	жен возр2 сюж	муж возр2 сюж	117.5	0.009
Пассивный залог	возр1 высш сюж	возр2 высш сюж	114.0	0.003
Множественное число	возр1 высш сюж	возр1 сред сюж	125.0	0.002
Женский род	муж возр1 устн	муж возр2 устн	108.0	0.007
Множественное число	жен высш письм	жен сред письм	124.0	0.002
Множественное число	возр1 высш письм	возр1 сред письм	118.0	0.008
Множественное число	жен возр1 высш	жен возр1 сред	120.5	0.004
Мужской род	жен возр1 сред	жен возр2 сред	26.5	0.009

3.6. Выводы

Анализ распределений частот грамматических значений глаголов в текстах показал, что их вариативность зависит от глагольного профиля текста, т. е. от формы текста, вида текста, сочетания данных параметров, а также в некоторой степени от социальных параметров говорящих.

Полученные в результате частотного анализа сбалансированного корпуса текстов данные позволили сделать следующие выводы относительно каждого из изучаемых параметров текста.

Форма текста влияет на частоту употребления вида, переходности, времени и рода. При этом глаголов СВ больше в письменных текстах; переходные глаголы чаще отмечаются в устных текстах; формы настоящего времени чаще встречаются в устных текстах, а прошедшего и будущего – в письменных; частота форм мужского рода чаще отмечается в устных текстах, а женского – в письменных. Статистически значимые различия обнаруживаются для устных и письменных текстов для таких грамматических значений, как вид, переходность, возвратность и число. Таким образом, некоторые различия в частотах (для времени и рода), которые кажутся довольно большими, оказываются незначимыми статистически, в то время как небольшие различия в значениях (возвратности и числа) в силу их регулярности оказываются статистически значимыми.

Таким образом, глагольные профили устных и письменных текстов отличаются значениями вида, переходности, возвратности и числа.

Вид текста оказывает влияние на частотность таких категорий глагола, как переходность, время, лицо, число и род: переходные глаголы чаще встречаются при описании сюжетных изображений; глаголы в форме прошедшего времени преобладают в сюжетных текстах, а будущего времени – в несюжетных; большее количество форм 3 лица обнаруживается в сюжетных текстах; формы единственного числа чаще используются в сюжетных текстах, а множественного – в несюжетных; большинство глаголов в мужском роде отмеча-

ется в сюжетных текстах, а формы женского и среднего рода чаще используются в несюжетных текстах. Статистически значимые различия частот в сюжетных и несюжетных текстах при этом наблюдаются только для вида, переходности, числа и рода; расхождения в частотах форм времени и лица не являются существенными, в то время как не слишком очевидные различия по виду статистическими процедурами подтверждаются.

Таким образом, глагольные профили разного вида текстов различаются значениями вида, переходности, числа и рода.

Тип текста, т. е. сочетание факторов «форма текста» и «вид текста», влияет на частотность употребления грамматических значений большинства грамматических категорий глагола – вида, переходности, возвратности, времени, лица, числа и рода. Чаще всего глаголы СВ употребляются в письменных сюжетных текстах; переходные глаголы преобладают в устных сюжетных текстах; невозвратные формы – в устных несюжетных текстах; формы всех времен в письменных текстах разного вида отличаются незначительно, однако формы настоящего времени чаще реализуются в устных несюжетных текстах, а формы прошедшего – в устных сюжетных; формы 3 лица чаще всего используются в письменных сюжетных текстах, а формы 1 лица – в устных несюжетных текстах; множественное число чаще всего наблюдается в письменных несюжетных текстах; наибольшее количество форм мужского рода отмечается в устных сюжетных текстах, а женского рода – в письменных несюжетных.

Именно сочетание двух параметров текста – формы и вида, т. е. тип текста становится частым сочетанием двух- и трехфакторных комплектов при определении их существенного влияния на частоту грамматических значений глагола. Статистически значимые отличия обнаруживаются в разных типах текстов для таких грамматических значений, как вид, переходность, число и род.

Таким образом, глагольные профили разных типов текстов отличаются значениями вида, переходности, числа и рода. Полученные данные свидетель-

ствуют о том, что тип текста оказывается наиболее важным фактором вариативности глагольных профилей текста по сравнению с отдельно рассматриваемыми параметрами текста – его формой и видом.

Социолингвистические факторы. Хотя в текстах обнаруживается вариативность частот грамматических значений глагола в зависимости от социальных параметров говорящих, существенное влияние социальных факторов не было доказано статистически, когда факторы рассматривались отдельно.

В то же время совместно с текстовыми факторами социолингвистические факторы также влияют на вариативность частот грамматических значений глагола. Так, фактор «возраст» чаще влияет на употребление значений глагольных категорий в устных текстах, в то время как фактор «пол» – в письменных. В несюжетных текстах наблюдается влияние факторов «пол» и «возраст», а в сюжетных – фактора «образование». Во всех рассмотренных типах текста факторы «возраст» и «образование» влияют на частотность грамматических значений времени и рода, а фактор «пол» – на частотность значений наклонения.

Статистически значимые расхождения в частотах грамматических значений глагола при сравнении выборок текстов, сформированных на основе двух и трех факторов, обнаруживаются только в 72 случаях (всего 1,5% от всех рассмотренных пар выборок), что говорит об общей гомогенности в употреблении грамматических форм глагола. Наиболее часто влиянию сочетаний факторов подвержены такие грамматические значения, как вид, переходность, число и род глагола.

В целом, статистический анализ материала показал, что вариативность грамматического оформления глаголов в текстах, а также различия в глагольных профилях в наибольшей степени обусловлены видом, формой и типом текста, а социальное варьирование оказывает минимальное влияние.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Частотные характеристики текстов давно стали предметом изучения в математической лингвистике, стилистике, социолингвистике и других направлениях языкознания. Они описывают характер текста и связаны с его существенными характеристиками – содержанием, передаваемым текстом, и его лингвистическими особенностями. В данной работе предметом анализа стали частотные характеристики грамматических значений глаголов, которые ранее в подобного рода работах не рассматривались.

Исследование частотности употребления глаголов в текстах значимо, так как они выражают суть действия и задают направление развития текста, а используемые грамматические значения глагола влияют на динамику текста. Кроме того, глаголы выполняют функцию вершины высказывания, формируя структуру синтаксических конструкций и определяя построение предложений в письменной речи и высказываний – в устной. Все это говорит о том, что структура текста тесно связана с употреблением глагольных форм в определенных разновидностях текстов.

Распределение частот грамматических значений глагольных форм в тексте в зависимости от текстовых и социальных факторов трактуется в рамках данного исследования как «глагольный профиль текста». Понятие глагольного профиля, введенное Л. Янда и понимаемое ею как распределение частот личных форм конкретного глагола, распространяется на текст и позволяет сопоставлять разновидности текстов по существенно значимым расхождениям в распределениях частот грамматических значений личных форм глагола.

В результате применения такого подхода к анализу реализации грамматических значений глагола в тексте с учетом формы, вида и типа текста, а также социальных параметров информантов, было установлено, что глагольные профили текста чувствительны к влиянию текстовых параметров, рассмотренных в исследовании, а именно к виду, форме и типу текста.

Форма (устная, письменная) и вид текста (описание сюжетного и несюжетного изображений) были выбраны в качестве изучения как факторы варьирования, потому что они оказывают значимое влияние на восприятие и интерпретацию информации. Устная и письменная формы текста демонстрируют различия в употреблении языковых средств, синтаксических структур и стилистических особенностей. Описание сюжетного изображения, обладающего нарративной структурой, и несюжетного, акцентирующего внимание на характеристиках объекта описания, представляют возможность изучить, как вид визуального стимула влияет на организацию текста и выбор языковых средств.

Рассмотренные в исследовании социальные факторы – «пол», «возраст», «образование» – неоднократно изучались в социолингвистике, и было показано, что они влияют на использование лингвистических единиц в речи. Так, различия в речи говорящих разного пола и возраста часто прослеживаются на уровне фонетики, лексики, грамматики; уровень образования оказывает влияние на формальность речи, владение нормами литературного языка, сложность синтаксических конструкций, что подчеркивает связь между социальным статусом и речевым поведением.

В совокупности рассмотренные текстовые параметры и социальные характеристики авторов текстов представляются тем необходимым и достаточным минимумом факторов, которые должны вскрыть природу вариативности глагольного оформления текста.

Проведенное исследование выявило существенное влияние формы текста (устной и письменной) на грамматическое оформление глаголов. В частности, в письменной речи используется больше глаголов совершенного вида, чем в устной. Кроме того, форма текста детерминирует использование переходности: в устных текстах переходные глаголы используются чаще, чем в письменных. Среди словоизменительных категорий существенное влияние формы текста отмечается для возвратности и числа: возвратные глаголы чаще используются в устных текстах; формы единственного числа также частотнее

в устных текстах, тогда как формы множественного числа чаще употребляются в письменных текстах. Полученные данные подтверждают предположение о существенном влиянии формы текста на варьирование глагольных профилей текста. Эти результаты подчеркивают важность учета формы текста при его анализе.

Сюжетность/несюжетность описываемого изображения, т. е. вид текста, существенно влияет на частотность таких грамматических значений глагола, как СВ, переходность, единственное число и мужской род. Так, глаголы СВ чаще употребляются в сюжетных текстах, что, очевидно, связано с чередованием действий, описываемых в сюжетном тексте. Значительно больше в сюжетных текстах и переходных глаголов, возможно, потому что описываемые действия предполагают оперирование определенными объектами. Формы единственного числа и мужского рода также чаще употребляются в сюжетных текстах, хотя и в сюжетных и несюжетных текстах описываются персонажи-мужчины. Полученные результаты демонстрируют, что вид текста, так же, как и форма текста, формирует особый глагольный профиль для сюжетных (нарративных) и несюжетных (описательных) текстов. Учет вида текста, очевидно, важен при анализе формирования динамики текста, и глагольные профили текстов могут помочь в подобного рода исследованиях.

Для каждого типа текста (сочетания вида и формы) характерен особый тип глагольного профиля; наиболее чувствительными к влиянию типа текста оказываются те же грамматические значения глагола, которые перечислены для формы и вида текста: совершенный вид, переходность, единственное число, множественное число. Так, глаголы СВ чаще используются в письменных сюжетных текстах, а реже всего – в устных несюжетных; переходные глаголы наиболее частотны в устных сюжетных текстах, а наименее часто используются в устных несюжетных текстах; формы единственного числа чаще встречаются в устных сюжетных текстах, а формы множественного числа – в письменных несюжетных текстах. Таким образом, тип текста оказывает значительное влияние на реализацию глагольного профиля.

В данной работе впервые построена модель варьирования глагольных профилей текста в зависимости от таких социальных параметров, как «пол», «возраст» и «образование». Хотя анализ текстов выявил вариативность частот грамматических значений глагола в зависимости от социальных параметров информантов, статистически значимое влияние отдельных социальных факторов не подтвердилось. Тем не менее в сочетании с текстовыми параметрами социальные факторы показали свое влияние на частоты грамматических значений глагола (вида, переходности, числа и рода), при этом обнаруживается связь конкретных социальных факторов с определенными формами, видами и типами текстов. В целом социальное варьирование грамматики глагола в текстах минимально и чаще всего связано с вариативностью частот грамматических значений в разных видах или формах текста в речи отдельных социальных групп.

Как показало исследование, максимально подвержены влиянию отдельных факторов варьирования или их комбинаций оказались категории вида, переходности, числа и рода. Именно эти категории необходимо учитывать при дальнейшем моделировании глагольных профилей текста, так как они играют ключевую роль в формировании его структуры и динамики.

Таким образом, варианты глагольных профилей, понимаемых как распределения частот грамматических значений глаголов в тексте, варьируют в зависимости от формы и вида текста, типа текста как сочетания этих параметров, а также от социальных параметров говорящих в сочетании с текстовыми параметрами. Самым сильным социолингвистическим маркером оказывается тип текста.

Проведенное исследование открывает возможности для междисциплинарных исследований на стыке лингвистики, психологии и компьютерных наук, способствуя пониманию закономерностей естественной коммуникации и развитию как теоретических знаний о языке, так и практических приложений в области обработки естественного языка, позволяя совершенствовать алгоритмы анализа речи и системы искусственного интеллекта.

Перспективным направлением дальнейшего исследования является расширенный анализ глагольных профилей, включающий в себя более широкий спектр факторов, формирующих разновидности текста (например, стилей и жанров), а также возможное увеличение объема корпуса текстов для повышения репрезентативности данных. Кроме того, требует дополнительного изучения влияние других, не учтенных в настоящей работе социальных факторов (например, профессии, опыта письменной речи и т. д.) и коммуникативных ситуаций (например, профессиональной, образовательной или повседневной речи) на употребление грамматических значений глаголов. Также исследование может быть расширено за счет включения других частей речи и их взаимодействия с глаголами, что позволит глубже понять структуру и динамику текста.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Аванесов Р. И.* Русское литературное произношение. М.: Просвещение, 1984. 384 с.
2. *Авилова Н. С.* Вид глагола и семантика глагольного слова. М.: Наука, 1976. 328 с.
3. *Автухович Ю. Э.* Влияние факторов «специальность» и «гендер» на употребление видовых форм глагола // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012. Вып. 1(17). С. 33–40.
4. *Адмони В. Г.* Система форм речевого высказывания. СПб.: Наука, 1994. 153 с.
5. *Алифанова О. Г.* Когнитивный и дискурсивный потенциал нарратива (на примере нарратива Священного писания): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2011. 18 с.
6. *Алпатов В. М.* Два подхода к изучению языка // История и современность. 2016. № 1. С. 198–220.
7. *Алтухова Т. В.* Соотношение элементов в устной и письменной речи в виртуальной коммуникации // Сибирский филологический журнал. 2012. С. 150–154.
8. *Амзаракова И. П.* «Монолог» в немецкой разговорной речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1985. 20 с.
9. *Амирова Т. А.* Функциональная взаимосвязь письменного и звукового языка. М.: Наука, 1985. 287 с.
10. *Ананьев Б. Г.* Человек как предмет познания. Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1968. 338 с.
11. *Андреева В. А.* Литературный нарратив: текст и дискурс / Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. СПб.: Норма, 2006. 183 с.
12. *Анкета аспектологического семинара филологического факультета МГУ* // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова / под ред. М. Ю. Чертковой. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1997. Т. 2. С. 140–233.
13. *Аркадьев П. М.* Ареальная типология префиксального перфектива (на материале языков Европы и Кавказа). М.: Языки славянской культуры, 2015. 354 с.
14. *Аркадьев П. М., Шлуинский А. Б.* Словоклассифицирующие аспектуальные системы: опыт типологии // Вестник СПбГУ. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2015. № 3. С. 4–24.
15. *Арутюнова Н. Д.* Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
16. *Арутюнова Н. Д.* Дискурс // Языкознание: Большой энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 136–137.
17. *Ахутина Т. В.* Внутренняя речь // Большая Российская Энциклопедия. 2004–2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://old.bigenc.ru/psychology/text/1920767> (дата обращения: 19.04.2023).
18. *Бабенко Л. Г.* Большой толковый словарь русских глаголов. М.: АСТ Пресс, 1999. 698 с.
19. *Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В.* Лингвистический анализ художественного текста. М.: Флинта: Наука, 2005. 496 с.
20. *Балли Ш.* Французская стилистика. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1961. 394 с.
21. *Барина И. А.* Ключевые слова в смысловой структуре текста // ...Слово отзовется: памяти А. С. Штерн и Л. В. Сахарного / отв. ред. Т. И. Доценко, Е. В. Ерофеева, Т. Н. Чугаева; Перм. гос. ун-т. Пермь, 2006. С. 68–72.
22. *Барт Р.* Лингвистика текста // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1978. Вып. 8. Лингвистика текста. С. 442–449.
23. *Белоусов К. И.* Синергетика текста: от структуры к форме. М.: Книжный дом «Либроком», 2008. 248 с.
24. *Белоусов К. И., Зелянская Н. Л., Баранов Д. А.* Концептуально ги-пертекстовая модель управления контентом в ИС «Семограф» // Вестник Оренбургского государственного университета. 2012. № 11. С. 56–61.
25. *Белоусов К. И., Ерофеева Е. В., Баранов Д. А., Зелянская Н. Л., Щебетенко С. А.* Многопараметрический анализ лингвистических данных в информационной системе

- «Семограф» (на примере исследования речевого поведения пользователей социальной сети) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 64. С. 6–29.
26. *Беляева А. С., Ерофеева Е. В.* Зависимость частеречного варьирования устных спонтанных монологов от темы текста и социальных параметров говорящих // Филология в XXI веке. 2020. № 2(6). С. 77–88.
 27. *Блумфилд Л.* Язык. М.: Прогресс, 1968. 607 с.
 28. *Богданова Н. В.* Живые фонетические процессы русской речи. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2001. 186 с.
 29. *Богданова Н. В.* О единице описания синтаксической структуры устного спонтанного монолога: проблемы, методики, гипотезы // ...Слово отзовется: памяти А. С. Штерн и Л. В. Сахарного / отв. ред. Т. И. Доценко, Е. В. Ерофеева, Т. Н. Чугаева; Перм. гос. ун-т. Пермь, 2006. С. 288–293.
 30. *Богданова Н. В., Бродт И. С.* Спонтанный монолог: синтаксические характеристики текста и уровень речевой культуры говорящего // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2007. Вып. 1, ч. 1. С. 35–43.
 31. *Богданова Н. В. и др.* О «корпусе» текстов живой речи: принципы формирования и возможности описания / Н. В. Богданова, И. С. Бродт, В. В. Куканова, О. В. Павлова, Е. М. Сапунова, Н. С. Филиппова // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. 2008. Вып. 7(14). С. 57–61.
 32. *Богданова-Бегларян Н. В. и др.* Корпус «Сбалансированная аннотированная тексто-тека» (САТ): изучение специфики русской монологической речи / Н. В. Богданова-Бегларян, О. В. Блинова, К. Д. Зайдес, Т. Ю. Шерстинова // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2019. Вып. 21: Национальный корпус русского языка: исследования и разработки / отв. ред. В. А. Плунгян. С. 110–125.
 33. *Богданова-Бегларян Н. В., Се Жои.* Особенности построения спонтанного монолога-описания (на материале русской речи носителей русского и китайского языков) // Коммуникативные исследования. 2021. Т. 8, № 2. С. 281–295.
 34. *Бодуэн де Куртенэ И. А.* Общее языкознание: Избранные труды. М.: Юрайт, 2023. 329 с.
 35. *Болдырев Н. Н., Серова И. Г.* К лингвистическому обоснованию понятия гендерной интерпретанты // Филологические науки. 2007. С. 41–49.
 36. *Бондарко А. В.* Вид и время русского глагола (значение и употребление). М., Просвещение, 1971. 239 с.
 37. *Бондарко А. В.* Теория морфологических категорий. Л.: Наука, 1976. 255 с.
 38. *Бондарко А. В.* Функциональная грамматика. Л.: Наука, 1984. 136 с.
 39. *Бондарко А. В.* Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка. М.: Языки славянской культуры, 2002. 736 с.
 40. *Бондарко А. В.* Категоризация в системе грамматики. М.: Языки славянских культур, 2011. 488 с.
 41. *Бондарко А. В.* Аспекты анализа глагольных категорий в системе функциональной грамматики // Глагольные и именные категории в системе функциональной грамматики. СПб., 2013. С. 22–26.
 42. *Бондарко А. В.* Анализ глагольных категорий в системе функциональной грамматики // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2015. Т. 11, № 1. С. 25–40.
 43. *Бондарко А. В., Буланин Л. Л.* Русский глагол. Л.: Просвещение, 1967. 192 с.
 44. *Бондарко Л. В.* Фонетика современного русского языка. СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 1998. 276 с.
 45. *Борисова И. Н.* Русский разговорный диалог: структура и динамика. Екатеринбург: Изд-во Уральск. гос. ун-та, 2001. 408 с.

46. *Бродт И. С.* Спонтанный монолог в лингвистическом и социолингвистическом аспектах (на материале текстов разного типа): дис. ...канд. филол. наук. СПб., 2007. 289 с.
47. *Бубнова Г. И.* Специфика дискурсивного процесса в условиях устного и письменного порождения речи // Вестник Московского университета. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 1. С. 23–36.
48. *Буланин Л. Л.* Трудные вопросы морфологии. М.: Просвещение, 1976. 208 с.
49. *Валуицева И. И., Хухуни Г. Т.* Пражская лингвистическая школа: основатель и коллеги // Вестник Московского государственного областного университета. Лингвистика. 2022. № 3. С. 6–13.
50. *Варфоломеева Ю. Н.* Полевая организация глагольных предикатов, отражающих восприятие свойств физического пространства (на материале художественных текстов типа «Описание») // Филология и человек. 2008. № 4. С. 170–177.
51. *Варфоломеева Ю. Н.* Интермодальные глагольные предикаты с пространственным значением в тексте типа «Описание» // Казанский педагогический журнал. 2015. № 6. С. 191–194.
52. *Варфоломеева Ю. Н.* Специфика функционирования глагольных предикатов в описании-портрете // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2017. № 11(188). С. 31–35.
53. *Васина С. Н.* Поэтика прозы В. М. Гаршина: психологизм и повествование: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 19 с.
54. *Вахек Й.* К проблеме письменного языка // Пражский лингвистический кружок / отв. ред. Н. А. Кондрашов. Москва: Прогресс, 1967. С. 524–535.
55. *Венгер Л. А.* Возрастная психология // Большая советская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1971. Т. 5. С. 270.
56. *Виноградов В. В.* Русский язык: Грамматическое учение о слове. М., 1947. 640 с.
57. *Виноградов В. В.* Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / АН СССР. М., 1963. 251 с.
58. *Виноградов В. В.* Избранные труды. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. 363 с.
59. *Виноградов С. Н.* Семиотические и структурно-семантические параллели между словом и текстом // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Филология. Искусствоведение. 2009. № 4. С. 267–270.
60. *Виноградов С. Н.* К проблеме интерпретации структуры текста // Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Филология. 2010. № 5. С. 346–350.
61. *Винокур Т. Г.* Монологическая речь // Языкознание: Большой энциклопедический словарь (БЭС) / под. ред. В. Н. Ярцевой. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 310.
62. *Воейкова М. Д.* Ранние этапы усвоения детьми именной морфологии русского языка. М.: Знак, 2011. 331 с.
63. *Воейкова М. Д.* Становление имени. М.: Языки славянской культуры, 2015. 350 с.
64. *Вольская Н. Б., Степанова С. Б.* О некоторых проблемах синтагматического членения спонтанного текста // Матер. XXXIV Междунар. филологич. конф. СПб., 2005. Вып. 10: Секция фонетики. Ч. 1. С. 16–24.
65. *Воробьева А. В.* Текст или реальность: постструктурализм в социологии знания // Социологический журнал. 1999. № 3–4. С. 90–98.
66. *Всеволодова М. В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: фрагмент фундаментальной прикладной (педагогической) модели языка. М.: URSS, 2016. 649 с.
67. *Выготский Л. С.* Мышление и речь // Выготский Л. С. Избранные психологические исследования. М.: Полиграфкнига, 1934. С. 39–386.
68. *Выготский Л. С.* Детская психология // Выготский Л. С. Собрание сочинений: в 6-ти т. М.: Педагогика, 1984. Т. 4. 432 с.
69. *Гайсина А. А.* Дихотомия «устная-письменная речь» в интернет-коммуникации (на материале немецких чатов) // Евразийский союз ученых. Филология, искусствоведение и культурология. 2016. Вып. 5. С. 71–72.

70. *Галичкина Е. Н.* Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках (на материале жанра компьютерных конференций): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001. 20 с.
71. *Гальперин И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 139 с.
72. *Галяшина Е. И.* Установление факта предварительной подготовки письменных и устных текстов: методические рекомендации. М.: Экспертно-криминалистич. центр МВД РФ, 2003. 104 с.
73. *Герасимов Д. В.* Есть ли в русском языке категория вида? // Аспектуальная семантическая зона: типология систем и сценарии диахронического развития: сб. статей V Междунар. конф. Комиссии по аспектологии Междунар. комитета славистов / сост. М. Китадзё. Киото: Tanaka Print, 2015. С. 49–53.
74. *Горбова Е. В.* Грамматическая категория аспекта и контекст (на материале испанского и русского языков). СПб.: Изд-во С.-Петербурга. гос. ун-та, 2017. 420 с.
75. *Горбова Е. В.* Что такое вид русского глагола? (теоретические модели описания русского вида) // OpenEdition Journals. 2020. С. 429–454. [Электронный ресурс]. URL: <https://journals.openedition.org/res/3981> (дата обращения: 14.01.2024).
76. *Горбова Е. В., Чуйкова О. Ю.* Суффиксальная имперфективация приставочных глаголов: рекордсмены и аутсайдеры (в словаре, корпусе и Рунете) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам международной конференции «Диалог 2022». 2022. С. 1–17.
77. *Грамматика современного русского литературного языка* / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1970. 767 с.
78. *Грановская Р. М.* Элементы практической психологии. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. 564 с.
79. *Гринберг Дж.* Квантитативный подход к морфологической типологии языков // Новое в лингвистике. М.: Изд-во иностранной литературы, 1963. Вып. 3. С. 60–94.
80. *Грицкевич Н. Н.* Структурные и семантические функции сочинительных союзов и их конкретизаторов (на материале прозаических текстов И. А. Бунина): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2006. 28 с.
81. *Давлетишина Я. Р., Ерофеева Е. В.* Особенности членения спонтанной речи (социолингвистический подход) // Проблемы социо- и психолингвистики / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2005. Вып. 7: Динамика языковых ситуаций. С. 43–47.
82. *Дейк Т. А. ван.* Язык, познание, коммуникация / Благовещ. гос. колледж им. И. А. Бодуэна де Куртенэ. Благовещенск, 2000. 308 с.
83. *Долинина И. Б.* Переходности – непереходности категория // Языкознание. Большой энциклопедический словарь (БЭС) / под. ред. В. Н. Ярцевой. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 370–371.
84. *Дридзе Т. М.* Язык и социальная психология / под ред. А. А. Леонтьева. М.: Высшая школа, 1980. 224 с.
85. *Ерофеева Е. В.* Вероятностная структура идиомов: социолингвистический аспект. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2005. 315 с.
86. *Ерофеева Е. В., Кудлаева А. Н.* К вопросу о соотношении понятий текст и дискурс // Проблемы социо- и психолингвистики / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2003. С. 28–36.
87. *Ерофеева Е. В., Павлова Д. С.* Вид русского глагола как социолингвистическая переменная // XV Конгресс МАПРЯЛ: избранные доклады / отв. ред. М. С. Шишков. СПб., 2024. С. 107–111.
88. *Ерофеева Е. В., Худякова Е. С.* Интерпретация темы при спонтанном порождении текста на русском языке билингвами // Когнитивные исследования языка. 2022. № 4(51). С. 905–910.
89. *Ерофеева Т. И.* Социолект. Стратификационное исследование / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2009. 204 с.
90. *Женетт Ж.* Фигуры. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. 944 с.

91. *Жинкин Н. И.* Механизмы речи. М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1958. 370 с.
92. *Жинкин Н. И.* Психологические особенности спонтанной речи // Иностранные языки в школе / отв. ред. И. П. Твердохлебова. Москва: РЕЛОД, 2005. Вып. 4. С. 136–144.
93. *Журавлев А. Ф.* Опыт квантитативно-типологического исследования разновидностей устной речи // Разновидности городской устной речи / отв. ред. Д. Н. Шмелев, Е. А. Земская. М.: Наука, 1988. С. 84–150.
94. *Журавлев В. К.* Аорист // Языкознание. Большой энциклопедический словарь (БЭС) / под. ред. В. Н. Ярцевой. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 37
95. *Зайдес К. Д.* Прагматические маркеры предикативного типа в русской устной спонтанной речи: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2020. 247 с.
96. *Зализняк А. А., Шмелев А. Д.* Введение в русскую аспектологию. М.: Языки русской культуры, 2000. 226 с.
97. *Звуковой корпус* как материал для анализа русской речи. Ч. 1: Чтение. Пересказ. Описание / отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2013. 536 с.
98. *Земская Е. А.* Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М.: Русский язык, 1979. 240 с.
99. *Земская Е. А.* Городская устная речь и задачи ее изучения // Разновидности городской устной речи / отв. ред. Д. Н. Шмелев, Е. А. Земская. М.: Наука, 1988. С. 5–44.
100. *Земская Е. А., Китайгородская М. В., Розанова Н. Н.* Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект / отв. ред. Е. А. Земской, Д. Н. Шмелёва. М.: Наука, 1993. С. 90–136.
101. *Зимняя И. А.* Лингвopsихология речевой деятельности / Моск. психолого-соц. ин-т; НПО «МОДЭК». М.; Воронеж, 2001. 46 с.
102. *Золотова Г. А.* Роль ремы в организации и типологии текста // Синтаксис текста. М., 1979. С. 113–133.
103. *Золотова Г. А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Едиториал УРСС, 2003. 368 с.
104. *Золотова Г. А., Ошепенко Н. К., Сидорова М. Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 2004. 524 с.
105. *Ильичева О. В.* Синтаксические признаки спонтанной речи в соотношении с социальными характеристиками говорящего // Матер. XXVII межвуз. науч.-метод. конф. преподавателей и аспирантов. Вып. 2. Секция грамматики (русско-славянский цикл): тез. докладов / отв. ред. Г. Н. Акимова; С.-Петербург. гос. ун-т. СПб., 1998. С. 32–35.
106. *Исаева А. А.* Маркеры дифференциации спонтанной и подготовленной звучащей речи // Proceedings of Voronezh State University. Linguistics and Intercultural Communication. 2020. № 4. С. 37–48.
107. *Исаченко А. В.* Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология. М.: Языки славянской культуры. 2003. 888 с.
108. *Кароляк С.* К вопросу о типологии вида в славянских и романских языках // Типология вида: проблемы, поиски, решения. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. С. 167–182.
109. *Карпухин С. А.* Семантика русского глагольного вида: автореф. дис. ... док. филол. наук. Самара, 2008. 32 с.
110. *Карцевский С. И.* Вид // Вопросы глагольного вида. М.: Изд-во иностранной литературы. 1962. С. 218–230.
111. *Касаева З. В.* Об основных чертах устной спонтанной речи (общие замечания) // Вестник Московского государственного областного университета. Русская филология. 2014. № 2. С. 60–68.
112. *Касаткина Р. Ф.* Компрессированные формы слов и фразовые позиции в русской речи // Фонетика сегодня: матер. докладов и сообщений V междун. науч. конф. / отв. ред. Р. Ф. Касаткина; Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. М., 2007. С. 99–102.

113. *Кибрик А. А.* Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // Вопросы языкознания. 2009. № 2. С. 3–22.
114. *Кирилина А. В.* Гендер и гендерная лингвистика на рубеже третьего тысячелетия // Вопросы психолингвистики. 2021. № 3(49). С. 109–147.
115. *Колесникова С. М.* Залог и залоговость в современном русском языке // Русский язык в школе. 2016. Вып. 4. С. 53–57.
116. *Королёв Э. И.* О залогах русского глагола // Мысли о современном русском языке. М., 1969. С. 199–214.
117. *Корпусова Е. В.* Прагматический аспект роли говорящего в функционально-смысловых типах речи «описание» и «повествование»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2003. 24 с.
118. *Красильникова Е. В.* О соотношении монолога и диалога // Поэтика. Стилистика. Язык и культура: памяти Т. Г. Винокур. М.: Наука, 1996. С. 138–142.
119. *Краткая русская грамматика* / Белоусов В. Н., Ковтунова И. И., Кручинина И. Н. и др.; под. ред. Шведовой Н. Ю., Лопатина В. В. М.: Рус. Яз., 1989. 639 с.
120. *Кронгауз М.* Русский язык на грани нервного срыва. М.: Языки славянских культур, 2007. 145 с.
121. *Кузнецова Н. В.* Маркеры разговорной речи в текстах интернет-форумов // Мир русского слова. 2009. № 1. С. 44–51.
122. *Куканова В. В.* О характере мотивированности неподготовленного текста-пересказа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2008. № 3(2). С. 73–81.
123. *Куканова В. В.* Лингвистический анализ репродуцированных текстов (на материале звукового корпуса русской речи юристов): дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009. 224 с.
124. *Ладыженская Т. А.* Система работы по развитию связной устной речи учащихся. М.: Просвещение, 1975. 215 с.
125. *Ладыженская Т. А.* Живое слово: Устная речь как средство и предмет обучения. М.: Просвещение, 1986. 127 с.
126. *Лаптева О. А.* Общие особенности устной публичной (научной) речи // Современная русская устная научная речь. Т. I: Общие свойства и фонетические особенности / Краснояр. гос. ун-т. Красноярск, 1985. 336 с.
127. *Левицкий Ю. А.* Проблемы лингвистики текста / Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 2002. 108 с.
128. *Леман Ф.* Грамматическая деривация у вида и типы глагольных лексем / ред. М. Ю. Черткова // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та. Т. 2. С. 54–68.
129. *Леонтьев А. А.* Основы теории речевой деятельности. М.: Наука, 1974а. 368 с.
130. *Леонтьев А. А.* Признаки связности и цельности текста // Лингвистика текста: Матер. науч. конф. / Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. М. Тореза. М., 1974б. Ч. 1. С. 169–172.
131. *Лотман М. Ю.* Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. С. 281–295.
132. *Лэнекер Р. В.* Концептуальная семантика и символическая грамматика // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 3(009). С. 15–27.
133. *Лурия А. Р.* Язык и сознание. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. 320 с.
134. *Макаров М. Л.* Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 280 с.
135. *Маркосян А. А.* Вопросы возрастной физиологии. М.: Просвещение, 1974. С. 223.
136. *Масленникова Е. М.* Смысловая структура текста и проблемы ее передачи при переводе // Динамический дискурс в познавательном и педагогическом процессах / Липецк. гос. пед. ин-т. Липецк, 1999. С. 129–135.
137. *Маслов Е. С.* Что такое нарратив? Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2020. 116 с.
138. *Маслов Ю. С.* Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида // Докл. IV Междунар. съезда славистов / отв. ред. Н. И. Толстой; АН СССР. М., 1958. 39 с.
139. *Маслов Ю. С.* Морфология глагольного вида в современном болгарском литературном языке. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 183 с.

140. Маслов Ю. С. К основаниям сопоставительной аспектологии Проблемы современного теоретического и синхронно-сопоставительного языкознания. Вып. 1: Вопросы сопоставительной аспектологии / отв. ред. Ю. С. Маслов // Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1978. С. 4–44.
141. Маслов Ю. С. Грамматика болгарского языка. М.: Высшая школа, 1981. 407 с.
142. Маслов Ю. С. Вид глагольный // Языкознание. Большой энциклопедический словарь (БЭС) / под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998а. С. 83–84.
143. Маслов Ю. С. Глагол // Языкознание. Большой энциклопедический словарь (БЭС) / под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998б. С. 104–105.
144. Маслов Ю. С. Спряжение // Языкознание. Большой энциклопедический словарь (БЭС) / под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998в. С. 485.
145. Мелинг Х. Р. Гомогенность и гетерогенность в пространстве и времени // *Revue des etudes Slaves*. 1994. № 66 (3). С. 585–606.
146. Менде Ю. и др. ВАРГОС: Вид и акциональность русского глагола – Опыт словаря / Ю. Менде, Е. Борн-Раухенекер, Н. Брюгеман, Х. Дипонг, Ю. Кукла, Ф. Леман // *Wörterbuch zu den Aspekten und Aktionsarten im Russischen*. München: Otto Sagner, 2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.slav-verb.org/3.html> (дата обращения: 24.03.2024).
147. Миронова Л. Ю. Вид глагола и соотношение лексико-семантических вариантов многозначного слова: автореф. дис. ... канд. филол. наук: Тамбов, 2004. 24 с.
148. Моисеев А. И. Русский язык: Фонетика. Морфология. Орфография. М.: Просвещение, 1975. 240 с.
149. Москальчук Г. Г. Структура текста как синергетический процесс. М.: Едиториал УРСС, 2003. 296 с.
150. Мурзин Л. Н., Штерн А. С. Текст и его восприятие. Свердловск: Изд-во Уральск. гос. ун-та, 1991. 172 с.
151. Нечаева О. А. Функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1974. 261 с.
152. Нечаева О. А. Функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение): дис. ... канд. филол. наук. М., 1975. 410 с.
153. Николаева Т. М. Письменная речь и специфика ее изучения // *Вопросы языкознания*. 1961. № 3. С. 78–86.
154. Николаева Т. М. Лингвистика текста: Современное состояние и перспективы // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 8: Лингвистика текста. М., 1978. С. 5–13.
155. Новиков А. И. Семантика текста и ее формализация. М.: Наука, 1983. 216 с.
156. Новикова И. Н., Хамидулина Л. Ю. К вопросу об особенностях мужской и женской речи // *Наука и современность*. 2013. № 25-2. С. 78–83.
157. Обдалова О. А., Левашкина З. Н. Понятие «нарратив» как феномен культуры и объект дискурсивной деятельности // *Язык и культура*. 2019. № 48. С. 332–348.
158. Павлова Д. С. Семантическая структура устного спонтанного текста: социолингвистическое варьирование / науч. ред Е. В. Ерофеева, М. В. Гаранович; Перм. гос. нац. иссл. ун-т. Пермь, 2018. 148 с.
159. Павлова Д. С., Ерофеева Е. В. Семантическая структура устного спонтанного текста: теоретические и методологические подходы к исследованию // *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. 2015. Вып. 1(29). С. 5–17.
160. Падучева Е. В. Вводные глаголы: речевой и нарративный режим интерпретации // *Вестник литер. К 60-летию В. М. Живова* / отв. ред. А. М. Молдован; РАН. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. М.: Языки славянской культуры, 2006. С. 498–515.
161. Падучева Е. В. О семантике синтаксиса: материалы к трансформационной грамматике русского языка. М.: URSS, 2009. 293 с.
162. Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки славянской культуры, 2010. 480 с.

163. *Падучева Е. В.* Эгоцентрические единицы языка. М.: Издательский дом ЯСК, 2019. 440 с.
164. *Падучева Е. В.* Виноградов В. В. и наука о языке художественной прозы // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1995. Т. 54, № 3. С. 39–48.
165. *Панов М. В.* История русского литературного произношения XVIII–XX вв. М.: Наука, 1990. 456 с.
166. *Петрова Е. А.* Лексика американских и британских газет в аспекте языка города: автореф. дис ... канд. филол. наук. Курск, 2009. 24 с.
167. *Петровский А. В.* Возраст // Большая советская энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1971. Т. 5. С. 269.
168. *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. М.: Учпедгиз, 1956. 511 с.
169. *Пиотровский Р. Г.* Инженерная лингвистика и теория языка. Л.: Наука, 1979. 112 с.
170. *Плунгян В. А.* Предисловие: Дискурс и грамматика // Исследования по теории грамматики. Вып. 4. Грамматические категории в дискурсе. М.: Гнозис, 2008. С. 7–36.
171. *Плунгян В. А.* Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: Изд-во РГГУ, 2011а. 669 с.
172. *Плунгян В. А.* Типологические аспекты славянской аспектологии (некоторые дополнения к теме) // Scando-Slavica. 2011б. Вып. 57, № 2. С. 290–309.
173. *Попова Е. А.* Об особенностях речи мужчин и женщин // Русская речь., 2007. № 3. С. 40–49.
174. *Потапов В. В.* Многоуровневая стратегия в лингвистической гендерологии // Русская речь. 2002. № 1. С. 103–130.
175. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. Т. IV: Глагол, местоимение, числительное, предлог. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 318 с.
176. *Русская грамматика.* Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / глав. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. 783 с.
177. *Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест* / отв. ред. Е. А. Земская, коллект. авт. М.: Наука, 1983. 239 с.
178. *Русский язык по данным массового обследования: опыт социально-лингвистического изучения* / под ред. Л. П. Крысина. М.: Наука, 1974. 351 с.
179. *Русский язык повседневного общения: Особенности функционирования в разных социальных группах* / Богданова-Бегларян Н. В., Шерстинова Т. Ю., Баева Е. М., Блинова О. В., Мартыненко Г. Я., Ермолова О. Б., Рыко А. И. и др. СПб.: Лайка, 2016. 244 с.
180. *Рябинин К. В., Баранов Д. А., Белоусов К. И.* Интеграция информационной системы Семограф и визуализатора SciVi для решения задач экспертного анализа языкового контента // Научная визуализация. 2017. Кн. 4, т. 9, № 4. С. 67–77.
181. *Рябинин К. В., Белоусов К. И., Чуприна С. И.* Средства визуальной аналитики для комплексного исследования результатов многопараметрического описания пользователей социальных интернет-сервисов // Научная визуализация. 2018. Т. 10, № 4. С. 82–99.
182. *Санжеева Н. Р.* Особенности функционирования акциональных и статальных глаголов в художественном описании // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2008. № 10. С. 61–66.
183. *Сахарный Л. В.* Введение в психолингвистику. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. 184 с.
184. *Сахарный Л. В.* Человек и текст: две грамматики // Человек – текст – культура. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-т, 1994. С. 7–60.
185. *Серова И. Г.* Роль гендерной интерпретанты в высказывании: параметризация события // Вестник Воронежского государственного университета. Гуманитарные науки. 2003. Вып. 2. С. 210–227.
186. *Сиротинина О. Б.* Разговорная речь. (Определение понятия, основные проблемы) // Вопросы социальной лингвистики. Л.: Наука, 1969. С. 373–391.
187. *Сиротинина О. Б.* Современная разговорная речь и ее особенности. М., Просвещение, 1974. 143 с.

188. *Сиротинина О. Б.* Разговорные типы речевой культуры и хорошая речь // Хорошая речь / под ред. М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой. Саратов: Сарат. нац. исслед. гос. ун-та, 2001. С. 241–244.
189. *Сичинава Д. В.* Вид// Русская корпусная грамматика. 2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://rusgram.ru/%D0%92%D0%B8%D0%B4> (дата обращения: 14.01.2024).
190. *Смирнова Л. Г.* «Ветреная кокетка» и «прожженный делец»: Гендерная специфика // Русская речь. 2012. № 2. С. 59–67.
191. *Солганик Г. Я.* Очерки модального синтаксиса. М.: Флинта: Наука, 2010. 136 с.
192. *Соловьева А. Д.* Влияние разговорной речи на язык СМИ // Знак: Проблемное поле медиаобразования / отв. ред. М. В. Загидуллина, Б. Н. Киршин; Челябинский гос. ун-т. Челябинск, 2009. С. 43–45.
193. *Сорокин Ю. А.* Текст: цельность, связность, эмотивность // Аспекты общей и частной лингвистической теории текста / отв. ред. Н. А. Слюсарева. М.: Наука, 1982. С. 61–73.
194. *Степанова С. Б.* Темп речи как отражение социальных и психологических характеристик говорящего // Approaches to Slavic Interaction. University of Potsdam: Conference. Potsdam, 2011. С. 44–45.
195. *Степихов А. А.* Соотношение синтаксического и интонационного членения в спонтанном монологе: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. 334 с.
196. *Тезекбаева Г. А.* Спонтанная речь как объект лингвистики // Вестник Воронежского государственного университета. Филология. Журналистика. 2011. № 1. С. 76–79.
197. *Титаренко Е. Я.* Актуальные вопросы современной аспектологической терминологии // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Междунар. конгресс исслед. русского языка: труды и материалы. М.: МАКС Пресс, 2007. С. 201.
198. *Тихонов А. Н.* Видовые корреляции в современном русском языке // Типология вида: проблемы, поиски, решения. М.: Языки русской культуры, 1998а. С. 466–477.
199. *Тихонов А. Н.* Русский глагол: проблемы теории и лексикографии. М.: Academia: Языки народов России, 1998б. 280 с.
200. *Троцук И. В.* Нарратив как междисциплинарный методологический конструкт в современных социальных науках // Вестник РУДН. Социология. 2004. № 1(6). С. 41–53.
201. *Трошева Т. Б.* Система функционально-смысловых типов речи в современном русском языке (описание – повествование – рассуждение – предписание – констатация). 2003. [Электронный ресурс]. URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mnum_2 (дата обращения: 14.01.2024).
202. *Трубецкой Н. С.* Основы фонологии. М.: Изд-во иностр. литературы, 1960. 372 с.
203. *Тулдава Ю.* О статистической структуре текста // Советская педагогика и школа / Тарт. гос. ун-т. Тарту, 1974. Вып. 9. С. 5–33.
204. *Тураева З. Я.* Лингвистика текста (текст: структура и семантика). М.: Просвещение, 1986. 127 с.
205. *Филиппова Н. С.* Опыт анализа синтаксической структуры устного спонтанного монолога-описания // IX межвузовская научная конференция студентов-филологов: тезисы / отв. ред. А. В. Андронов. СПб.: филологический факультет СПбГУ, 2006. С. 51–52.
206. *Филиппова Н. С.* Принципы построения устного описательного дискурса (на материале русской спонтанной речи): дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2010. 186 с.
207. *Фонетика спонтанной речи* / под ред. Н. Д. Светозаровой. Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1988. 245 с.
208. *Фортуатов Ф. Ф.* О залогах русского глагола. СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук, 1899. С. 1153–1158.
209. *Фрумкина Р. М.* Вероятность элементов текста и речевое поведение / отв. ред. И. М. Фейгенберг. М.: Наука, 1971. 168 с.
210. *Хализев В. Е.* Диалогическая и монологическая речь // Литературный энциклопедический словарь / под ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. М.: Советская энциклопедия, 1987. С. 97.

211. *Хандархаева И. Ю.* Глаголы совершенного вида с перфектным значением в аспекте типов речи // Вестник Бурятского гос. ун-та. Язык, литература, культура. 2015. № 10. С. 86–89.
212. *Храковский В. С.* Залог // Языкознание. Большой энциклопедический словарь (БЭС) / под. ред. В. Н. Ярцевой. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 160–161.
213. *Худякова Е. С.* Особенности структуры устных спонтанных текстов монолингвов и билингвов (на материале монологов русских, татар и коми-пермяков) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013. Вып. 4(24). С. 33–46.
214. *Худякова Е. С.* Реципиент-дизайн в нарративах носителей языка старшего возраста // Социо- и психологические исследования. 2019. Вып. 7. С. 73–85.
215. *Худякова Е. С.* Социолингвистическое варьирование параметров устного спонтанного текста // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Т. 7, № 1. С. 169–182.
216. *Циммерлинг А. В.* Место глагола в нарративном тексте // Логический анализ языка. Информационная структура текстов разных жанров и эпох / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Гнозис, 2016. С. 74–91.
217. *Частотный словарь русского языка* / под ред. Л. Н. Засориной. М.: Русский язык, 1977. 936 с.
218. *Чебанов С. В.* Судьба математической лингвистики в эпоху второй когнитивной революции // Структурная и прикладная лингвистика. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2019. Вып. 13 / отв. ред. И. С. Николаев. С. 22–45.
219. *Чейф У.* На пути к лингвистике, основанной на мышлении // Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 60–88.
220. *Черткова М. Ю.* Грамматическая категория вида в современном русском языке. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. 171 с.
221. *Чэн Чэнь.* Хезитации в русской устной речи носителей китайского языка: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2018. 204 с.
222. *Шатуновский И. Б.* Настоящее динамическое НСВ в современном русском языке // Логический анализ языка. Языки динамического мира / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Шатуновский. Дубна: Международный ун-т природы, общества и человека «Дубна», 1999. С. 232–243.
223. *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка. Л.: Учпедгиз, 1941. 620 с.
224. *Шведова Н. Ю.* К изучению русской диалогической речи. Реплики-повторы // Вопросы языкознания. 1956. № 2. С. 66–82.
225. *Шведова Н. Ю.* Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М.: Наука, 1960. 170 с.
226. *Шелякин М. А.* Функциональная грамматика русского языка. М.: Русский язык, 2001. 288 с.
227. *Ширяев Е. Н.* Культура речи // Русский язык: Энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. М., 1997. 721 с.
228. *Шлуинский А. Б.* Видовая система энецкого языка на фоне русской: к типологии слововоклассифицирующего вида // Вопросы языкознания. 2017. № 3. С. 24–52.
229. *Шмид В.* Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.
230. *Штерн А. С.* Перцептивный аспект речевой деятельности. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1992. 236 с.
231. *Штерн А. С.* Введение в психологию. М.: Флинта: Моск. психол.-соц. ин-т, 2006. 162 с.
232. *Щерба Л. В.* Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. 188 с.
233. *Щерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. 428 с.
234. *Эйсмонт П. М.* Стратегии порождения спонтанного нарратива и роль внешнего стимула // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2007. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. Вып. 4, ч. 2. С. 191–197.
235. *Эриксон Э. Г.* Детство и общество. СПб.: Летний сад, 2000. 415 с.
236. *Ягунова Е. В.* Вариативность стратегий восприятия звучащего текста (экспериментальное исследование на материале русскоязычных текстов разных функциональных стилей). Пермь: Перм. гос. ун-т.: СПбГУ, 2008. С. 359–377.
237. *Якобсон Р. О.* Язык и бессознательное. М.: Гнозис, 1996. 248 с.

238. Якубинский Л. П. О диалогической речи // Избранные работы: Язык и его функционирование. М.: Наука, 1986. С. 17–58.
239. Янда А. Л. Студенты – пользователи Национального корпуса русского языка // Национальный корпус русского языка и проблемы гуманитарного образования / под ред. Н. Р. Добрушиной. М.: Издат. Дом ГУ–ВШЭ, 2007. С. 60–73.
240. Янда А. Л. Русские приставки как система глагольных классификаторов // Вопросы языкознания. 2012. № 6. С. 3–47.
241. Янков И. В. Нарратив в историческом освоении действительности: феномен обновления и социокультурный смысл: дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 1997. 128 с.
242. Ярская-Смирнова Е. Р. Нарративный анализ в социологии // Социологический журнал. 1997. № 3. С. 38–61.
243. Adams C. Qualitative Age Differences in Memory for Text: A Life-Span Development Perspective // Psychology and Aging. 1991. No. 6. Pp. 323–336.
244. Andreev N. D, Zinder L. R. On The Notions of The Speech Act, Speech, Speech Probability, and Language // Linguistics 1964. No. 2(4). Pp. 5–13.
245. Belousov K., Erofeeva E., Leshchenko Y. «Semograph» Information System as a Framework for Network-Based Science and Education // Smart Innovation, Systems and Technologies. In: Uskov V., Howlett R., Jain L. (eds). Smart Education and e-Learning. Vilamoura, Algarve, Portugal, 2017. Vol 75: Smart Innovation, Systems and Technologies. Pp. 263–272.
246. Bennett S. A 3-year longitudinal study of school-aged children's fundamental frequencies // Journal of Speech, Language, and Hearing Research, 1983. No. 26(1). Pp. 137–141.
247. Biber D. Spoken and written textual dimensions in English: resolving the contradictory findings // Language. 1988. No 64(4). Pp. 707–736.
248. Campbell L. Historical Linguistics: An Introduction. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2013. 148 p.
249. Cheshire J., Secova M. The origins of new quotative expressions: the case of Paris French // Journal of French language studies, 2018. No. 28(2). Pp. 209–234.
250. Comrie B. Aspect (Cambridge Textbooks in Linguistics). Cambridge University Press, 1976. 142 p.
251. Corbett G. G., Fraser N. M. Gender Assignment: A Typology and a Model // G. Senft (ed.). Systems of Nominal Classification. Cambridge University Press, 2000. Pp. 293–325.
252. Coupland N., Coupland J., Giles H. Language, Society, and the Elderly: Discourse, Identity, and Aging. Oxford UK: Cambridge USA: Blackwell, 1991. 240 p.
253. Dahl Ö. Tense and aspect systems. Oxford: Blackwell, 1985. 240 p.
254. Dickey S. M. Parameters of Slavic Aspect: A Cognitive Approach (Dissertations in Linguistics). Stanford: Center for the Study of Language and Information, 2000. 328 p.
255. Doorn N. van, Wyatt S., Zoonen L. van. A Body of Text: Revisiting textual performances of gender and sexuality on the internet // Feminist Media Studies. 2008. Vol. 8, iss. 4. Pp. 357–374.
256. Eisenberg J., Finlayson M. Annotation Guideline No. 1: Cover Sheet for Narrative Boundaries Annotation Guide // Journal of Cultural Analytics. 2019. Vol. 4, iss. 3. Pp. 1–21.
257. Erikson E. R. Childhood and society. N.-Y.: Penguin, 1965. 445 p.
258. Fabricius-Hansen C. Tempus fugit: Über Interpretation temporaler Strukturen im Deutschen. Düsseldorf: de Gruyter, 1986. 408 p.
259. Fasold R. Sociolinguistic of Language. Oxford: Blackwell, 1990. Vol. 2. 342 pp.
260. Fishman P. M. Interaction: The Work Women Do // Social Problems. 1978. Vol. 25, No. 4, Pp. 397–406.
261. Fleischman S. Toward a Theory of Tense-Aspect in Narrative Discourse // The Function of Tense in Texts / J. Gvozdanovic, T. Janssen (eds.). Oxford U.A.: North-Holland, 1991. Pp. 75–97.
262. Forsyth J. A Grammar of Aspect: Usage and Meaning in the Russian Verb. Cambridge University Press, 1970. 404 p.
263. Franzosi R. Narrative Analysis – or Why (and How) Sociologists should be Interested in Narrative // Annual Review of Sociology. 1998. Vol. 24. Pp. 517–554.

264. *Gender in Grammar and Cognition*. I: Approaches to Gender. II: Manifestations of gender / B. Unterbeck, M. Rissanen, T. Nevalainen (eds.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2000. 836 p.
265. *Grandoll D., Swann J.* Gender voices. Oxford; Cambridge: Wiley-Blackwell, 1989. 228 p.
266. *Grebogi C., Ott E., Yorke J. A.* Crises, Sudden Changes in Chaotic Attractors and Transients to Chaos // *Physica*. 1983. 7D. Pp. 181–192.
267. *Greenberg J., Ferguson C. A. (eds.)*. The Future of Linguistic Science. Stanford, CA: Stanford University Press, 1978. Pp. 47–82.
268. *Gubrium J. F., Holstein J. A.* Narrative Practice and the Coherence of Personal Stories // *The Sociological Quarterly*. 1998. Vol. 39, iss. 1. Pp. 163–187.
269. *Hayashi M., Kyung-Eun Y.* A Cross-linguistic Exploration of Demonstratives in Interaction: With Particular Reference to the Context of Word-formulation Trouble // *Studies in Language*. 2006. Vol. 30, iss. 3. Pp. 485–540.
270. *Herdan G.* Language as a choice and a chance. Groningen: P. Noordhoff, 1956. 356 p.
271. *Jakobson R.* Shifters, Verbal Categories, and the Russian Verb // *Selected Writings*. Cambridge: Harvard University, 1957/1971. 14 p.
272. *Janda A. L.* A User-Friendly Conceptualization of Aspect // *Slavic and East European Journal*. 2003. No. 47. Pp. 251–281.
273. *Janda A. L.* Totally Normal Chaos: The Aspectual Behavior of Russian Motion Verbs Source // *Harvard Ukrainian Studies*. Vol. 28, No. 1. 2006. Pp. 183–193.
274. *Janda A. L.* Aspectual Clusters of Russian Verbs. *Studies in Language*. 2007. Pp. 607–648.
275. *Janda A. L.* Motion Verbs and the Development of Aspect in Russian. *Scando-Slavica*. 2008a. Pp. 179–197.
276. *Janda A. L.* Metonymy via Perfectivization of Russian Verbs // *Slavica helsingiensia*. Festschrift in Honour of Professor Arto Mustajoki on the Occasion of his 60th Birthday / Ed. by Jouko Lindstedt et al. Helsinki, 2008b. Pp. 77–85.
277. *Janda A. L.* Semantic Motivations for Aspectual Clusters of Russian Verbs // C. Y. Bethin (ed.). *American Contributions to the 14th International Congress of Slavists*. Ohrid, 2008. Vol. 1: Linguistics. Bloomington, IN: Slavica, 2008c. Pp. 181–196.
278. *Janda A. L.* Semantic Profiling // *Exploring Emptiness*. [Electronic recourse]. URL: http://emptyprefixes.uit.no/semantic_eng.htm (дата обращения: 28.03.2024)
279. *Janda A. L., Korba J.* Beyond the Pair: Aspectual Clusters for Learners of Russian // *Slavic and East European Journal*. 2008. Vol. 52(2). Pp. 253–269.
280. *Janda A. L., Lyashevskaya O.* Aspectual Pairs in the Russian National Corpus // *Scando-Slavica*. 2011a. Vol. 57, No. 2. Pp. 201–215.
281. *Janda A. L., Lyashevskaya O.* Grammatical profiles and the interaction of the lexicon with aspect, tense, and mood in Russian // *Cognitive Linguistics* 2011b. Vol. 22(4). Pp. 717–762.
282. *Janda A. L., Lyashevskaya O.* Semantic Profiles of Five Russian Prefixes: po-, s-, za-, na-, pro- // *Journal of Slavic Linguistics*. 2013, Vol. 21, No. 2. Pp. 211–258.
283. *Janda A. L., J. Kuznetsova et al.* Why Russian Aspectual Prefixes Aren't Empty: Prefixes as Verb Classifiers. Bloomington, Indiana: Slavica Publishers, 2013. 211 p.
284. *Jenkins P.* Narrative vs Descriptive Writing: Understanding the Key Differences. 2023. [Electronic resource]. URL: <https://brilliantio.com/narrative-vs-descriptive-writing-understanding-the-key-differences> (дата обращения: 30.03.2024)
285. *Kemper S., Sumner A.* The Structure of Verbal Abilities in Young and Older Adults // *Psychology and Aging*. 2001. No. 16(2). Pp. 312–322.
286. *Kim J.* Events and their descriptions // Rescher N. (ed.). *Essays in Honor of Carl G. Hempel*. Synthese Library. Dordrecht, 1969. Vol. 24. Pp. 198–215.
287. *Knott A., Dale R.* Using Linguistic Phenomena to Motivate a Set of Coherence Relations // *Discourse Processes*. 1994. Vol. 18(1). Pp. 35–62.
288. *Kozera I.* Семантика и прагматика вторичной имперфективации в современном русском языке на основании корпусного анализа. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2018. 339 s. (In Russian.)

289. *Kutner M. H., Nachtsheim C. J., Neter J.* Applied Linear Regression Models. McGraw-Hill. 2004. 701 p.
290. *Kuznetsova J.* Linguistic Profiles: Going Form to Meaning via Statistics. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2015. 561 p.
291. *Labov W.* The Social Stratification of English in New York City. Washington D.C.: Center for Applied Linguistics, 1966. 655 p.
292. *Labov W.* The social stratification of (r) in New York City Department Store // Sociolinguistic patterns. Philadelphia, PA: University of Pennsylvania Press, 1972. Pp. 43–69.
293. *Labov W., Waletzky J.* Narrative Analysis: Oral Versions of Personal Experience // J. Helm (ed.). *Essays on the Verbal and Visual Arts: Proceedings of the 1966 Annual Spring Meeting of the American Ethnological Society*. Seattle: University of Washington Press, 1966. Pp. 12–44.
294. *Labov W., Waletzky J.* Oral Versions of Personal Experience: Three Decades of Narrative Analysis // Special Volume of a Journal of Narrative and Life History. 1997. Vol. 7. Pp. 3–38.
295. *Lee A., Hewlett N., Nairn M.* Voice and gender in children // S. Mills (ed.). *Language and Gender: Interdisciplinary perspectives*. London; N.Y., 1989. Pp. 194–204.
296. *Lehmann W. P.* Historical linguistics: An Introduction. London: Routledge, 1992. 364 p.
297. *Lieberman P.* Intonation, Perception and Language. Cambridge (Mass.): MIT Press, 1975. 210 p.
298. *Lyashevskaya O.* Corpus-based Profiles of Russian Nouns: from Grammatical Number to Lexical Semantics // Working Papers by NRU HSE. Linguistics, 2015. Pp. 2–13.
299. *Lysetskiy M., Zurada J. M.* Bifurcation neuron: computation and learning. Neural Networks, 2004. Vol. 17. Pp. 225–232.
300. *Mistrik J.* Štylistika. Bratislava: Slovenské pedagogické nakl, 1984. 582 p.
301. *McIntosh A.* The Analysis of Written Middle English // Translation of the Philological Society. Oxford, 1956. Pp. 26–55.
302. *McNeill D.* The acquisition of language. N.Y.: Harper & Row, 1970. 234 p.
303. *Neset T., Endresen A., Janda L. A.* Two ways to get out: Radial Category Profiling and the Russian prefixes vy- and iz- // Akademie Verlag. Zeitschrift für Slawistik. 2011. No. 56(4). Pp. 377–402.
304. *Ong W.* Orality and Literacy. The Technologizing of the World. London: Routledge, 1982. 214 p.
305. *Prince G.* Narratology / Johns Hopkins Guide to Literary Theory and Criticism; ed. Michael Groden and Martin Kreiswirth. Baltimore: Johns Hopkins UP, 1994. 400 p.
306. *Redeker G.* Linguistic Markers of Discourse Structure // Linguistics. 1991. Vol. 29. Pp. 1139–1172.
307. *Robertson S., Hopko D.* Emotional Expression During Autobiographical Narratives as a Function of Aging: Support for the Socioemotional Selectivity Theory // Journal of Adult Development. 2013. Vol. 20(2). Pp. 76–86.
308. *Romaine S.* On the problem of syntactic variation: a reply to B. Lavandera and W. Labow // Working papers in sociolinguistics/ 1981. Vol. 82. 40 p.
309. *Ryan E. B.* Why do Low-Prestige Language Varieties Persist? // Language and Social Psychology. Oxford: Blackwell, 1979. Pp. 145–157.
310. *Sanders T. J. M., Noordman L. G. M.* The Role of Coherence Relations and Their Linguistic Markers in Text Processing // Discourse Processes. 2000. Vol. 29. Pp. 37–60.
311. *Sankoff D.* Sociolinguistics and syntactic variation // Linguistics: The Cambridge Survey. Cambridge University Press, 1988. Pp. 140–161.
312. *Scheibe S., Carstensen L. L.* Emotional Aging: Recent Findings and Future Trends // Journals of Gerontology. Series B: Psychological Sciences & Social Sciences. 2010. Vol. 65B, No. 2. Pp. 135–144.
313. *Schiffrin D.* In other words: Variation in reference and narrative. Cambridge university press, 2006. 373 p.
314. *Shin N. L., Otheguy R.* Social class and gender impacting change in bilingual settings: Spanish subject pronoun use in New York // Language in Society. 2013. No. 42(4). Pp. 429–452.

315. *Silva M.* Expanding Text // *A Journal of the Performing Arts*. 2007. Vol. 12, iss. 1. Pp. 12–19.
316. *Smith B. H.* Narrative Versions, Narrative Theories // *Critical Inquiry*. 1981. Vol. 7, No. 1. Pp. 213–236.
317. *Smith C. S.* The Parameter of Aspect. Dordrecht, 1991. 490 p.
318. *Smyth R., Jacobs G., Rogers H.* Male Voices and Perceived Sexual Orientation: An Experimental and Theoretical Approach // *Language in Society*. 2003. Vol. 32, No. 3. Pp. 329–350.
319. *Snyder W.* Child language: The parametric approach. Oxford University Press, 2007. 224 pp.
320. *Talmy L.* Toward a Cognitive Semantics. Vol. 2, Typology and Process in Concept Structuring. Cambridge, Mass, 2000. 504 p.
321. *Tannen D.* You Just Don't Understand: Women and Men in Conversation. New York: William Morrow & Co., 1990. 330 p.
322. *Thorne B., Kramarae C., Henley N. (eds).* Language, Gender and Society Cambridge. MA: Newbury House, 1983. 342 p.
323. *Timberlake A.* Invariance and the Syntax of Russian Aspect // P. Hopper (ed.). *Tense-Aspect: Between Semantics and Pragmatics*. Amsterdam, 1982. Pp. 305–331.
324. *Trudgill P.* Sociolinguistics: An Introduction to Language and Society. London: Penguin Books, 1983. 109 p.
325. *Trudgill P.* Sex, covert prestige and linguistic change in the urban British English of Norwich. Cambridge University Press, 1972. Vol. 1, iss. 2. Pp. 179–195.
326. *Veraksa A. et al.* The Relationship between Executive Functions and Language Production in 5–6-Year Old Children: Insights from Working Memory and Storytelling / A. Veraksa, D. Bukhalenkova, N. Kartushina, E. Oshchepkova // *Behavioral Sciences*. 2020. Vol. 10(2), 52. doi: 10.3390/bs10020052
327. *Weinrich H.* Tempus. Stuttgart: Kohlhammer, 1971. 349 p.
328. *Zhu Y.* Written communication across cultures: a sociocognitive perspective on business genres. Philadelphia (PA, USA): John Benjamins Publishing Company, 2005. 215 p.
329. *Zimin S.* Sex and Politeness: Factors in First and Second Language Use // *International Journal of the Sociology of Language*. 1981. Vol. 27. Pp. 35–58.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Тексты информантов¹⁶

Информант № 1

Пол: мужской, образование: высшее, возраст: 28 лет

Форма текста: устный

Вид текста: сюжетный

Приходит мужчина в парикмахерскую/ хочет подстричься// Парикмахер ему говорит/ ок/ давай подстригу// Начинает стричь/ мужика// У мужика вообще очень много волос/ он его стрижет/ стрижет стрижет стрижет// Помимо всего этого у мужика была борода/ такую же какую я хочу// Вот/ парикмахер ему и говорит/ давай я тебе подстригу тут же бороду// Он ему стрижет бороду/ делает причёску// Мужiku в принципе все нравится// Мужик выходит на улицу/ и видит/ просто/ мужика/ другого/ точно такого же каким был он/ только до того как/ он пришел в парикмахерскую/ и советует ему зайти в эту парикмахерскую/ вот// И этот новый мужик заходит в парикмахерскую/ этот новый мужик заходит в парикмахерскую/ и/ мужик в шоке/ от того что он вроде только что подстриг того мужика/ а на самом деле пришел другой// Все// Интересный комикс/ мне понравился/ я посмеялся//

Форма текста: устный

Вид текста: несюжетный

На второй картинке мужчина моется в душе/ вот// Скорее всего душ сверху на него направлен и/ чтобы водичка не попадала ему в глаза/ он закрыл глаза// Он максимально счастлив от того что водичка течет у него по голове// Это выражается по/ скулам/ и по его/ мимике лица// Мужик бородатый// Скорее всего/ хаха/ это тот мужик/ который пошел потом в парикмахерскую/ хаха/ на первой картинке/ вот// Ну что-то в этом есть общее// Водичка/ напор водички нормальный/ скорее всего это/ как бы/ я думаю/ что это лето/ потому что летом можно так мыться// Вот// Как бы/ мужик счастлив/ доволен/ он помылся//

Форма текста: письменный

Вид текста: сюжетный

Действие происходит в Америке в 80-ые годы, в парикмахерской. На эту мысль меня натолкнул их «американизированный» вид лица и одежда, в которую одет один из персонажей картинки (плащ и шляпа), характерная как раз для того времени.

Эта картинка состоит из 11 мини-картинок, скомпонованных в виде комикса, то есть картинки идут друг за другом, показывая динамику и сюжетность всей основы.

1-ая мини-картинка. Мужчина приходит в парикмахерскую на стрижку. Он уже снял шляпу, которую держит в руках. На голове у него очень много волос. При входе его встречает парикмахер-мужчина в своей рабочей одежде. Парикмахер немного преклонился перед ним, показывая свою доброжелательность и позитивный настрой.

2-ая мини картинка. Парикмахер надевает на клиента – мужчину накидку, при этом мы видим, что парикмахер настраивается и погружается в работу, а сам мужчина готов к тому, чтобы его стригли, закрывая глаза.

3-я мини-картинка. Начинается процесс стрижки. Свою работу парикмахер выполняет с помощью ножниц и расчёски. Сам клиент покорно и безэмоционально сидит.

4-я мини-картинка. Процесс стрижки продолжается. Парикмахер улыбается, то есть, мы косвенно понимаем, что всё идёт по установленному плану.

5-я мини-картинка. Кульминация стрижки. Это, мы понимаем, по количеству разбросанных и остриженных волос клиента. Эмоции персонажей при этом, мы не видим, так как они оба повернуты спиной. Видна лишь динамика и скорость стрижки. Картинка получилась ритмичная, отсюда и делается вывод, что это является завершающей фазой стрижки волос на голове.

6-ая мини-картинка. Парикмахер переходит от стрижки головы к стрижке бороды. На этой картинке в руках он держит бритвенный станок и уже успел намазать пеной клиента.

¹⁶ В письменных текстах сохраняется орфография и пунктуация информантов.

7-ая мини-картинка. Завершается процесс стрижки бороды. Парикмахер доволен своей работой и невольно улыбается. Причёску клиента он доводит до идеального состояния, убирая всё лишнее.

8-ая мини-картинка. Процесс стрижки полностью завершился. Осталось только расчесать клиента, что, мы и видим на картинке. Уже подстриженный клиент, рад, что всё завершилось. Настроен он благосклонно.

9-ая мини картинка. Парикмахер предлагает посмотреть в зеркало причёску, которая получилась. Снимает с клиента накидку. По их улыбкам видно, что оба довольны результатом работы.

10-ая мини-картинка. Действие перемещается на улицу. Подстриженный мужчина рекомендует другому мужчине (с такой же причёской до стрижки и в такой же одежде) сходить в парикмахерскую, где он сам только что стригся.

11-ая картинка. По рекомендации, в эту самую парикмахерскую заходит мужчина для стрижки своих волос. В это время парикмахер прибирал рабочее место, убирая волосы только что подстриженного клиента. Тут он увидел снова, по его мнению, этого самого клиента, которого он совсем недавно подстригал. Парикмахер очень растерялся и удивился, так как это мужчина был точно с такой же причёской, как до стрижки.

Форма текста: письменный

Вид текста: несюжетный

На этой картинке изображено лицо мужчины, в которого брызнули водой. Возраст мужчины около 40 лет. Такой вывод я сделал по нескольким причинам. Во-первых, присутствие морщин на лице. Во-вторых, щетина и небритость, характерная как раз для этого возраста. В-третьих, присутствие седых волос.

Внешность его, на мой взгляд, индийская, о чём свидетельствует большой нос, смуглый цвет лица и вытянутый овал головы.

На картинке видно, что на его лицо справа (от этого стороны) брызнули водой. Здесь показана естественная реакция организма на это действие, то есть у него сразу же закрываются глаза, чтобы вода не задела жизненно важную часть организма.

Информант № 2

Пол: мужской, **образование:** высшее, **возраст:** 34 года

Форма текста: устный

Вид текста: сюжетный

Мужчина/ решил подстричься// И/ заглянул/ в парикмахерскую// Сел на кресло/ и его начали/ подстригать// Взяли/ парикмахер взял/ расческу и ножницы/ ножницы взял большие// И занялся стрижкой// В разные стороны полетели волосы// Так как их было очень много// Но/ стрижкой дело не закончилось/ начался второй этап/ это/ бритье/ бороды// Был заказ на побрить бороду/ и на одной из картинок/ возникла пикантная ситуация/ по ощущениям/ мужчине/ решили/ отрезать/ нос// Но на самом деле/ это просто решили подбрить под носом// Далее/ мужчину/ высушили// Далее/ причесали/ и дали посмотреть в зеркало/ посмотреть готовый результат в зеркало// А под креслом/ было огромное количество состриженных волос// И наверное сбритых// Выйдя на улицу/ мужчина повстречал/ постриженный мужчина повстречал/ прохожего/ которому понравилось то/ как его подстригли и побрили// Он поинтересовался адресом/ парикмахерской// И на его радость/ парикмахерская оказалась совсем рядышком// И мужчина/ неподстриженный/ также заглянул в парикмахерскую/ чем ввел/ в состояние инфаркта/ парикмахера/ так как он оказался настолько же волосатым и бородатым// То есть/ началось все с самого начала//

Форма текста: устный

Вид текста: несюжетный

Мужчина/ средних лет/ с хорошей щетиной на лице// В какой-то момент времени/ осознал что ему надо умыться// А может быть это просто было утром/ и как обычно по утрам люди умываются/ и он решил умыться// Набрал/ в ладони/ воды/ и плеснул в себя// Потом еще/ еще/ и еще// При этом он зачем-то решил сфотографироваться// Либо у него была встроена камера/ в зеркало/ например// И/ наверное/ особого/ положительного эффекта он не очень вызывает// Вода которая расплескивается по сторонам/ наверное/ забрызгивает пол/ делает его относительно неприятным/ с одной стороны// А с другой стороны/ создает определенное обязательство этот пол протереть после себя// Хотя может быть и нет/ он может быть стоит вообще в ванной/ и моется/ и соответственно никакой

воды нету/ на полу имеется ввиду/ а все в ванной// Но так или иначе/ куча воды/ закрытые глаза/ бородатый// Предположим что он умывается/ и собирается побриться//

Форма текста: письменный

Вид текста: сюжетный

Однажды в парикмахерскую зашёл гражданин. Он был очень лохматы и не бритый. Увидев его. Парикмахер предложил присесть в кресло. Для начала парикмахер накрыл его покрывалом, чтобы не запачкать стриженными волосами одежду, взял в руки ножницы и расчёску, и начал стричь. В стороны полетели волосы, ими засыпан был весь пол, в воздухе появились волосы, которые нехотя падали на пол. При этом активные действия парикмахера постоянно их поднимали вверх, что создавало некоторый дискомфорт как парикмахеру, так и посетителю.

Далее, после стрижки головы, парикмахер принялся на бритьё лица. Он намазал лицо пеной для бритья, взял острую бритву, и начал аккуратно сбривать щетину с щёк, подбородка и под носом.

В завершение, парикмахер причёсал посетителя, и попросил его посмотреться в зеркало. Посетитель остался очень доволен, поблагодарил парикмахера и покинул парикмахерскую.

Выйдя на улицу, посетитель встретил прохожего, который также был очень лохмат и небрит. Он рассказал ему о хорошей парикмахерской и мастере, который там работает. Он расхвалил работу мастера, рассказал о качественной работе, что мастер ни разу не поцарапал, не порезал клиента.

Услышав такие рекомендации, прохожий, конечно, решил посетить данную парикмахерскую. Зайдя в помещение, он увидел мастера, который убирал подстриженные волосы предыдущего клиента с пола. Увидев нового посетителя, парикмахер разволновался, растерялся и начал выражать своё недовольство по поводу отношения к себе со стороны клиента.

Вот так сложился день одной парикмахерской в небольшом уездном городе, в котором люди очень много работают, и не имеют времени для ухаживания а собой. А это осложняет работу парикмахеров, которые вынуждены тратить много времени на превращение клиента из неряшливого посетителя в ухоженного и довольного клиента.

Форма текста: письменный

Вид текста: несюжетный

История про один из обычных дней мужчины.

Ранним утром, как и в любой другой день, мужчина умывался после сна. Вода была холодная, так как накануне вечером отключили горячую воду (велись очередные работы по улучшению водоснабжения). Приготовившись к обжигающему холоду, мужчина набрал в руки воду и резким движением плеснул её в лицо. Уже в самом начале руки были абсолютно не готовы к такой температуре воды, он даже несколько раз их отдернул от потока воды из крана. Но деваться было некуда и, собрав всю волю в кулак, он всё же сделал задуманное действие.

Вода, попав на лицо, обожгла его, заставив сморщиться. Щетина на лице встала дыбом, стала колючей, что вызвало ещё больший дискомфорт для рук. Брызги от лица разлетелись по всей ванной, попали на зеркало, его потом пришлось вытирать. Часть капель упала на пол, мужчина потом чуть не упал, так как поскользнулся на воде и керамическом полу. Часть капель попала на грудь заставив также поёжиться.

Но, несмотря на все дискомфортные последствия умывания холодной водой, мужчина получил одну важную пользу. Он очень хотел спать, но холодная вода его моментально взбудила. После умывания он стал бодрым, чистым, готовым к трудовому дню.

Но, холодная вода не позволила ему реализовать одно мероприятие – бритьё лица. Холодная вода не позволила смягчить лицо, а следовательно, не дала безболезненно сбрить всю щетину. Помня предыдущее бритьё, мужчина весь изрезался, и лицо было всё в раздражениях.

Вот так прошло очередное утро мужчины, который умывался холодной водой.

Информант № 3

пол: мужской, **образование:** высшее, **возраст:** 26 лет

Форма текста: устный

Вид текста: сюжетный

Ну здесь в форме комикса/ или/ что-то похожее на комикс/ серия рисунков/ рассказана простая и забавная история// Молодой человек повышенной лохматости приходит к цирюльнику/ получает стрижку и бритьё/ выглядит замечательно/ выходит за дверь/ цирюльни/ и встречает своего брата-близнеца/ судя по всему потому что товарищ идентичен ему// Но только брат-близнец/ кото-

рого он встречает по выходу/ очень лохмат и небрит// И этот брат-близнец/ который лохмат и небрит/ заходит к парикмахеру снова/ который только-только убирает состриженную растительность/ оставшуюся после предыдущего уже постриженного брата// Ну естественно/ сам факт того что он только что человека подстриг/ а этот же человек/ естественно не этот же/ но/ парикмахер этого не знает/ приходит снова небритый и лохматый/ вызывает у парикмахера шок/ который очень ярко тут показан//

Форма текста: устный

Вид текста: несюжетный

Ну судя по всему это графическая картина выполненная в жанре гиперреализма/ потому что/ это явно рисунок/ но очень высокого качества/ техники имеется ввиду// Мужчина/ судя по всему/ принимает душ/ потому что струи/ падают/ как бы сверху вниз/ текут// У него закрыты глаза/ довольно страдальческий вид// Он не брит/ и вообще он выглядит как-то стремно/ скорее всего потому что он/ отработал смену на заводе/ и теперь стоит в душевой рабочей и смывает с себя пот и грязь/ накопившуюся за день// Ну что тут еще сказать/ ну не знаю/ мужчина в душе меня не интересует//

Форма текста: письменный

Вид текста: сюжетный

Однажды, невероятно заросший густым чёрным волосом и не брившийся несколько дней господин зашёл в цирюльню. Надо понимать, что это была не обычная цирюльня. Слава о ней ходила по всему городу, ведь сотрудники сего заведения отличались высочайшей квалификацией и готовностью решить задачу любой сложности.

Господин сел в кресло, полностью отдавая себя в руки цирюльника. Тот же, с видом невозмутимым и даже слегка надменным, приступил к работе. Ножницы сверкали в его руке, звонко щёлкая при каждом смыкании лезвий. Движения профессионала были отточены и быстры, сталь разве что не искрила, ведомая замыслом мастера.

Отрезанные пряди разлетались в стороны. Их становилось всё больше, могло показаться даже, что двух людей окружила стайка чёрных птичек. Наконец стрижка была закончена. Пришло время бритья. Цирюльник не жалел пены, густо намыливая лицо гостя. Сверкнула опасная бритва. Но бояться было нечего – твёрдая рука не оставляет порезов.

Оставалось сделать завершающие штрихи к обновленному образу некогда неухоженного господина. Расчёсывание, укладка волос, и вот, наконец, процедура закончена. Гость цирюльни не мог поверить своим глазам – на него из зеркала смотрело другое лицо, со всё же знакомыми чертами. Мастер же сохранял вид невозмутимый и надменный.

Господин вышел на улицу, где встретил своего брата-близнеца. И по невероятному стечению обстоятельств означенный брат вид имел до безобразия неухоженный, будучи заросшим и небритым, как и его близнец несколькими мгновениями ранее. Слово за слово, и вот уже волосатый господин за номером два, вошёл в цирюльню.

Ошеломлению мастера не было предела. Разом исчезли самоуверенность и надменный вид. Неподдельное хладнокровие оставило его, ведь перед ним предстал тот же самый господин, чьи состриженные волосы он ещё даже не успел убрать с пола цирюльни. Удивительно, как судьба может глумиться над человеком!

Форма текста: письменный

Вид текста: несюжетный

Перед нами картина, выполненная в стилистике фотореализма. Цветовая гамма её монохромна, что, вероятно, было сделано автором сознательно, дабы подчеркнуть настроение изображённого.

Мы видим лицо мужчины. Глаза его крепко зажмурены.

Может в них попал шампунь?

А может воспоминания о былом?

Вода струится вниз по его голове, но брызги можно наблюдать в стороне от лица. Быть может это метафора жизни, разлетающейся в стороны, стремительно и безудержно, а быть может просто художественный приём, для придания картине динамики и для усиления эффекта пойманного момента.

Иногда брызги воды – это всего лишь брызги воды. Даже на картине, выполненной в стилистике фотореализма.

Но почему же так глубоки морщины вокруг глаз, почему растительность на лице придаёт не брутальности и солидности лицу изображенного человека, а лишь подчёркивает запущенность его

внутреннего состояния? Что же мы видим – банальную водную процедуру или запечатленную попытку смыть с себя навалившуюся тяжесть бытия? А может художнику просто нравится прорисовывать завораживающую структуру подвижной воды?

Иногда вода, стекающая вниз – это просто линии и штрихи. Особенно, когда речь идёт о картине, выполненной в стилистике фотореализма.

А быть может человек на картине счастлив, а глаза его зажмурены лишь для того, чтобы в них не попала вода. Просто день был жарким, освежающий душ придаст бодрость духу и телу. Переживания, приписываемые изображенному, не имеют в таком случае отношения к нему.

Иногда описание картинки – это всего лишь описание картинки, излишняя драматизация здесь неуместна. Ведь речь идёт про обыкновенную репродукцию картины, выполненной в стилистике фотореализма.

Информант № 4

пол: мужской, **образование:** высшее, **возраст:** 40 лет

Форма текста: устный

Вид текста: сюжетный

Пришел посетитель/ поздоровался/ к парикмахеру// Парикмахер надел на него простынь// Парикмахер начал подстригать// Подстригает/ подстригает/ подстригает/ сильно подстриг/ с пеной/ расчесал// Понравилось/ посетителю// Затем/ мне кажется/ он прорекламентировал эту парикмахерскую другому// И другой приходит/ в парикмахерскую и тот удивляется/ что он снова пришел/ но это не он//

Форма текста: устный

Вид текста: несюжетный

Мужчина// Небритый// Под душем/ или под дождем/ закрыл глаза// Возможно он устал// Ему тяжело/ потому что сильно/ он сжал глаза/ веки// Мужчине лет 45-50// Занимающийся/ ориентировочно ручным трудом// Он испытывает тяжесть/ усталость// Можно сказать что есть даже слеза/ но не знаю/ точно//

Форма текста: письменный

Вид текста: сюжетный

Мужчина, который давно уже не приходил в парикмахерскую или просто решил поменять имидж, приходит подстричься. Подходит к парикмахеру и снимает шляпу. Парикмахер вежливо предлагает ему занять место для подстрижки и перед зеркалом. Надевает на клиента простынь и начинает процедуру изменения внешности клиента.

Процедура подстрижки идет очень активно. Черные волосы летят в разные стороны. Парикмахер очень умело и с большой радостью, как видно по его лицу, справляется со своей работой. Проходит несколько минут, а может и часов, и парикмахер достигает своей цели. Прическа доведена до своего апогея. Но, вот незадача, клиента необходимо еще и побрить, чтобы все было в лучшем виде. И начинается новый этап работы.

С помощью бритвы и густой пены парикмахер достигает своей поставленной цели. Он не забывает и про надлежащий вид и носа клиента. Также он реализует не только стрижку, но и укладку волос клиента. И вот и все!

Мужчина смотрится в зеркало и не может себя узнать. Это не он, это просто красавчик в зеркале. Он в восторге, как и в восторге сам парикмахер от своей великолепно выполненной работы. Клиент уходит и встречает на улице своего брата или родственника, а может и дальнего родственника, который идет мимо по улице. Предлагает ему также поменять имидж и сделать прическу. Показывает на парикмахерскую, откуда он только что вышел. Рассказывает, какой там уникальный, великолепный сервис.

А лозунг этой парикмахерской: Всегда индивидуально, качественно и творчески! Точно такой же как у факультета ПИХО:

Факультета ПИХО:

Всегда индивидуально,

качественно

и творчески!

Далее он заходит в парикмахерскую и его встречает удивленный парикмахер...

Форма текста: письменный

Вид текста: несюжетный

Мужчина около 45-50 лет. С бородой и усами, смуглый. Давно, вероятно несколько дней или недель не бритый. Ориентировочно спортивного телосложения. Да точно спортсмен, занимающийся анаэробными видами физических упражнений. Волосы длинные.

Лицо его знакомо, такое ощущение, что он работал в нашем институте или живет в нашем городе. Или может быть учился в нашем институте по специальности «Физическая культура и спорт».

2 варианта: первый он под дождем. Он закрыл глаза так как дождь очень сильный. Второй вариант – он под душем – он также глаза закрыл, так как струя воды очень сильная.

Очень сложно что-либо написать по этой фотографии, так как информации на ней очень мало. Можно конечно активно пофантазировать или додумать различные ситуации.

Возможно ему грустно и он плачет под водой. А может он счастлив, он смывает с себя все усталости, все проблемы жизни.

Да определенно он чем то знаком. Он после рабочего дня. Вышел на улицу и под дождем расслабляет и снимает всю усталость этого дня.

Определенно вода теплая и ему под ней комфортно. А может быть он не под дождем и не под душем, а просто вылил на себя ведро воды или кто-либо на него вылил.

Интересно, почему фотография сделана чуть сбоку, и он как-бы находится от нас справа, может быть здесь есть какой-либо скрытый смысл. И слева что-то тоже изображено. А может быть на изображении он вообще не один и их много, стоящих под струями воды.

Информант № 5

пол: мужской, **образование:** высшее, **возраст:** 41 года

Форма текста: устный

Вид текста: сюжетный

Так/ ну/ это определенно/ комикс// Значит/ здесь изображены/ два действующих лица// Это клиент/ или посетитель салона парикмахерской/ даже браздобрения/ мужского салона// Соответственно/ парикмахер/ стилист или мастер// Соответственно на первом// На первой картинке на первом кадре комикса/ с почтением встречается гость/ клиент/ затем / собственно начинается процесс подготовки к стрижке/ затем мастер/ видимо/ производит какие-то манипуляции/ планирует смотреть видимо/ ну видимо убеждается в том как он будет стричь/ ну и затем соответственно начинается/ процесс стрижки// На третьей/ четвертой/ пятой страничке/ ой картинке// Стрижётся/ убираются все эти лохмы/ приводятся к прекрасному внешнему виду/ и соответственно на/ шестой уже/ картинке// Уже приводится в порядок щетина борода/ выбривается даже из-под носа/ все эти волоски/ и на девятой/ очень радостный/ довольный работой мастера/ клиент/ встает/ и испытывает видимо удовольствие/ но на следующей картинке на/ раз два три/ четыре пять шесть семь восемь девять/ на десятой картинке появляется/ то ли двойник/ то ли брат/ двоюродный/ ну в общем/ очень похожий/ клиент/ точно такой же/ только// таким же был// То есть второй клиент который/ очень похож/ на первого клиента до стрижки/ ну соответственно на последней картинке на/ на одиннадцатой/ этот новый клиент заходит/ и мастер/ приводя в порядок// Рабочее место очень сильно удивлен/ тем что он встречает// Почти точно такого же человека/ и он уже снова зарос// Поэтому испытывает удивление//

Форма текста: устный

Вид текста: несюжетный

Так/ здесь// На картинке изображен мужчина// Лет/ сорока/ сорока пяти// По виду/ очень/ похож/ на// Какого-то киноактера известного// Да// и/ по/ картинке/ ощущение такое что он/ либо только что вынырнул/ из воды/ либо/ он/ принимает душ/ ванную/ в бане ополаскивается/ и/ по его лицу стекают/ а капли воды/ соответственно он зажмуривается// Такое ощущение/ что он// По-моему просто принимает ванну// У него все лицо/ покрыто щетиной/ может быть он как раз перед тем как/ основываясь на опыте первой картинке/ иллюстрации из комикса/ ну возможно/ он готовится тоже принимать/ душ/ бриться/ приводить себя в порядок// Вот// Как я сказал мужчина лет примерно сорока/ сорока пяти// Возможно он уже смывает с себя// Пену от шампуня/ или бальзама-ополаскивателя/ что там еще// В принципе все//

Форма текста: письменный

Вид текста: сюжетный

Мужчина зашёл в парикмахерскую, его встречает вежливый мастер и протягивает руку в приветствии, возможно для того, чтобы поздороваться.

В привычной последовательности начинается процесс стрижки: укрывает, состригает волосы на голове, сбривает бороду, покрывая пеной и опасной бритвой убирая волоски в трудно доступных местах. Причёсывает, явно довольный проделанной работой, и, показывает результат. Мужчина приятно удивлён, глядит на себя в зеркало, осматривает.

Выходит на улицу и встречает такого же мужчину, каким был до стрижки. Возможно это его брат близнец или очень на него похожий.

Мужчина спрашивает, где тот постригся и к какому мастера он обращался. Мужчина указывает на дверь, из которой он только что вышел.

Второй мужчина, неподстриженный, входит в парикмахерскую, и там его встречает мастер, решивший, что это предыдущий мужчина, и что с ним либо случилось «дежавю», либо у первого мужчины вновь так быстро отросли волосы и щетина.

Форма текста: письменный

Вид текста: несюжетный

На втором фото - портрет мужчины, выполненный в стиле фото в чёрно-белом цвете.

По разлетающимся брызгам воды, ощущение, что мужчина стоит под душем или его обливают из ведра как после жаркой парилки. По выражению лица складывается ощущение, что у мужчины был не простой день, и он устал.

Информант № 6

пол: мужской, **образование:** высшее, **возраст:** 49 лет

Форма текста: устный

Вид текста: сюжетный

Клиент парикмахерской/ пришёл/ подстричься/ подстричься// Человек такого бомжеватого вида/ явно/ наверное собирается устраиваться на работу/ приводит себя в порядок// Стрижка/ процесс стрижки показывает насколько он зарос/ сильно// Последняя/ одна из последних картинок/ демонстрирует/ как он преобразился/ но на улице встречает точную свою копию// Это видимо брат-близнец/ который возвращается в парикмахерскую и приводит парикмахера в шок/ в шоковое состояние//

Форма текста: устный

Вид текста: несюжетный

Человек видимо испытывал сильную жажду// Где-то/ в очень условиях находится жаркого климата/ очень жаркого климата// Долго был без воды// Ну вот/ набрел на источник// И/ может быть даже наслаждается// Ему явно не очень хорошо/ что в принципе закономерно после/ того/ как/ долго испытываешь дефицит/ воды/ жажду// Может быть он/ вот/ такая мимика связана с тем/ что/ вода на лицо/ плещется/ да и просто инстинктивная/ такая/ реакция мышц/ лицевых мышц//

Форма текста: письменный

Вид текста: сюжетный

Если судить по деталям одежды и инструменту время действия 50 – 60-е годы прошлого века. Такие плащи и шляпы сейчас почти не носят. Парикмахер работает ножницами и опасной бритвой. Кресло выглядит как исторический артефакт из семидесятилетнего прошлого. Сама профессия в наше время стала почти исключительно женской.

У нарисованного субъекта явный контраст между вполне приличной одеждой и неухоженной головой. Он слишком долго пренебрегал услугами парикмахера и не часто брал в руки бритву. Осознав опасность педикулеза и болезненного раздражения от постоянного расчесывания щетины, он решил наконец обратиться к парикмахеру. По счастью ему попался крайне деликатный и умелый цирюльник. Лицо этого персонажа просто лучиться вежливостью при появлении не слишком ухоженного клиента. К тому же внешний вид последнего обещает заработок выше обычного.

Судя по картинкам с изображением процесса, это действительно специалист. Его не смущает сложность работы. Он остается невозмутим, приступая к стрижке. Ножницы просто поют в его руках, не оставляя ни единого шанса лишней пряди или волосу. Опасная бритва в руках профессионала легко и безболезненно справляется с застарелой щетиной. Стрижка быстро подходит к

концу. Отточенные движения бритвой убирают последние остатками небритости, расческа завершает укладку волос.

Результат впечатляет благодарного клиента. Его лицо сияет гладко выбритой кожей, короткая и аккуратная прическа создает почти забытое ощущение свежести и легкости. Сам создатель шедевра по-прежнему невозмутим. Весь его вид говорит о неизбежности такого финала.

Два последних изображения добавляют юмора ситуации. Оказывается этот, заросший тип был не один. Наверняка он делится впечатлениями со своим братом близнецом, который то же не отличается любовью к бритве и ножницам. Его появление в парикмахерской заставляет цирюльника лишиться обычного самообладания. Он шокирован столь быстрым восстановлением волосяного покрова на голове только что обслуженного клиента.

Форма текста: письменный

Вид текста: несюжетный

Мужчина, измученный жарким солнцем, наконец, добрался до источника живительной влаги. Он еще не верит в свое избавление, но первые глотки воды уже сделаны, жажда утолена. Остается остудить иссушенное жарким солнцем тело.

Человек черпает руками воду и опрокидывает импровизированную чашу себе на лицо. Капли разбиваются о кожный покров, разлетаются мелкими брызгами в стороны. Мышцы непроизвольно сокращаются, образуя многочисленные складки. По ним, как по руслу рек стекают ручейки воды, попадая на шею, плечи, текут по рукам и падают на землю. Холодная влага постепенно проникает в поры, организм впитывает ее энергию и восстанавливает силы. Дальше можно смыть пот, кристаллизовавшийся в соль, сбрить двухнедельную щетину...

А завтра снова в поход, лето будет долгим и жарким, до осенней прохлады еще далеко. За эти летние месяцы предстоит пройти сотни миль, а значит, еще не раз, придется испытать жажду, сбросить немало пота. И каждый раз нужно будет искать желанный источник живительной влаги, которая даст новые силы для долгого и дальнего путешествия.

Впрочем, этот парень может быть обыкновенным алкашом, голова которого раскалывается после неумеренных возлияний минувшего дня. Вода, одно из немногих средств, способных доставить ему хоть какое то облегчение. А может это хипстер был... Сейчас он ополоснется, и снова вернется к своим интеллектуальным занятиям, для которых ночь оказалась слишком короткой.

Вполне возможно, что это фрагмент рекламы Олд Спайс. Был такой лосьон после бритья. Несколько лет назад его навязчиво рекламировали.

Все, на этом моя фантазия иссякла, мало ли по какой причине этот мужик, плещет на себя воду или что-то там еще. Не описывать же каждую каплю, или каждую щетинку этой небритой рожи :-).

Написал почти целую страницу, надеюсь этого будет достаточно для Вашего эксперимента. Извините если что-то сделал не так.

Информант № 7

пол: мужской, **образование:** среднее, **возраст:** 26 лет

Форма текста: устный

Вид текста: сюжетный

Я вижу/ что пришел мужчина в парикмахерскую/ поздоровался/ шляпу снял свою// Видимо то что это/ сказал то что подстричься надо// Парикмахер довольный// Сел на кресло/ посетитель// Ну потом его стричь начали// Подстригли// Только волосы почему-то так разбросаны/ летят// Подстригли// Потом голову помыл/ намылил// А это не голова/ тут походу ему бороду брить собираются// Бороду сбрил// Потом что/ усов тоже нету// Значит в носу ковырялся/ да// Потом что/ потом еще волосы/ потом прическу/ наверное/ сделал он// Прическу сделал/ потом стрижка закончилась// Посетитель полюбовался в зеркало/ остался довольный// А дальше он вышел на улицу/ брата своего увидел/ близнеца// Близнец пошел стричься// Парикмахер в шоке//

Форма текста: устный

Вид текста: несюжетный

На этой картинке/ я вижу/ скорченное лицо// Как будто ему в лицо воду холодную налили/ плеснули// Ему неприятно/ конечно// Он ужасно точно не выглядит// У него на лице водичка/ глаза закрыты/ борода//

Форма текста: письменный

Вид текста: сюжетный

На картинке изображается комикс. Действие первое: Мужчина пришел в парикмахерскую, вежливый парикмахер предлагает клиенту присесть в кресло.

Действие второе: Парикмахер накрывает клиента накидкой.

Действие третье: Парикмахер взял ножницы в правую руку и держит прядь волос клиента.

Действие четвертое: Парикмахер делает стрижку клиенту, а тот сидит спокойно и покладисто.

Действие пятое: Волосы клиента летят во все стороны. Парикмахер очень старается.

Действие шестое: Парикмахер намазывает пеной для бритья на лицо клиенту.

Действие седьмое: Парикмахер бреет клиента аккуратно и с осторожностью.

Действие восьмое: Парикмахер доделывает последние штрихи в стрижке.

Действие девятое: Парикмахер снимает накидку с клиента, тот встает и смотрит в зеркало. Ему определенно нравится его новая стрижка. А вокруг кресла и под ним раскиданы густые клочья волос.

Действие одиннадцатое: Клиент вышел из парикмахерской и встретил прохожего, который тоже собирается подстригаться, мужчина посоветовал ту самую парикмахерскую, в которой он сам стригся.

Действие двенадцатое: По совету мужчины, прохожий пошел в парикмахерскую которую он посоветовал и там он встретил парикмахера, который убирал за предыдущим посетителем. Парикмахер очень удивился, что к нему снова пришел такой же обросший клиент.

Форма текста: письменный

Вид текста: несюжетный

На фотографии я вижу мужчину примерно 37-ми лет. У него темные волосы и короткая мужская стрижка, на лице щетина, нос картошкой, пухлые губы, а так же густые черные брови.

Судя по всему, мужчину обрызгали водой. Я считаю, что по его выражению лица можно понять отвращение. Брызги воды разлетелись во все стороны. Капли воды попали мужчине на лицо. Видно, как они стекают с его бороды, носа, щек и глаз.

После тяжелого рабочего дня, мужчина возвращался домой. Уставший, обессиленный от большой нагрузки, голодный и измазанный майонезом от гамбургера, он хотел поскорее принять душ и нормально поужинать, а затем доделать некоторые дела по работе. На парковке, где стояла его машина, шла женщина с детьми примерно 11-12 лет. Дети играли с водяными пистолетами и брызгали друг в друга. Мужчина немного возмущился, что вода попала на его ботинки. От этого у него ухудшилось настроение и в придачу к этому его машина долго не могла завестись.

Около дома его снова поджидала неприятность. Соседская кошка нагадила на скамейку, куда он хотел присесть и немного подышать свежим воздухом. Затем он зашел в подъезд и увидел вывеску на лифте, что он сломан. Пришлось подниматься пешком на 12 этаж. И так вымотанный до изнеможения, бедный мужчина еле добрался до своей квартиры, где уже караулила его жена, чтобы тот вынес мусор и сходил в магазин за продуктами. Вздыхнув, ему пришлось послушаться жены.

Мужчина возвращался из магазина и как вдруг с балкона 14-ти этажного дома, кто-то опрокинул таз с водой прямо на него. На его лице зависла гримаса ненависти и отвращения. Мокрый и злой, мужчина отправился домой.

Информант № 8

пол: мужской, **образование:** среднее, **возраст:** 34 года

Форма текста: устный

Вид текста: сюжетный

Человек пришел/ к парикмахеру// Стрижется// При чем это не просто парикмахер/ а бровей еще// Сделал прическу/ побрил// Мужчина пришел заросший к парикмахеру/ в барбершоп/ или парикмахерскую/ я не знаю// Следующая картинка// Значит/ стандартная процедура/ парикмахер/ значит/ надевает фартук/ и дальше/ на следующих картинках/ происходит процедура/ стрижки/ и бритья/ пациента/ клиента// Клиент/ судя по картинке/ доволен// И на двух последних картинках/ значит/ такая ситуация// Приходит/ значит/ идет прохожий и спрашивает// Где бы я мог подстричься/ у прохожего// Прохожий говорит ему// Вот в эту дверь// Заходит очередной клиент/ тоже обросший// И один в один/ как предыдущий/ парикмахер очень сильно удивлен/ потому что работа была проделана парикмахером большая//

Форма текста: устный

Вид текста: несюжетный

По-моему это актер/ Том Харисон// Это зафиксированный момент когда/ на его лицо плеснули/ стакан/ или ведро воды// Получилась такая масочка из воды// Он закрыл глаза/ тоже/ кстати/ небритый// Может это не Том Харди/ но очень похож// Наверняка/ в цветном варианте/ это очень выглядит красиво/ потому что капли/ разлетаются/ очень крупный план// Большой нос/ глаза/ взрослый мужчина/ лет 40// Ему неприятно// Он не испытывает что-то неожиданное/ он наверняка знал/ что в него плеснут водой/ но для него это неприятно/ на мой взгляд//

Форма текста: письменный

Вид текста: сюжетный

Картинка 1:

Весьма заросший джентльмен приходит в парикмахерскую, точнее в барбершоп(парикмахерская для мужчин), что бы постричься и побриться. Его встречает вежливый и ухоженный парикмахер-стилист, который достаточно уверен в себе и хорошо знает свое дело.

Картинка 2:

Посетитель расположился в кресле и мастер с невозмутимым видом традиционно накрывает его большим фартуком, что бы волосы не попали на тело и одежду.

Картинка 3:

Парикмахер, судя по выражению лица находится в предвкушении процесса любимого дела, у его в руках традиционные инструменты, ножницы и расческа.

Картинка 4:

Процесс начался, волосы клиента падают на фартук, мастер ловко и с удовольствием орудует ножницами, явно наслаждаясь процессом стрижки.

Картинка 5:

Работа кипит, мастер полностью погружен в процесс. Волос настолько много, что они в большом количестве клочьями разлетаются в разные стороны.

Картинка 6:

Стрижка волос на голове завершена. Парикмахер приступил к бритью. В его руках помазок с пеной и в кресле клиент, готовый к процессу.

Картинка 7:

Мастер совершает последние штрихи бритья опасной бритвой, удаляя остатки щетины на верхней губе и придерживая большой нос клиента.

Картинка 8:

На завершающем этапе цирюльник делает причёску массажной расческой, явно довольный собой и результатом.

Картинка 9:

Здесь парикмахер уверенный за качество своей работы показывает результат клиенту, используя зеркало. Джентльмен очень доволен.

Картинка 10:

Клиент, выйдя из парикмахерской, встречает своего брата близнеца, который выглядит точно также, как тот до стрижки и советует ему сходить в ту же парикмахерскую.

Картинка 11:

Обросший близнец заходит в салон, приветствуя мастера. Парикмахер в шоке, не прошло и пяти минут после ухода клиента, как он возвращается вновь обросшим как был.

Форма текста: письменный

Вид текста: несюжетный

На данном фото мужчина, очень похожий на Тома Харди. Том Харди - Английский актёр театра и кино, продюсер и сценарист. Обладатель премии BAFTA, номинант на премию «Оскар», основатель компании Hardy, Son&Baker. Прославился благодаря фильму «Стюарт: Прошлая жизнь», где он сыграл роль наркомана и бездомного Стюарта Шортера, принёсшую ему номинацию на премию BAFTA. Также известен по своим главным и второстепенным ролям в таких фильмах, как «Бронсон», «Рок-н-рольщик», «Начало», «Воин», «Легенда», «Самый пьяный округ в мире», «Тёмный рыцарь: Возрождение легенды», «Лок», «Безумный Макс: Дорога ярости», «Выживший», «Дюнкерк» и «Веном».

Это профессиональное постановочное фото, стоп-кадр. По фото видно, он знал, что ему в лицо плеснут водой и был готов к этому. Но ему, судя по выражению лица, не приятно. Даже если

на фото не Том Харди, то это в любом случае мужчина около 40 лет, сильный и волевой человек, а 2-х недельная щетина придаёт ему ещё большую уверенность в себе. Скорее всего он в реале по пояс раздетый, что бы не намочить одежду.

Во время фотосессии наверняка сделаны и другие фото и с другими людьми в той же ситуации, что бы зафиксировать и изучить реакцию человека на выплеснутую в лицо воду. Это серия фотографий знаменитостей, в лицо которых плеснули водой. Думаю это очередной бесполезный социальный эксперимент, коих сегодня огромное множество к сожалению. Может быть это просто серия фотографий для широкой публики, что бы удовлетворить ее потребность в знать как можно больше самой ненужной информации о своих кумирах.

Я бы не хотел, что бы мне в лицо плеснули водой, сфотографировали и представили на всеобщее обозрение. Непросто быть известным человеком. Порой приходится делать то, что говорят тебе продюсеры и PR-менеджеры и это не всегда тебе нравится. И это все для того, что быть в тренде и удовлетворять запросы публики.

Информант № 9

пол: мужской, **образование:** среднее, **возраст:** 25 лет

Форма текста: устный

Вид текста: сюжетный

Я вижу вежливого парикмахера который встречает/ обросшего гостя// Он относится к своей работе очень серьезно/ он его/ обслуживает/ подстригает делает свою работу/ судя по выражению лица/ очень качественно/ и он очень старается// Прямо очень старается он/ он очень все хорошо сделал// Далее этот клиент выходит/ и встречает /другого/ такого же обросшего// Ну парикмахер не успел еще убрать предыдущее// Отходы рабочие/ и/ в страхе видит такого же/ второго//

Форма текста: устный

Вид текста: несюжетный

Пожилой человек// Глаза очень грустные/ уставшие/ но на лице как будто бы скрытая улыбка/ он очень доволен плескаться в водичке// Может быть его зовут Николай// Мне кажется/ он доволен тем/ что закончился рабочий день/ или какая-то тяжелая работа// Он давно не брился/ наверное нет времени/ или/ или ему нравится так быть/ таким ходить// Еще он немножко похож на Брежнева/ и нос картошкой/ свеклой/ наверное/ даже// Я думаю он разведен/ вот почему у него такая щетина холостяка/ ну как у меня//

Форма текста: письменный

Вид текста: сюжетный

Неопрятный мужчина пришёл к педантному парикмахеру. Парикмахер был очень вежлив, чувствовалось его мастерство, профессионализм, любовь к делу. Он был перфекционистом своего дела. Работа предстояла трудная. Педантный парикмахер принялся за работу. Работе не было ни конца, ни краю. Он очень старательно работал: расчёсывал, стриг, так как было очень много работы. Волосы летели во все стороны. Он его даже помыл. Подстриг бороду. Сделал укладку. Клиент был удивлён работой. Он встретил такого же ободранного челика и порекомендовал сходить к этому парикмахеру. Челик прислушался и пришёл к нему. Мастер ещё не успел даже прибраться. Он не хотел всё это повторять заново. Вот так любимая работы становится однообразной.

Форма текста: письменный

Вид текста: несюжетный

На картине стоп-кадр. На ней изображён мужчина в возрасте. На картине много брызг. Вода кругом. Он очень хотел стать Акваменом. Грустил, потому что он им не стал. Ему очень больно, а с Джонсон Бэйби глазки бы не щипало. Он не смотрит рекламу, да и телевизор в целом. Иначе он был знал, то такое Джиллет с пятью лезвиями для гладкого и качественного бритья. У него нос картошкой, большие ноздри. Может он делал ремонт или сверлил дрелью со сверлом на 12 мм, а теперь отмывается от пыли. А ещё он не любит собак. Когда они ему снятся, он просыпается в холодном поту и идёт в душ, как на фото. Он всегда грустный, и от этого у него много морщин. Он – человек-грусть, а не Аквамен.

Информант № 10

пол: мужской, образование: среднее, возраст: 45 лет

Форма текста: устный

Вид текста: сюжетный

Скорее всего очевидно в парикмахерскую заходит молодой человек небритый/ не стриженный/ снимает шляпу приветствует парикмахера/ после чего парикмахер высаживает его в кресло и начинает стричь// Для начала он приводит в порядок его прическу волос летит очень много// Парикмахер весь в работе// После этого он начинает его брить/ намыливает ему подбородок и шею/ кажется даже подстригает волосы в носу после чего высушивает расчесывает его/ клиент смотрится в зеркало очень довольный// Всё сияет на полу много волос// Клиент выходит на улицу и там встречается человека который выглядит точно также как он/ в самом начале рассказа// Советует ему парикмахерскую// Этот нестриженный человек номер два заходит в парикмахерскую у парикмахера шок/ потому что он видит ровно того же человека которого он только что подстриг и побрил//

Форма текста: устный

Вид текста: несюжетный

На картине изображен/ мужчина// С весьма уверенной степенью небритости и/ такое ощущение как будто ему/ плеснули/ в лицо стаканом воды// Возможно он находится в душе/ на самом деле/ и это просто стекает душ он зажмурился свел брови/ по его лицу стекает вода/ также брызги разлетаются в стороны// Выражение лица у него/ непонятное// Либо/ это долгожданный душ/ либо он измучен/ и/ ему неприятно/ либо он зажмуривается от холодной воды// Расстроен он или радуется на самом деле не очень понятно слегка приоткрыт рот/ зажмурены глаза//

Форма текста: письменный

Вид текста: сюжетный

На картинке изображен комикс. Небольшая юмористическая миниатюра из одиннадцати скетчей. Скетч первый. Небритый и лохматый мужчина заходит к парикмахеру, приветствует его, снимая шляпу. Гладко выбритый и аккуратно подстриженный парикмахер приглашает его занять место в кресле.

Скетч второй. Первый мужчина устроился в кресле, парикмахер укрывает клиента специальной накидкой.

Скетч третий. Парикмахер виртуозно орудует ножницами и расческой.

Скетч четвертый. Парикмахер продолжает свою работу, он явно получает удовольствие от того, что он делает. Волосы начинают лететь во все стороны.

Скетч пятый. Работа кипит. Вот теперь волосы уже точно летят во все стороны.

Скетч шестой. Парикмахер приступил к бритью, обильно намылил подбородок и шею клиента, взбив плотную пену.

Скетч седьмой. Опасной бритвой парикмахер заканчивает бритье, удаляя последние волоски под носом.

Скетч восьмой. Парикмахер заканчивает стрижку, добавляя последние штрихи.

Скетч девятый. Парикмахер снимает накидку, клиент смотрит в зеркало и оценивает результат.

Скетч десятый. Мужчина вышел из парикмахерской и встретил еще одного мужчину, который выглядит точно так же как он в первой скетче. Он показывает ему, на парикмахерскую.

Скетч одиннадцатый. Новый небритый мужчина заходит в парикмахерскую. Парикмахер, занятый уборкой после предыдущего клиента, видит человека, которого он, казалось бы, только подстриг и побрил. Его челюсть падает на пол.

Форма текста: письменный

Вид текста: несюжетный

Черно-белое фото. На фото мужчина, скорее всего тридцати-тридцати пяти лет, не бритый. У мужчины темные волосы, едва прикрывающие уши, темные брови. Можно увидеть немного мимических морщин вокруг глаз и в районе носогубных складок. У мужчины крупный нос, кончик носа опущен, густые брови. Видно только лицо.

Мужчина находится либо в душе, либо ему плеснули водой в лицо, либо он сам это сделал, когда, например, умывался. Предположить это можно, потому что крупные струи и капли воды не только падают вниз, но и отлетают в стороны.

Мужчина крепко зажмурился. На лице сложно прочесть эмоцию. Довольно расслабленная нижняя часть лица – рот чуть приоткрыт, губы не сжаты, щеки и челюсть не напряжены, подбородок

не поджат. Это позволяет предположить, что вода ожидаема и не вызывает неприятных ощущений, скорее всего, мужчина все-таки принимает душ.

Брови сведены, глаза крепко зажмурены. Чувствуется напряжение, преодоление. Можно предположить, что мужчина испытывает облегчение после тяжелого дня или изнурительного труда.

Информант № 11

пол: мужской, **образование:** среднее, **возраст:** 50 лет

Форма текста: устный

Вид текста: сюжетный

Ну на этой картинке мне кажется показана доброта/ человека отзывчивость/ что вот был не особо состоятельный человек судя по внешнему виду// Он пришёл/ привел себя в порядок/ привел в порядок свой внешний вид /и стал смотреться гораздо лучше// Встретил на улице такого же знакомого как и он и посоветовал ему пойти к тому же/ парикмахеру/ или как это правильно называется/ чтобы/ он смог стать таким же// Из-за этого теперь ходит много клиентов к парикмахеру// Я вижу двух людей// Человека который любит свою работу/ и человека который/ возможно хочет найти работу/ и поэтому пришел изменить себя// Возможно он даже не заплатил потому что тут нет картинки как он платит за/ преображение/ за свое// Но это возможно/ но не факт//

Форма текста: устный

Вид текста: несюжетный

Ну картинка двоякая/ эмоциональная с одной точки зрения// Похоже на человека который/ принимает душ/ может это не душ/ может он пытается что-то с себя смыть/ или наоборот он пережил какое-то эмоциональное потрясение и так пытается придти в себя и успокоиться// Очень странно что/ вода только на одной/ на передней части лица/ а сзади ее как будто бы нет// Возможно он умывается тогда// Но опять же судя по эмоциям/ по выражению лица/ мне кажется это после какого-то эмоционального потрясения когда ему было плохо// Я вижу боль на его лице// Такое чувство что на лице боль либо какое-то неприятное ощущение// Ну то есть ему действительно может быть плохо он что-то смывает с себя либо наоборот он умывался и ему попало мыло в глаза и ему стало от этого больно и плохо// Но судя по тому что он не особо бритый/ скорее всего наверное/ ему плохо/ потому что больно таким людям не бывает/ мне так кажется//

Форма текста: письменный

Вид текста: сюжетный

Эту картинку можно рассматривать с разных сторон. Возможно, ее даже показывают на курсах маркетинга, когда нужно привести успешный пример клиенто-оборота. В целом, на мой взгляд, данный комикс повествует о человеческой доброте и взаимоотношениях. Тех, которые сейчас не всегда имеют место быть в нашем обществе. Если обратить внимание на ход событий, то можно заметить несколько интересных деталей.

Здесь не рассматриваются денежные вопросы. Есть человек, который хочет изменить свою жизнь и обращается за помощью к другому человеку. Именно за помощью, а не за услугой (хотелось бы верить). Видно, что формируется цепочка, после того, когда подстриженный человек рассказывает о произошедшем своему знакомому. Возможно, ребята которые ходят стричься, они бездомные, и именно поэтому они надеются, что такое преображение единственный выход для них, чтобы изменить себя и найти работу.

Все зависит от того, с какой стороны взглянуть на эту историю. Будь возможность, я бы ее немного раскрасил цветными карандашами и возможно она бы заиграла немного по-другому.

Форма текста: письменный

Вид текста: несюжетный

Взглянув на эту картинку поподробнее, мое мнение изменилось. Теперь для меня это олицетворяет лишь одну историю и эмоцию – отчаяние и желание смириться с произошедшим. Положительных эмоций я не вижу.

Один из вариантов, что человек сделал что-то плохое, и пытается с помощью воды смыть с себя какие-то неприятные ощущения, которые остались после случившегося. На лице нет ни капли сожаления о произошедшем. Прощать себя он тоже не хочет, хоть и пытается.

Второй вариант – его пытаются. У него нет другого выхода, кроме как смириться с тем, что происходит, и в надежде, что хоть что-то изменится, но пока перспектив в жизни не планируется.

Поэтому остается радоваться каждому моменту, даже тому, который делается для того, чтобы причинить тебе боль. Или хотя бы делать вид.

Если разукрасить эту картинку, то ничего для меня не изменится, в отличии от того, как это было в первом варианте.

Как по мне, они немного взаимосвязаны с первой картинкой и направлены на демонстрацию противоречия о том, что внешний вид влияет на восприятие человека. Возможно, если бы он был побрит, то это было бы похоже на утренние водные процедуры, но сейчас это не так.

Информант № 12

пол: мужской, **образование:** среднее, **возраст:** 43 лет

Форма текста: устный

Вид текста: сюжетный

Ага/ ну значит гражданин/ пришел в парикмахерскую/ ага/ присел значит/ на место/ для обслуживания// Парикмахер/ стал подстригать/ своего клиента/ вот// После подстрижки решил его побрить/ чем и занялся// Далее значит/ после того как он его побрил/ высушил голову/ ну то есть/ клиент видимо остался доволен// После этого они еще обменялись парой слов/ и/ клиент покинул парикмахерскую//

Форма текста: устный

Вид текста: несюжетный

Это мужчина/ вот// Он видимо/ принимает душ/ либо попал под дождь/ вот// Он видимо очень давно не мылся// Я думаю ему нравится мыться/ да/ я думаю ему нравится// Ну вот/ судя по щетине/ и/ такое предположение/ что он не мылся давненько/ не брился/ не мылся/ судя по тому что он/ по его щетине/ что он помоеется и сразу приступит к тому/ чтобы побрить себя//

Форма текста: письменный

Вид текста: сюжетный

На картинках с общим названием "действие", я вижу мужчину, который пришел в парикмахерскую с очевидным желанием подстричься, он поприветствовал мастера сняв головной убор, необычно то что парикмахер мужчина, в наше время эту работу обычно делают женщины, хотя изначально этим видом оказания услуг занимались мужчины, но это было давно. Сейчас парикмахеры мужчины встречаются, крайне редко. Мужчина судя по длине и объему волос, давно не подстригался и не брился, он сел в кресло, парикмахер принялся за свою работу, а именно начал со стрижки, затем побрил своего клиента. Парикмахер остался доволен своей работой, клиент так же не скрывал своего удовольствия от достигнутого результата. По следующей картинке мне стало понятно, что выйдя из зала парикмахерской мужчина встретился со своим скорее всего братом близнецом, они обменялись парой фраз по поводу работы мастера, а затем в зал вошел второй брат близнец с тем же желанием подстричься. Соответственно выглядит реакция парикмахера, он не скрывает своего удивления, а братья близнецы уже привыкли к такому развитию событий, возможно их это забавляет, но судя по картинке вида не показывают.

Форма текста: письменный

Вид текста: несюжетный

На этом изображении я вижу лицо мужчины, которому на вид около 40-45 лет, возможно больше. Черты лица полагаю славянские. Глядя на картинку можно предположить, что мужчина принимает душ, быть может после долгой дороги. Видно, что он давно не брился и не подстригался. Глаза его закрыты, но по выражению его лица у меня сложилось впечатление, что он очень спокоен и умиротворен, возможно строит планы на ближайшее будущее или спокойно обдумывает недавние события.

Рассматривая это изображение можно предположить два варианта, а именно, что мужчина принимает душ и вариант номер два это, что он попал под дождь. Я склонен считать, что мужчина принимает душ. Такое впечатление складывается при более внимательном просмотре изображения, где видно, что вода стекает с головы мужчины словно он стоит под лейкой душа, а не равномерно над ним, как это происходит во время дождя.

Информант № 13

пол: женский, образование: высшее, возраст: 26 лет

Форма текста: устный

Вид текста: сюжетный

Я вижу на картинке/ целую историю// Начинается она с того что человек/ с очень большой шевелюрой на голове приходит к парикмахеру/ снимает шляпу/ с не очень довольным лицом садится/ к парикмахеру// Парикмахер/ подняв нос кверху/ гордо/ приступает к своей работе// На картинке видно как ножницы/ двигаются/ я прямо чувствую звук этих ножниц// Вот он подстригает/ очень доволен своей работой// Волосы летят во все стороны/ на полу очень много волос/ потом он еще судя по всему/ приступает к бороде/ тоже ее всю/ остригает/ убирает// В общем-то тут еще одно непонятное действие я предполагаю что он/ может быть волосы из носа удаляет// В общем-то он сделал из человека такого/ красивого/ даже меняется/ мне кажется/ лицо даже взгляд другой на картинке у человека после того/ как у него появилась такая прическа// Выйдя на улицу/ человек судя по всему встречает ну/ либо очень похожего на себя либо может быть брат-близнец/ не знаю/ и тоже приглашает его сходить в парикмахерскую/ по крайней мере/ указывает// Тот приходит/ точно с такой же прической/ как на первой самой картинке// Парикмахер конечно же в шоке// Наверное он думал что сошел с ума/ потому что точно такой же человек снова приходит к нему/ хотя волосы предыдущего клиента еще не убраны с пола//

Форма текста: устный

Вид текста: несюжетный

На изображении я вижу/ человека/ с закрытыми глазами который/ мне кажется/ выныривает из воды/ потому что вокруг лица его брызги и на лице тоже// Может быть он стоит под душем/ не понятно/ только видна часть изображения/ поэтому сложно сказать// Так как глаза закрыты/ либо он находится в душе/ ну не знаю/ погружен в свои мысли/ хотя у него как-то очень/ неестественно приоткрыт рот/ может быть он все-таки выныривает из воды/ то есть/ есть у меня два варианта по этому поводу// Вода стекает/ с его/ щетины потому что он/ ну так/ не выбрит/ щетина можно даже сказать борода// Возраст этого человека/ сложно сказать что он молод/ наверное/ ближе к сорока// Это мужчина/ мне кажется что это мужчина не из России// Ну как-то по чертам лица можно сказать что он/ наверное/ больше европеец/ но не россиянин// Брызги воды/ почему-то ощущение что вода эта не очень теплая// Не знаю/ так кажется// Если все-таки он находится в душе/ непонятно/ то мысли его о чем-то не очень/ мне кажется/ легком/ потому что/ глаза его зажаты/ закрыты/ образуются вокруг глаз такие морщинки/ которые говорят о каких-то/ может быть/ тяжелых событиях в его жизни/ может быть/ он сейчас как раз думает об этих событиях//

Форма текста: письменный

Вид текста: сюжетный

Эту картинку можно назвать «Поход в парикмахерскую» и «Поход в парикмахерскую. Дубль два». Картинка мне напоминает сюжет ретро юмористического фильма, почему-то французского производства. Хотя мужчина, который пришел в парикмахерскую, больше похож на грузина – до работы мастера и на армянина – после. Не знаю, почему у меня такие ассоциации! После работы мастера посетитель выглядит очень ухоженным и довольным. Мастер, очень вежливый, очень аккуратный, тоже доволен своей работой. Этот человек давно работает парикмахером, считает это делом своей жизни и вообще очень важным делом. Он приходит на работу заранее и ждет посетителей. Он чувствует себя художником. Он спокойно встречает посетителя с огромной шевелюрой, зная, что с этим он легко справится. Посетитель же не стесняется своей шевелюры и садится в кресло как царь, выглядит довольно недружелюбно. Новая прическа меняет его лицо полностью, он сам удивлен таким большим изменением. Мастеру приходится сделать столько операций, чтобы сделать посетителя «другим человеком». Пол парикмахерской заполнен волосами посетителя. На рисунке с новой прической он слово сияет. Сияет и лицо мастера. Интересный поворот событий происходит на последних двух картинках. Посетитель выходит из парикмахерской и встречает свою «допарикмахерскую» копию, мужчина судя по всему спрашивает о парикмахерской, посетитель с новой прической указывает на дверь и, возможно, дает положительный отзыв. Он, как ни странно, не удивлен, что он встречает свою копию. Зато этому очень удивлен мастер, который ещё не успел убрать с пола волосы предыдущего лохмача, как пришел ещё один – точно такой же. Непонятно, удивлен ли парикмахер появлению копии предыдущего посетителя или это не так важно в этой картинке, может, он просто удивлен, что снова такая запущенная ситуация, очень обросший мужчина и снова такая же работа. Юмор этой картинки

мне не совсем понятен, это какая-то ретро классика, такие ситуации могут вызвать у меня улыбку только если ситуация воспроизводится на видео и актеру очень мастерски играют. По картинке мне сложно представить всю комичность ситуации.

Форма текста: письменный

Вид текста: несюжетный

На картинке я вижу мужчину средних лет, который вынырнул из воды, либо на него опрокинули ёмкость с водой, по картинке непонятно. Вода брызгами отлетает от него, стекает по лицу. Лицо мужчины небритое. Щетина мокрая и почему-то кажется мягкой. Глаза мужчины зажмурены. Думаю, для него это неприятные ощущения. Хотя сложно сказать, что это неожиданное для него действие, не смотря на зажмуренные глаза, остальные мышцы лица практически в спокойном состоянии. Хочется посмотреть на мужчину, когда он откроет глаза. Такое ощущение, что ещё секунда, и сразу станет понятно по его реакции, он возмутится или улыбнется, потому что ему приятно. Можно представить и другую ситуацию: может быть, он в душе, и он закрыл глаза, потому что просто хочет расслабиться и о чем-то подумать. А вода ему не мешает этого делать. Тем более что на заднем фоне мы видим какие-то разводы, возможно, это капли душа. Возможно, на шее мужчины цепочка, так можно подумать, увидев лёгкий отсвет блестящей полоски. Почему-то мне кажется, этот мужчина не из России, для меня это образ европейского мужчины, например, француза. Вода, кожа, щетина... Мне кажется, этого мужчину кто-то обязательно любит, и если бы эта девушка была рядом – поцеловала бы его, ощутив и на себе капли воды, коснувшись его мокрой щетины. Тихим голосом девушка бы произнесла его имя, на «картавом» французском. Мне кажется, этот мужчина любит спорт, возможно занимается лыжами, лёгкой атлетикой, плаванием. Если плаванием – возможно прямо сейчас происходит тренировка. Этот мужчина кажется мне смелым, решительным, сильным. Он сдержанный в словах, в эмоциях и обещаниях, зато умеет держать слово. Работает он в какой-то компании, не руководитель, но и не простой рабочий. Работу свою он не очень любит, но не знает, как всё изменить. Не смотря на свою решительность во многих вопросах, вопрос с работой он предпочитает оставлять нерешенным. А ещё мне кажется, он хорошо поет, у него низкий красивый голос, но поет он редко, чаще один, не любит петь на публику. В музыке для него важна глубина, в словах песен – смысл. Он не слушает всякую ерунду. Он хорошо и уверенно водит машину, в машине, возвращаясь домой с работы он слушает хорошую музыку. Иногда специально выбирает дорогу подольше, чтобы послушать ещё пару хороших песен.

Информант № 14

пол: женский, **образование:** высшее, **возраст:** 35 лет

Форма текста: устный

Вид текста: сюжетный

На этих картинках/ явно стригут какого-то человека// Изначально волос на нем было много-много/ потом подстригли/ стало совсем мало-мало// И потом он видимо/ рассказал про эту парикмахерскую другому человеку/ потом тот пришел и чем-то напугал парикмахера// То ли еще одним таким же количеством волос/ то ли еще чем// Картинки нарисованы хорошо/ с технической точки зрения// Но/ поскольку мне не совсем понятно чем же все таки в конце концов был так напуган парикмахер/ то посмеяться к сожалению не удастся//

Форма текста: устный

Вид текста: несюжетный

На второй картинке изображен человек/ которого/ то ли окатили водой из ведра/ непосредственно перед фотографированием/ то ли он нырял с головой и теперь вынырнул/ но во всяком случае/ он явно весь облитый водой// Не сказать доволен он этим или не доволен// То что жмурится может быть просто/ следствием того что никому не надо чтобы вода попадала в глаза// Но пожалуй он все таки скорее недоволен// Маленькое замечание/ фотокамера хорошая/ потому что сфотографировать брызги настолько четко получается далеко не всегда//

Форма текста: письменный

Вид текста: сюжетный

Если честно, общий смысл сего комикса от меня ускользает, несмотря на думание, думание и передумание. Вернее, чисто технически отдельные картинки понятно о чем, но вот где мораль, уловить не могу. Ну был весьма волосатый мужик, пошел он постричься, постригли его, побрили

его, он остался доволен, вышел из парикмахерской и рассказал... видимо своему другу (не случайному же прохожему рассказывать), что там-то и там-то хорошо стригут, и тот друг (или кто он там, ну не брат же близнец) тоже пошел стричься, чем, видимо, слегка шокировал парикмахера. А вот где именно то самое «слово «лопата»», после которого надо смеяться, я понять не могу, увы. И вдвойне увы, вряд ли комиксы такого типа и вида бывают в цвете (это не манга, да и ее не всегда в цвете рисуют), так что я даже не могу сказать, насколько похожи должны быть волосатый мужик А (которого подстригли) и волосатый мужик Б (которому рассказали). Если абсолютно похожи, тогда шок парикмахера понять вполне можно, если только приблизительно похожи – тогда совсем непонятно.

Форма текста: письменный

Вид текста: несюжетный

На портрете изображен мужчина, зачем-то политый большим количеством воды. Поскольку не очень понятно, в купальной ли он шапочке и не одетый, или наоборот, то сложно сказать, является ли это моментом после выныривания из бассейна после прыжка с трамплина или просто за что-то хорошее его окатили водой. Одно понятно – он не очень доволен или не очень ожидал такого дела (ну или если прыгал с трамплина, тогда понятно – сосредоточен был). Причем, если его все же полили, то явно не из чашки или кружки, а по меньшей мере из графина, а может и из ведра (и опять же, по виду воды – она холодная, и это действительно вода (или раствор чего-нибудь), а не сироп (слишком жидкая), и не соляная кислота (не морщится дяденька)). Опять же, что-то подсказывает, что поливание водой было даже не от жары, ну или по крайней мере, человек не рассчитывал спастись так, а вариантов, за что еще он мог быть полит ровно столько, на сколько хватит моей буйной фантазии (опять же, скорее всего, полив произошел не при официальных обстоятельствах – откуда там вода и откуда такие страсти, а в более бытовой обстановке). Вот и все мои гнусные мысли по поводу поливки людей из ведра.

Информант № 15

пол: женский, **образование:** высшее, **возраст:** 35 лет

Форма текста: устный

Вид текста: сюжетный

Так/ комикс какой-то очень странный/ ну ладно// На первой картинке/ к парикмахеру/ вернее/ мне кажется/ это цирюльник/ пришел посетитель/ бородатый/ и лохматый// Видимо он попросил/ чтобы его подстригли/ и побрили// Парикмахер его приглашает в кресло// Так/ закрывает его/ как называется/ не знаю/ ну чем-то типа салфетки// Стрижет/ на третьей картинке// Парикмахер доволен/ прямо это/ очень-очень доволен// На следующей/ на четвертой/ получается картинке/ волосы летят во все стороны/ парикмахер стрижет// Так/ дальше/ действие продолжается/ видимо/ парикмахер увлекся// Затем/ на шестой картинке/ видимо/ это уже идет процесс бритья/ он намылил подборода/ своему клиенту// На следующей картинке он его побрил// Так потом/ вот на следующей я не знаю что они делают// Вообще не понятно// Видимо он ему это/ укладывает его/ расчесанные/ вернее/ подстриженные волосы// Так/ далее/ посетитель встает/ он очень доволен/ по-моему/ тем что получилось с его прической/ и тем как его побрили// По-моему парикмахер тоже доволен// И видимо/ парикмахер выходит/ и видит следующего клиента точно такого же// Видимо это тот же дяденька// То ли он оброс/ мгновенно/ то ли он/ то ли/ дяденек было много// И на последней картинке парикмахер удивлен/ что волосы вроде бы есть/ лежат на полу/ он их сметает/ а клиент все равно такой же небритый/ и нестриженный//

Форма текста: устный

Вид текста: несюжетный

Так// Мужчина// На лице у него брызги/ видимо/ то ли он умывается/ то ли он в душе// Он зажмурился// В принципе/ вроде/ доволен// Наверное/ но это явно не дождь/ сверху его так поливает/ это наверное из ведра надо поливать// Мужчина довольно волосатый/ у него кустистые брови/ и борода// Но больше тут ничего не видно особо-то// Какие эмоции он испытывает/ ну мне кажется он доволен// Ну любой человек зажмуривается/ когда ему на лицо попадает вода// Наверное он все-таки моется/ потому что одежду не видно снизу/ а может умывается просто//

Форма текста: письменный

Вид текста: сюжетный

На картинке лицо мужчины средних лет. Он носит усы и бороду, у него лохматые брови и крупный нос. Он зажмурился от попавшей на лицо воды. Наверное, он умывается, или ему плеснули

в лицо водой, но тогда плеснули немало. Он морщится. Капли воды крупные, часть их стекает по лицу, часть разлетелась брызгами в стороны. Видно, что с лица вода стекает приличной струей. Может быть, он облил себя сверху водой из ведра? Вполне возможно, что он пытается освежиться в жаркий день, поливаясь из ведра прохладной водой.

Эта картинка – хорошо сделанный рисунок, больше всего его выдают мелкие волоски бороды. Мужчина вполне симпатичный, уже не молодой. У него пухлые губы, которые чуть приоткрыты. Скорее всего, волосы тёмные, хотя от воды даже светлые волосы кажутся темнее, они коротко подстрижены. Немного видно правое ухо, но сверху его прикрывают волосы. Шея толстая, короткая. Кожа около внешних уголков глаз покрыта мелкими морщинками от того, что мужчина жмурится. Брови сведены вместе, и между ними отчетливо видны более глубокие морщины.

Форма текста: письменный

Вид текста: несюжетный

Лохматый мужчина пришел к парикмахеру, чтобы его побрили и постригли. У него шикарная черная шевелюра, жалко такую стричь. Оба мужчины: парикмахер и клиент выглядят почему-то до смешного торжественно.

Парикмахеру явно нравится его работа, он с удовольствием стрижет клиента. Волосы, состригаемые с головы, летят во все стороны. Сам парикмахер чисто выбрит и аккуратно пострижен. После стрижки волос он обильно намыливает клиенту нижнюю часть лица (явно действие происходит в старые времена, потому что сейчас так не делают), бреет длинным лезвием, держа клиента за нос (интересно, каково было клиенту, когда его за нос держали =)). После финального подравнивания волос на голове, мужчина приподнялся из кресла и с явным удовольствием осмотрел себя в зеркале.

Выйдя на улицу мужчина встретил там свою небритую и нестриженную копию. Похоже, он рассказал ему, как хорошо его постригли и побрили, и второй мужчина решил тоже пойти в ту парикмахерскую. Когда он вошел, бедный парикмахер, который еще даже не успел убрать состриженные с первого мужчины волосы, увидев его, очень удивился, его глаза округлились, и рот приоткрылся в изумлении.

Информант № 16

пол: женский, **образование:** высшее, **возраст:** 43 года

Форма текста: устный

Вид текста: сюжетный

Однажды/ достаточно обросший мужчина/ решил привести себя в порядок/ решил придти/ в парикмахерскую// Значит/ парикмахер вежливо его приветствует/ и предлагает сесть ему в кресло// Значит/ все приготовлено/ да/ можно начинать стрижку// Парикмахер настолько удивлен/ что мужчина распустил/ то есть/ отпустил себе волосы до такой степени что/ пришлось/ парикмахеру/ очень сильно потрудиться// Значит/ сначала он подстриг ему волосы/ волосы разлетаются по всему салону// Затем он решил сбрить бороду/ да/ и/ то есть/ привести мужчину в надлежащий вид// Когда мужчина увидел себя в зеркало/ он не ожидал/ что будет выглядеть именно таким образом// Проходит какое-то время/ мужчина возвращается к парикмахеру/ и парикмахер очень удивлен/ что мужчина приходит в таком же виде/ с такими же обросшими волосами/ и с такой же бородой//

Форма текста: устный

Вид текста: несюжетный

Передо мной лежит/ изображение/ на котором/ представлен мужчина// Возможно идет дождь// А возможно его кто-то облил/ водой/ и ему от этого очень неприятно// Он сжал глаза/ его лицо выражает/ какие-то неприятные ощущения// Возможно очень неприятные/ и от этого/ у него на лице/ виднеются морщины/ на лбу/ в уголках глаз/ то есть/ в носогубном треугольнике// Вода стекает/ брызжет во все стороны/ и/ лицо мужчины обросшее//

Форма текста: письменный

Вид текста: сюжетный

Жили два брата-близнеца, абсолютно одинаковые по внешности, порой их трудно было различить. Они жили в одном доме, но в разных квартирах. Очень часто братья разыгрывали соседей, своих жен. Однажды близнецы решили подшутить над парикмахером, который недавно появился в салоне, куда братья ходили подстригаться.

Как обычно молодые люди отправились в парикмахерскую, один из братьев зашел в салон, а второй отправился в закусочную, чтобы перекусить и выждать время.

Мужчина поприветствовал мастера. Парикмахер предложил ему сесть в кресло. Мастер был в хорошем настроении. Мужчина объяснил мастеру, какую стрижку он бы хотел, попросил еще сбрить бороду. Чувствовалось, что подстригание доставляло огромное удовольствие парикмахеру.

Мужчина настолько оброс, что волосы были повсюду. Ему нравилось, когда парикмахер зачесывал и выстригал волосы, от удовольствия порой даже закрывал глаза. Далее мастер напенил мужчине лицо, аккуратными движениями выбрил щетину. И последний штрих: нужно красиво причесать волосы! Теперь все готово. Когда мужчина заглянул в зеркало, то был приятно удивлен, кажется, он даже помолодел на несколько лет. Мастер тоже был доволен. Поблагодарив и рассчитавшись с парикмахером, мужчина, счастливый и довольный, отправился к брату. А тот его уже поджидал у входа в салон. Он тоже поразился, насколько хорошо был подстрижен брат. Мастер убирал только что состриженные волосы, когда мужчина вошел в парикмахерскую. Парикмахер был просто ошеломлен. Перед ним стоял тот же самый мужчина, который только что был у него: обросший, небритый. Подбородок мастера вытянулся, рот непроизвольно раскрылся, а глаза от удивления округлились... это был он...этого не может быть...

Форма текста: письменный

Вид текста: несюжетный

Молодой человек, дождавшись очередного отпуска, решил уехать на отдых в теплые страны. Мужчина был не один. У него совсем недавно появилась девушка. Чтобы как-то сблизиться с ней, он пригласил ее поехать вместе с ним. Молодые люди устроились в роскошном отеле, окруженном прекрасным лесом и большим парком, с открытым бассейном и фитнес-центром, как раз все то, что было нужно молодым. Рядом с ними в отеле разместились пара, они, как оказалось, тоже были из России, чему и те, и эти отдыхающие были несказанно рады. Каждый из молодых нашел себе по душе занятия и развлечения. Все было очень хорошо!

Однажды молодые люди вместе решили отдохнуть на берегу моря. Был чудный вечер, вино, хорошая музыка. Ничто не предвещало беды...

Подул резкий ветер, но при этом все еще было тепло и спокойно у моря, постепенно ветер усиливался, вдруг нахлынула огромная волна. Молодые люди даже не успели что-то друг другу сказать, как гигантская волна накрыла их. Начался ужасный шторм. Казалось, что небо и земля слились в одно целое. Невозможно было определить, сколько времени длился шторм. Только одному из отдыхающих удалось вырваться из морской лавины. Его выбросило на берег. Ветер продолжал бить холодным валом по берегу.

Мужчина пришел в себя от сильного удара волной. Ему было больно, холодно и неприятно. Он не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Боль была невыносимой. Ему казалось, что по лицу бил ледяной дождь, потому что ему было очень больно. Мужчина с трудом вспомнил, что произошло, ему стало не по себе. Страх, одиночество и боль завладели мужчиной. Теперь нужно было как-то встать на ноги и искать свою девушку, друзей. Страшно подумать о том, что их больше нет. От отчаяния и бессилия мужчина сильно зажмурил глаза...

Вдруг его позвал чужой, незнакомый голос. Это были спасатели... Один из них помог ему подняться на ноги, накинул на него теплый плед, предложил чай... Мужчина забеспокоился, спасатель тут же все понял и сообщил молодому человеку, что его девушка жива и с друзьями все в порядке.

Информант № 17

пол: женский, **образование:** высшее, **возраст:** 40 лет

Форма текста: устный

Вид текста: сюжетный

Мы видим/ некий/ комикс// Да/ ряд картинок/ серию картинок/ которые описывают происходящее/ с одним мужчиной// Итак/ мы видим парикмахерский салон/ парикмахерскую/ салон красоты куда входит/ довольно-таки обросший мужчина/ кавказской или средиземноморской/ внешности/ наружности/ и очень вежливого услужливого парикмахера// Мужчина садится в кресло/ парикмахер с таким уверенным видом оборачивает его пеньюаром и начинается процесс стрижки// Парикмахер довольно воодушевленно щёлкает ножницами/ и начинает приводить шевелюру/ джентельмена в более приличный вид// Мужчина пока что смотрит спокойно вперёд с уверенностью/ поскольку/ волос у него на голове много/а парикмахер любитель своего дела/ процесс затягивается/

и волосы летят в разные стороны/ всё более и более интенсивно// Мужчина получает видимо наслаждение от этого потому что он закрыл глаза/ лицо у него умиротворённое/ то же самое можно сказать и о парикмахере потому что он склонил слегка голову/ в сторону и с улыбочкой продолжает стричь// На следующей картинке мы видим что/ процесс затягивается/ видимо/ и ускоряется судя по всему потому что волос уже огромная/ куча/ руки так и мелькают у парикмахера из стороны в сторону но/ лица клиента мы не видим// Далее вероятно наступает процесс бритья/ потому что мы видим/ что клиент полулёжа сидит/ полулежит в кресле/ на голове у него волос уже достаточно мало и/ парикмахер наносит ему на лицо пену для бритья// На следующей картинке/ парикмахер опасной бритвой/ уничтожает растительность под носом/ у клиента/ который на глазах превращается из такого брутального/ средиземноморского мужчины превращается в среднестатистического такого пухленького буржуа с большим носом// Следующий этап/ это причёсывание/ парикмахер тщательно/ приглаживает волосы клиента щёткой/ наводит последний лоск можно сказать/ клиент смотрит широко-раскрытыми глазами видимо в недоумении// И наконец последний этап// Мы смотрим в зеркало/ парикмахер удовлетворённо держит в руках пеньюар гордо задрав голову/ он доволен своей работой/ клиент полупривстал в кресле/ он себя в зеркале себя явно не узнаёт/ причём нельзя сказать доволен он или не доволен своим/ внешним видом/ скорее поражён// На следующей картинке я/ не очень поняла мы видим этого же самого мужчину вероятно это происходит/ очень быстро/ либо это двойник этого мужчины/ так как возле парикмахерской стоит// Аааа/ всё понятно/ теперь я поняла// Как только этот подстриженный товарищ вышел из парикмахерской/ тут же он встречает/ совершенно аналогичного/ обросшего/ мужчину/ с такой же шевелюрой/ с такими же кустистыми бровями как были у него/ не так давно/ и он приглашает его в салон/ указывает путь/ видимо рекомендует хорошего мастера// И наконец на последней картинке/ мы видим/ как утомлённый измождённый парикмахер на дрожащих полусогнутых ногах сметает/ кучу волос оставшихся от предыдущего клиента и тут с ужасом видит/ что к нему пришёл следующий столь же трудоёмкий экземпляр// Он/ не очень рад видимо такому клиенту//

Форма текста: устный

Вид текста: несюжетный

Так/ фотография/ чёрно-белая фотография мужчины/ ну наверно/ тридцать/ с/ под сорок может быть/ может быть чуть-чуть за сорок// Мужчина с закрытыми глазами/ вероятно/ брызги воды/ но не понятно/ то ли это специально так скажем/ рекламный ролик/ то ли он не ожидал/ но судя по лицу он большого удовольствия от этого не испытывает// Мужчина зарос/ такой трёх-пятидневной полуседой щетиной/ брови у него достаточно кустистые/ губы/ глаза зажмурены/ губы плотно сжаты/ вероятно он/ скорее всего не ожидал/ что на него польётся вода/ а может быть он под душем стоит/ в общем не совсем понятно но какого-то особого кайфа он не испытывает// Вот/ брызги воды/ очень так живописно хорошо сняты/ не знаю даже что ещё сказать/ не очень такая счастливая оптимистичная картинка хотя может я ошибаюсь//

Форма текста: письменный

Вид текста: сюжетный

Перед собой я вижу серию юмористических картинок из жизни цирюльника, Дело происходит, вероятно, в Италии или Испании, судя по внешности героев. Итак, в парикмахерскую входит колоритный мужчина, который, если судить по его густой черной шевелюре и черной щетине, довольно давно не прибегал к услугам цирюльника. Оборудование парикмахерской позволяет отнести происходящее к 30-50 годам 20 века.

Итак, наш герой садится в кресло, а услужливый парикмахер с уверенной улыбкой накрывает его пеньюаром. Мужчина сидит спокойно и терпеливо, готовясь к длительной процедуре. Парикмахер энергично щелкает ножницами и приступает к работе. Его движения точны и уверены, волосы клиента летят во все стороны. Однако простой стрижкой тут не обойтись. Руки мастера мелькают все быстрее, вокруг кресла разлетаются черные клочки.

Наконец, пришло время побриться. Мастер наносит густую белую пену на лицо довольного клиента и приступает к работе. Он аккуратно бреет мужчину опасной бритвой, тщательно обрабатывая все лицо, а затем причёсывает его. Стрижка сотворила чудо: из зеркала смотрит вполне заурядный мужчина средних лет, утративший весь свой южный колорит. Мастер доволен своей работой: он с удовлетворением созерцает результат своих усилий, стоя за креслом.

Следующий кадр: наш преобразившийся знакомый стоит на улице и беседует со женщиной, который выглядит точь-в-точь, как он сам до посещения парикмахерской: густая лохматая шеве-

люра, небритое лицо. В общем, вылитый мафиози. Наш клиент указывает на дверь в парикмахерскую, вероятно, рекламируя чудесного мастера. И вот, усталый парикмахер, еще не успевший убрать кучу волос, оставшихся от предыдущего клиента, с ужасом видит в дверях нового, с которым тоже придется изрядно повозиться.

Форма текста: письменный

Вид текста: несюжетный

На картине мы видим мужчину средних лет, который жмурится от того, что на него льется вода. Этот мужчина, вероятно, занимается спортом, путешествует, в общем, ведет активный образ жизни. Очевидно, то за плечами у него богатый жизненный опыт: в волосах и щетине блестит седина. Жизнь его богата событиями, но он не утомлен этим, а наслаждается каждым мигом. У него волевое лицо, крупный нос, полные губы. Щеки и подбородок покрыты трехдневной щетиной, в волосах блестят капельки воды. Вода стекает по лицу мужчины прозрачными струйками, прохладная и чистая.

По выражению лица трудно сказать, какие эмоции испытывает герой: приятно ли ему освежиться прохладной водой в жаркий день или он стоит под душем, чтобы смыть с себя дневную усталость. Возможно, эта картина могла бы послужить прекрасной рекламой минеральной воды или геля для душа.

Информант № 18

пол: женский, **образование:** высшее, **возраст:** 53 года

Форма текста: устный

Вид текста: сюжетный

Иван Иванович Иванов проснулся и подумал// А/ не пора ли мне освежиться// А как// Ну конечно/ как женщины нужно идти в парикмахерскую// Это прекрасное дело// Пришел Иван Иванович Иванов// Ему сделали/ шикарную/ величайшую прическу// Над ним трудилась сотня человек// В итоге/ он преобразился// Теперь думает// А/ куда же мне дальше идти// Он посмотрел на себя/ и решил также работать парикмахером/ но/ когда на него посмотрел/ парикмахер/ мне кажется/ что волосы также быстро выросли// Это было удивительно//

Форма текста: устный

Вид текста: несюжетный

Какой прекрасный милый человек/ но немножко страшный// Нос картошкой/ а может быть колбаской// Он закрыл глаза/ и о чем же он думает/ об этом уже никто не знает// Этот человек похож немножко на древних людей// Мне кажется/ он или алангасар/ или зерпал// Интересно/ он южный или северный// Мне кажется/ все таки он северный// Алангасар// Вот наверное из таких людей выросли горы// Некоторые горы бывают высокие/ некоторые низкие/ а он превратился/ в высокую гору/ и наверное мы по не ходим// А может быть эта гора называется Солдырь//

Форма текста: письменный

Вид текста: сюжетный

Данные рисунки напоминают мне вид написания сочинения по ряду сюжетных картин, которые проводятся в начальной школе. Начало сюжета – господин N пришёл к парикмахеру, который очень достойно выполнил свою работу. Но, ввиду отсутствия юмора, мне непонятен конец действий – бессмысленная работа? А может, господин N не заплатил?

Форма текста: письменный

Вид текста: несюжетный

Когда-то давным-давно на Земле жили Алангасары. Это люди-великаны. Они славились добротой, трудолюбием, четностью. Эти милые создания природы очень бережно относились к матушке-природе, ибо она породила их. Но каким-то образом в места обитания Алангасаров пришли люди. Постепенно своим непристойным поведением, неуважительным отношением к Инмару, Кылдысину, Куазю они вынудили великанов покинуть родные места. А великаны-люди, в силу своей порядочности, не смогли противостоять людям. И постепенно они стали уходить подальше и подальше от непрошенных гостей. По легендам, Алангасары постепенно превратились в горы и холмы.

Как жаль, что последний Алангасар покидает мир людей. С его уходом начнутся различные катаклизмы... Это чувствует великан, но он не может противостоять людям. Оттого ему так грустно, обидно, досадно... Не за себя... Мир катится вниз.

Информант № 19

пол: женский, образование: среднее, возраст: 21 год

Форма текста: устный

Вид текста: сюжетный

Человек приходит в парикмахерскую и/ здороваётся с парикмахером/ и снимает при этом шляпу// Затем/ он садится в кресло/ на него накидывают/ штуку которая закрывает все тело/ чтобы не/ запачкать его ничем// Затем парикмахер берет ножницы и/ расческу/ начинает его расчесывать и аккуратно подстригать волосы// Затем парикмахер/ начинает кропотливо работать/ моет/ ему/ волосы/ бреет его/ подстригает аккуратно/ и делает затем причёску// После того как он делает ему причёску/ он/ снимает/ накидку/ и/ посетитель смотрится в зеркало// Затем он рассказывает другому человеку/ своему другу/ о том что он подстригся в парикмахерской и/ побрился// На следующий день/ друг/ первого посетителя приходит/ и видит что/ парикмахер подстригает его/ и парикмахер был в удивлении/ что первый/ что второй человек похож на первого очень сильно//

Форма текста: устный

Вид текста: несюжетный

На картине/ изображен/ человек/ с щетиной/ с закрытыми глазами сильно зажмуренными // Его/ плеснули/ судя по всему водой/ и он от этого зажмурился/ и по нему течет/ по его лицу течет текёт вода/ и брызги от него отходят// Он испытывает неприятность/ ну неприятно/ холодно/ если это холодная вода/ если это теплая/ то тоже ничего приятного в этом нет//

Форма текста: письменный

Вид текста: сюжетный

Однажды мужчина по имени Джон пришел в лучшую парикмахерскую своего города, для того что бы подстричься и сбрить бороду, которая уже очень густо отросла на лице. Парикмахер радостно его встретил и пригласил усесться поудобнее. Затем парикмахер накрыл его пеньюаром, что бы не испачкать клиента. Мастер взял все необходимые принадлежности и приступил к делу. Достаточно долго парикмахер трудился над причёской своего клиента, было много волос. В последствии мастер перешел на бороду. Нанес пену, побрил и стал завершать свою работу. Причесал клиента и попросил посмотреться в зеркало. Джон был доволен работой мастера. Не успел он выйти из парикмахерской как увидел своего брата близнеца Роберта. Тот был таким же как Джон до похода в парикмахерскую. Джон посоветовал брату сходить в парикмахерскую в которой был только что сам. Роберт зашел в парикмахерскую и мастер чуть не выронил щетку для уборки волос. Ведь он только что стриг брата Роберта.

Форма текста: письменный

Вид текста: несюжетный

На фото изображен мужчина которого облили водой. Ему неприятно в связи с тем, что ему холодно. Он выглядит плохо в связи с тем что он не брит. Данное фото мне не приятно. Т.к изображены человек мне не приятен и он испытывает дискомфорт.

Информант № 20

пол: женский, образование: среднее, возраст: 21 год

Форма текста: устный

Вид текста: сюжетный

Мужчина идет в парикмахерскую/ садится/ парикмахер одевает ему/ полотенце/ как это называется/ ладно/ расчесывает/ берет ножницы// Парикмахер подстригает/ постригает так что волосы/ во все стороны летят// Потом/ клиент садится/ ложится// Парикмахер начинает бороду мылить/ постригает// А это потом совсем другой клиент// Нет он же// Постригает// Опять волосы берет/ постригает// Клиент встает/ смотрит в зеркало// Потом/ приходит опять/ может двойник приходит/ клиент в парикмахерскую/ и снова постригает// А парикмахер в шоке//

Форма текста: устный

Вид текста: несюжетный

Мужчина/ ну/ лет сорока/ обливается водой/ о чем-то думает/ может/ у него какая-то беда/ и он хочет так успокоить себя// Закрыв глаза/ наслаждается этой водой// Нос/ большой/ картошкой/ бородатый// Рот закрыл// Вода/ течет/ по лицу/ по глазам/ по носу// Может он какой-то деловой/ работает в какой-то компании/ и устал после работы//

Форма текста: письменный

Вид текста: сюжетный

Мужчина лет 45 пришел в парикмахерскую подстричься и побриться. Его принял мужик тоже лет 40. Парикмахер общаясь с клиентом усаживает его за стул и одевает специальную накидку, берет ножницы и начинает тщательно выполнять свою работу; подстригает своего клиента, да так что даже волосы летят в разные стороны от такой стрижки.

После чего парикмахер берется за бороду и начинает подстригать и брить.

Вот парикмахер все сделал и расчесывает клиента, клиенту все нравится он смотрит в зеркало.

После чего ушел клиент. После нескольких минут к этому же парикмахеру пришел точно такой же клиент, это был его двойник, о чем парикмахер был очень сильно удивлен.

Форма текста: письменный

Вид текста: несюжетный

В данной картине изображен портрет мужчины лет 40. Я думаю, что он принимает холодный душ, он устал от всего хочет отдохнуть от всей окружающей его суеты, может у него появились нерешаемые проблемы и он думает как он может себе в данной ситуации помочь.

Я думаю, что его имя Александр и он является директором одной из больших предприятий большого города.

Вода течет по его лицу, по его темным волосам и щетине. Он этой процедуры принимает удовольствие, это можно понять смотря на картину, как зажмурил глаза.

У Александра на мой взгляд очень большой нос, и чего он стесняется.

Мне кажется что у него нет семьи. Он очень добрый человек.

Информант № 21

пол: женский, **образование:** среднее, **возраст:** 35 лет

Форма текста: устный

Вид текста: сюжетный

Мужчина лет сорока/ еврейской внешности решил посетить/ парикмахерскую// Парикмахер мужчина/ этих же лет/ берется с энтузиазмом/ за стрижку/ приведение в порядок/ внешности/ мужчины// Стрижка/ бритье/ лица/ приведение в порядок внешности человека// Результат удовлетворительный// А мужчина уходит из парикмахерской/ на улице встречает/ себе подобного/ предыдущего какой он был/ и отправляет его в ту же парикмахерскую// Парикмахер/ в шоке/ изумлен/ что/ такой же внешности человек пришел/ мужчина//

Форма текста: устный

Вид текста: несюжетный

Мужчина средних лет/ с щетиной трехдневной/четырехдневной// Либо ему плеснули в лицо воду/ либо он умывается// Глаза прикрыты// Скорее всего вода холодная/ ему не очень приятно/ от этой воды// Это скорее всего фотография/ моментальная// Он пришел/ после работы/ уставший/ решил умыться/ прохладненькой водичкой/ освежиться//

Форма текста: письменный

Вид текста: сюжетный

На первой картинке рисунок изображен в стиле комиксов.

Мужчина неопрятной внешности посещает парикмахерскую. По его состоянию можно сказать, что он очень нуждается в услугах парикмахера и брадоброя. Оценив ситуацию и объем работы, цирюльник с энтузиазмом берется за объект своей работы. Видно с каким старанием и рвением он выполняет свою работу: тщательно стрижет волосы, бреет бороду, не забывая убрать лишнюю растительность в носу. Выкладываясь "по полной программе", мастер завершает работу. По сияющему лицу клиента, и довольному выражению лица мастера понятно, что результатом удовлетворены оба.

Выходя из парикмахерской, посетитель встречает такого же обросшего мужчину и советует ему заглянуть в этот салон. Чем тот и воспользовался. Мастер был крайне удивлен снова увидеть этого посетителя в первоначальном виде. Ведь он даже еще не успел прибраться после его визита...

Форма текста: письменный

Вид текста: несюжетный

На черно-белой фотографии запечатлено лицо мужчины лет сорока с всплеском воды. Брызги воды разлетаются во все стороны. Скорее всего ему не очень приятно это ощущение, т.к. он съезжился. Либо он умывается холодной водой, либо стакан воды опустошили об его лицо.

На его лице щетина 3-5 дневной давности, по которой стекает вода. Глаза мужчины закрыты – защитный рефлекс.

Полноценно описать состояние человека не могу, т.к. мои познания в физиогномике и психологии скудны.

Информант № 22

пол: женский, **образование:** среднее, **возраст:** 48 лет

Форма текста: устный

Вид текста: сюжетный

Ну/ мужчина пришел в парикмахерскую// Кто-то ему посоветовал что это хорошая парикмахерская/ вот/ я так думаю/ и/ мужчина зашел в парикмахерскую// Парикмахер был в шоке/ потому что он до этого подстригал такого же обросшего мужчину/ да// Ну что ж //Клиент сел в кресло// Парикмахер накинул на него/ пеленочку/ или что/ как это называется/ и начал подстригать// Да/ наверное очень долго он его подстригал// Ну в итоге/ и побрил/ и подстриг/ и мужчина стал хорош// Он себя даже не узнал в зеркале/ да//

Форма текста: устный

Вид текста: несюжетный

Ну на этой картине мужчина// На нем капли воды/ ну как-то/ или в него специально брызнули/ или нечаянно попало/ но он зажмурился// Скорее всего/ наверное/ кто-то/ в него/ брызнул водой/ ага/ потому что он сильно зажмурил глаза// У него эмоции/ ну эмоции наверное/ если это было ожидаемо/ у него/ просто как защитная реакция какая-то/ скорее всего так// Потому что наверное это было ожидаемо что ему/ брызнут/ водой/ в лицо/ потому что он спокоен как-то// Я так считаю// Да/ мужчина бородатый// Зажмурившийся// На/ на правый глаз попало больше воды// Да/ он спокоен/ потому что он наверное он точно ожидал это все// Как-то/ все-таки это непонятно//

Форма текста: письменный

Вид текста: сюжетный

Джим долгое время не ходил в парикмахерскую и очень сильно оброс.

В один прекрасный он все таки решил зайти в салон и подстричься. Джим вошел в салон поздоровался подняв шляпу. Мастер усадил его в кресло, накинул на него фартук и начал подстригать.

Волосы летели во все стороны. Мастер очень долго и кропотливо подстригал Джима. Когда он закончил со стрижкой, мастер предложил Джиму услуги бритья, на что тот согласился. Мастер нанес Джиму на лицо пену для бритья и начал аккуратно сбривать щетину. После того, как с бритьем было закончено, мастер сделал укладку волос. Джим посмотрел на себя в зеркало и не узнал самого себя, ему казалось, что помолодел лет на десять.

Выходя из салона ему на встречу попался такой же бедолага. Джим посоветовал сходить ему в салон, в котором он сам недавно побывал.

Мастер увидев такого же нового посетителя был очень удивлен тому, что мужчины так долго не ходят в парикмахерскую!

Форма текста: письменный

Вид текста: несюжетный

На фото я вижу мужчину примерно 40-45 лет. У него темные волосы, двухнедельная щетина на лице, крепко зажмуренные глаза.

По моему предположению этот мужчина стоит под душем и пытается смыть какую-то боль или какое-либо разочарование в чем-то или ком-то... Можно представить, что от него ушла его любимая женщина, которая покинула его внезапно, не сказав ни слова.

Мужчина вернулся домой после трехнедельной командировки, где служил в спец войсках и был на задании. Придя в квартиру он не обнаружил своей любимой женщины и ее вещей. Мужчина начал ей звонить, но женщина не брала трубку. Механический голос отвечал «Телефон абонента выключен или находится не в зоне действия сети». Тогда он стал звонить ее подругам, но никто не мог сказать точно, где она находится.

«Что могло произойти?». «Почему ушла?». «Почему не оставила записки?». Он задавал сам себе вопросы и не мог на них ответить. Не было никаких признаков того, что она хочет от него уйти.

Спустя две недели женщина позвонила ему с незнакомого номера сама и сообщила, что уехала в другой город, чтобы он ее не искал, и самое главное, что она встретила другого человека.

В тот момент мужчина испытал очень сильные эмоции, такие как боль от предательства, разочарование от того, что не увидел те признаки, которые были на виду...

Информант № 23

пол: женский, **образование:** среднее, **возраст:** 43 года

Форма текста: устный

Вид текста: сюжетный

Мужчина обратился в парикмахерскую за помощью/ к мастеру-профессионалу// Он попросила чтобы его/ подстригли/ побрили/ и навели марафет/ так как/ мужчина собрался идти на свидание/ к любимой женщине// Но мастер был/ в недоумении от того/ что сколько волос можно было отрастить/ и задался таким вопросом/ сколько времени мужчина/ за какое время /мужчина мог отрастить столько волос// После стрижки/ мастер/ побрил мужчину/ сделал ему/ депиляции/ или эпиляцию/ волос носа/ стрижку сделал// Так/ побрил/ подстриг/ в общем навел красоту/ и когда мужчина посмотрелся в зеркало/ он сам себя не узнал каким он красивым стал// Он был очень благодарен мастеру к которому обратился// Он вышел на улицу и его даже прохожие не узнали/ но/ сколько волос после него осталось// И он стал советовать/ своим знакомым/ обращаться именно в эту парикмахерскую//

Форма текста: устный

Вид текста: несюжетный

Я вижу/ на этом/ снимке мужчину// Лет шестьдесят/ шестьдесят пять// У него очень густые брови/ правильная форма лица// Так/ лицо/ заросшее/ бородой/ усами/ неподстриженный// Мужчина чем-то очень огорчен// У него тихонько/ при закрытых глазах/ тихонько текут слезы// И видно/ что он сильно очень переживает/ по поводу случившейся ситуации// Я так думаю что/ что-то у него произошло// Губы плотно сжаты// Нос правильной формы у мужчины// Уши небольшие// Я думаю что/ у него правильная осанка туловища//

Форма текста: письменный

Вид текста: сюжетный

Я вижу на иллюстрации юмористический фильм, вернее комедию о том, что в салон – парикмахерскую мужчина хмурый, бородатый с длинными волосами на голове. Мастер – парикмахер встретил клиента с приветливой улыбкой, предложив ему снять плащ и шляпу, после чего пригласил клиента присесть в кресло. Надевая плащ – фартук на шею клиента мастер поинтересовался, какую стрижку хотел бы сделать мужчина и какие процедуры в парикмахерской его ещё интересуют. Помыв голову клиента, мастер взял ножницы в правую руку, а в левую руку расчёску и приступил к своей работе. Парикмахер, делая стрижку мужчине недоумевал «про себя» как можно запустить себя до такой степени, что его волосы отрасли до такой длины и тем самым он стал похож на первобытного человека. Закончив со стрижкой, парикмахер помыл голову мужчине и приступил к бритью бороды и усов. Намылив пеной щетину лица клиента, мастер сантиметр за сантиметром сбрасывал бороду и усы. Закончив все процедуры, парикмахер снял фартук с шеи мужчины и предложил ему посмотреться в зеркало, сказать всё ли его устраивает. Клиент парикмахерской, взглянув на себя в зеркало от удивления, раскрыл рот и смотрел на себя в зеркало, не мигая огромными глазами, не узнавая себя. Выйдя из парикмахерской, мужчина встретил двойника, тот выглядел так, как выглядел он сам до посещения салона. Когда второй мужчина вошёл в парикмахерскую, мастер, увидев его испугался, подумав «неужели он снова так быстро оброс». А оказалось, что это были совсем разные мужчины, просто напросто не следившие за своей внешностью.

Форма текста: письменный

Вид текста: несюжетный

Я думаю, что этот фильм относится к драме, потому что по выражению лица мужчины видно, что он пережил что – то страшное. Может, потерял кого – то близких, может проблемы на работе, может его, бросила любимая женщина. Волосы тёмно – русые. Лицо круглое, правильной формы. У него высокий широкий лоб, брови широкие, нахмуренные. Глаза очень сильно и плотно зажмурены так, что ему никого не хочется видеть. Видно на иллюстрации что он плачет, но чтобы это как - то от всех скрыть он находится в ванной, набрав большое количество воды, принимает ванну. Нос большой, с небольшой горбинкой. Щёки впалые, на лице глубокие морщины. Уши плотно прижаты к голове, правильной формы. Губы плотно сжаты. На подбородке имеются борода чёрного цвета и усы.

Информант № 24

пол: женский, образование: среднее, возраст: 40 лет

Форма текста: устный

Вид текста: сюжетный

Посетитель пришел/ куда в ресторан/ и после обеда официант ему сказал// Что-то вы неважно выглядите вам надо сходить в парикмахерскую// Клиент пошел в парикмахерскую и попросил сделать меня очень модную стрижку// Значит/ кто у нас/ парикмахер/ взяв ножницы/ посмотрел на него/ и сделал/ и придумал фантастическое название стрижки/ как/ Хард Мейн// Во время стрижки посетитель уснул/ потому что волос было много/ и парикмахер увлекся стрижкой// Так/ после стрижки/ парикмахер решил его еще и побрить// Побрил ему/ под/ бороду/ и в носу тоже сбрил все волосы// Уложил/ причесал остаток волос// Клиент увидев себя в зеркало/ удивился/ что он стал таким молодым// Поблагодарив его он вышел из парикмахерской и на улице встретил самого себя// Прежнего какой он был// Зашёл в парикмахерскую и/ ввел в ужас/ парикмахера//

Форма текста: устный

Вид текста: несюжетный

Мужчина получил печальное известие/ о потере своей семьи/ после аварии// Был/ очень опечален и не понимал что происходит и чтобы/ себя/ придти в себя/ пошел/ значит/ окунул лицо/ в таз с водой или емкость ли которая стояло около него// Вода стекала с его лица и не было видно его слез/ как ему тяжело// И он не знал что делать/ дальше в этой жизни/ оставшись без надежды/ на дальнейшее существование//

Форма текста: письменный

Вид текста: сюжетный

На рисунке изображен комикс. Мужчина выигравший в лотерею большую сумму денег решил пообедать в ресторане заказав самых дорогих блюд которых он никогда не пробовал дорогого вина и очень вкусно отобедал. Пообедав он решил изменить свою жизнь к лучшему и изменить имидж. Поблагодарив официанта и отдав большие чаевые он отправился в парикмахерскую. Парикмахер оценил какую большую работу предстоит ему сделать и на мало времени и сил потратить принялся за работу с очень важным видом стрижка продолжалась очень долго клиент даже уснул. По всей парикмахерской разлетелись его волосы, весь пол был усыпан его волосами. После стрижки парикмахер побрил клиента. Когда мужчина увидел себя в зеркало он увидел, что помолодел на несколько лет и был очень доволен работой парикмахера, выйдя на улицу из парикмахерской в хорошем настроении он решил отправиться в магазин одежды, чтобы приодеться, к нему подошел мужчина похожий на него. Мужчина увидел большое сходство между ними и располагая хорошим настроением, решил разыграть парикмахера и предложил мужчине помочь ему в этом деле, чтобы хоть как то разыграть очень серьезного парикмахера, он предложил ему также оплатить ему стрижку и то что его побреют. Показал дорогу где эта парикмахерская находилась, и мужчины распрощались, каждый в предвкушении и с чувством чего-то хорошего внутри. Один в хорошем расположении духа и веселом настроении отправился в магазин а другой направился в парикмахерскую радуясь тому что ему попался такой добрый и щедрый человек что в его жизни было большой редкостью. Когда мужчина вошел в парикмахерскую то очень шокировал парикмахера от удивления он открыл рот и выпучил глаза, долго не мог прийти в себя так как он только что постриг и побрил его а он снова вошел какой был до стрижки.

Форма текста: письменный

Вид текста: несюжетный

Глядя на рисунок на котором изображен мужчина я вижу на его лице боль, которую он чувствует от потери своей семьи. Он остался один не кому не нужный. Он очень сильно любил и продолжает любить их, но решение о расставании и об отъезде в другой город было однозначно. Жена с детьми ушла от него забрав все дом, квартиру, оставив его одного не с чем, но для него это было все мелочи, ведь все для кого он жил и работал это была его семья все свое время он отдавал работе чтобы семья не нуждалась не в чем, он брался за любые большие заказы и даже покидал родную страну, что бы обеспечить им хорошее будущее но работая и не уделяя внимания своей семье он ее потерял и остался один. Каждому человеку нужно внимание а детям особенно и жене, иначе она уйдет к другому как и получилось с ним, горечь утраты от потери семьи сводила его с ума, ему было очень больно и хотелось реветь и орать от боли, и чтобы никто не видел его слез он закрылся в ванной встал под холодный душ, чтоб хоть как то отвести от себя дурные мысли. Сейчас он не видел

никакого смысла в своем дальнейшем существовании он очень любил их но не понимал, что любовь заключается не в финансовом благополучии а во внимании, и быть рядом с любящими тебя людьми. Ради кого и для кого сейчас ему остается жить? Говорят мужчины не плачут это не правда они просто стесняются своих слез или бояться показать, что они слабые, но они такие же как и женщины они очень чувствительные и им тоже бывает больно. Он просто скрывает свои слезы. Хотя сильный мужчине без стеснения может и порадоваться и поплакать не скрываясь. Но боль которую чувствует мужчина на рисунке я до конца не смогу передать словами это очень больно и мне его жаль чисто по-человечески и как поддержать его в этой ситуации не кто не знает, но если он сильный он все выдержит и прорвется я верю он сильный просто кто то из друзей должен быть рядом и подставить свое плечо и дать руку помощи.

Это все что я вижу.

Таблица. Частоты грамматических значений глагола для каждого текста, отн.

№ информанта	1	1	1	1	2	2	2	2	3	3	3	3	4	4	4	4	5	5	5	5	6	6	6	6
Форма текста	устн.	устн.	письм.	письм.	устн.	устн.	письм.	письм.	устн.	устн.	письм.	письм.	устн.	устн.	письм.	письм.	устн.	устн.	письм.	письм.	устн.	устн.	письм.	письм.
Вид текста	несюж.	сюж.	несюж.	сюж.	несюж.	сюж.	несюж.	сюж.	несюж.	сюж.	несюж.	сюж.	несюж.	сюж.	несюж.	сюж.	несюж.	сюж.	несюж.	сюж.	несюж.	сюж.	несюж.	сюж.
Пол	М	М	М	М	М	М	М	М	М	М	М	М	М	М	М	М	М	М	М	М	М	М	М	М
Возраст. группа	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2
Образование	Выс.	Выс.	Выс.	Выс.	Выс.	Выс.	Выс.	Выс.	Выс.	Выс.	Выс.	Выс.	Выс.	Выс.	Выс.	Выс.	Выс.	Выс.	Выс.	Выс.	Выс.	Выс.	Выс.	Выс.
СВ	0,375	0,300	0,667	0,302	0,500	0,865	0,756	0,644	0,182	0,083	0,278	0,462	0,571	0,600	0,500	0,188	0,167	0,048	0,200	0,250	0,143	0,385	0,364	0,167
НСВ	0,625	0,700	0,333	0,698	0,500	0,135	0,244	0,356	0,818	0,917	0,722	0,538	0,429	0,400	0,500	0,813	0,833	0,952	0,800	0,750	0,857	0,615	0,636	0,833
Переходный	0,250	0,633	0,667	0,472	0,591	0,568	0,415	0,644	0,545	0,750	0,611	0,308	0,714	0,533	0,389	0,594	0,500	0,333	0,400	0,583	0,286	0,385	0,409	0,467
Непереходный	0,750	0,367	0,333	0,528	0,409	0,432	0,585	0,356	0,455	0,250	0,389	0,692	0,286	0,467	0,611	0,406	0,500	0,667	0,600	0,417	0,714	0,615	0,591	0,533
Возвратный	0,500	0,133	0,167	0,377	0,364	0,270	0,244	0,156	0,182	0,000	0,167	0,179	0,000	0,200	0,111	0,125	0,333	0,476	0,200	0,167	0,429	0,462	0,227	0,300
Невозвратный	0,500	0,867	0,833	0,623	0,636	0,730	0,756	0,844	0,818	1,000	0,833	0,821	1,000	0,800	0,889	0,875	0,667	0,524	0,800	0,833	0,571	0,538	0,773	0,700
Действ. залог	0,875	0,867	1,000	0,887	0,773	0,784	0,780	0,844	0,909	1,000	0,722	0,795	0,857	0,933	0,778	0,813	0,667	0,952	1,000	0,958	1,000	0,769	0,750	0,900
Страд. залог	0,000	0,000	0,000	0,038	0,000	0,081	0,024	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,023	0,000
Жен. род	0,125	0,033	0,167	0,038	0,000	0,054	0,293	0,000	0,000	0,000	0,111	0,154	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,045	0,067
Муж. род	0,250	0,200	0,167	0,226	0,227	0,378	0,293	0,622	0,091	0,083	0,111	0,282	0,286	0,533	0,389	0,063	0,167	0,095	0,400	0,208	0,286	0,231	0,114	0,167
Ср. род	0,000	0,000	0,000	0,038	0,045	0,135	0,122	0,022	0,000	0,000	0,056	0,205	0,000	0,067	0,000	0,031	0,000	0,000	0,000	0,042	0,000	0,000	0,000	0,000
Наст. время	0,375	0,467	0,333	0,604	0,455	0,000	0,000	0,089	0,818	0,917	0,444	0,051	0,429	0,333	0,389	0,719	0,500	0,810	0,600	0,667	0,571	0,538	0,409	0,700
Прош. время	0,500	0,200	0,667	0,321	0,273	0,838	0,805	0,756	0,091	0,083	0,222	0,744	0,429	0,600	0,389	0,094	0,167	0,095	0,400	0,292	0,429	0,231	0,182	0,200
Буд. время	0,000	0,067	0,000	0,000	0,045	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,056	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,048	0,000	0,000	0,000	0,000	0,182	0,000
Изъяв. накл.	1,000	0,933	1,000	0,981	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	0,857	1,000	0,977	1,000
Повел. накл.	0,000	0,067	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,023	0,000
Сослаг. накл.	0,000	0,000	0,000	0,019	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,143	0,000	0,000	0,000
1 лицо	0,125	0,067	0,000	0,094	0,045	0,000	0,000	0,000	0,091	0,000	0,056	0,000	0,143	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,023	0,000
2 лицо	0,000	0,067	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,026	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,143	0,000	0,023	0,000
3 лицо	0,250	0,467	0,333	0,509	0,409	0,000	0,024	0,089	0,636	0,917	0,444	0,026	0,286	0,267	0,389	0,719	0,500	0,857	0,600	0,667	0,429	0,538	0,545	0,633
Ед. число	0,750	0,867	0,500	0,792	0,636	0,568	0,683	0,711	0,636	0,917	0,611	0,667	0,714	0,800	0,778	0,781	0,583	0,810	0,800	0,833	1,000	0,769	0,568	0,700
Мн. число	0,000	0,033	0,500	0,132	0,091	0,270	0,122	0,133	0,182	0,000	0,111	0,154	0,000	0,000	0,000	0,031	0,083	0,143	0,200	0,083	0,000	0,000	0,205	0,133

Таблица. Продолжение.

№ информанта	7	7	7	7	8	8	8	8	9	9	9	9	10	10	10	10	11	11	11	11	12	12	12	12
Форма текста	устн.	устн.	письм.	письм.	устн.	устн.	письм.	письм.	устн.	устн.	письм.	письм.	устн.	устн.	письм.	письм.	устн.	устн.	письм.	письм.	устн.	устн.	письм.	письм.
Вид текста	несюж.	сюж.	несюж.	сюж.	несюж.	сюж.	несюж.	сюж.	несюж.	сюж.	несюж.	сюж.	несюж.	сюж.	несюж.	сюж.	несюж.	сюж.	несюж.	сюж.	несюж.	сюж.	несюж.	сюж.
Пол	М	М	М	М	М	М	М	М	М	М	М	М	М	М	М	М	М	М	М	М	М	М	М	М
Возраст. группа	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2
Образование	Сред.	Сред.	Сред.	Сред.	Сред.	Сред.	Сред.	Сред.	Сред.	Сред.	Сред.	Сред.	Сред.	Сред.	Сред.	Сред.	Сред.	Сред.	Сред.	Сред.	Сред.	Сред.	Сред.	Сред.
СВ	0,500	0,741	0,615	0,367	0,500	0,313	0,481	0,320	0,111	0,214	0,143	0,462	0,333	0,080	0,474	0,258	0,316	0,571	0,370	0,346	0,286	0,917	0,235	0,538
НСВ	0,500	0,259	0,385	0,633	0,500	0,688	0,519	0,680	0,889	0,786	0,857	0,538	0,667	0,920	0,526	0,742	0,684	0,429	0,630	0,654	0,714	0,083	0,765	0,462
Переходный	1,000	0,519	0,462	0,467	0,750	0,500	0,630	0,480	0,333	0,643	0,500	0,346	0,222	0,760	0,684	0,710	0,316	0,571	0,370	0,577	0,357	0,500	0,588	0,385
Непереходный	0,000	0,481	0,538	0,533	0,250	0,500	0,370	0,520	0,667	0,357	0,500	0,654	0,778	0,240	0,316	0,290	0,684	0,429	0,630	0,423	0,643	0,500	0,412	0,615
Возвратный	0,000	0,296	0,282	0,233	0,250	0,063	0,148	0,280	0,556	0,214	0,214	0,192	0,556	0,080	0,263	0,097	0,316	0,143	0,444	0,269	0,643	0,250	0,235	0,346
Невозвратный	1,000	0,704	0,718	0,767	0,750	0,938	0,852	0,720	0,444	0,786	0,786	0,808	0,444	0,920	0,737	0,935	0,684	0,857	0,556	0,731	0,357	0,750	0,765	0,654
Действ. залог	1,000	0,778	0,769	0,867	1,000	0,875	0,593	0,880	0,333	0,929	0,929	0,885	1,000	0,920	0,684	0,935	0,789	0,810	0,667	0,577	0,714	0,833	0,824	0,923
Страд. залог	0,000	0,074	0,000	0,033	0,000	0,063	0,000	0,000	0,111	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,037	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000
Жен. род	0,000	0,037	0,205	0,000	0,125	0,063	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,038	0,000	0,000	0,000	0,032	0,000	0,000	0,000	0,038	0,000	0,000	0,000	0,000
Муж. род	0,000	0,593	0,308	0,400	0,250	0,313	0,185	0,080	0,222	0,143	0,429	0,577	0,222	0,080	0,158	0,258	0,105	0,429	0,074	0,000	0,357	0,750	0,176	0,462
Ср. род	0,000	0,000	0,051	0,000	0,000	0,000	0,000	0,040	0,000	0,000	0,071	0,115	0,000	0,000	0,000	0,032	0,158	0,000	0,111	0,038	0,000	0,000	0,059	0,077
Наст. время	0,500	0,111	0,077	0,500	0,375	0,500	0,148	0,720	0,222	0,786	0,429	0,038	0,667	0,840	0,474	0,677	0,526	0,333	0,407	0,423	0,286	0,000	0,588	0,269
Прош. время	0,500	0,741	0,692	0,400	0,500	0,375	0,407	0,160	0,222	0,143	0,500	0,846	0,333	0,080	0,211	0,258	0,263	0,429	0,222	0,077	0,357	0,833	0,235	0,654
Буд. время	0,000	0,000	0,000	0,000	0,125	0,063	0,037	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,048	0,074	0,038	0,071	0,000	0,000	0,000
Изъяв. накл.	1,000	1,000	0,974	1,000	1,000	0,938	0,963	1,000	1,000	1,000	0,857	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	0,926	0,846	1,000	1,000	1,000	0,962
Повел. накл.	0,000	0,000	0,026	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,038	0,000	0,000	0,000	0,038
Сослаг. накл.	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,063	0,037	0,000	0,000	0,000	0,143	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,074	0,115	0,000	0,000	0,000	0,000
1 лицо	0,250	0,037	0,051	0,000	0,000	0,063	0,037	0,000	0,111	0,071	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,053	0,048	0,037	0,038	0,143	0,000	0,118	0,038
2 лицо	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,038	0,000	0,000	0,000	0,000
3 лицо	0,250	0,074	0,051	0,500	0,500	0,500	0,148	0,680	0,111	0,714	0,429	0,038	0,667	0,840	0,368	0,645	0,368	0,238	0,444	0,423	0,214	0,000	0,412	0,192
Ед. число	0,500	0,667	0,564	0,867	0,625	0,938	0,296	0,720	0,333	0,929	0,786	0,808	0,778	0,880	0,474	0,806	0,684	0,714	0,593	0,385	0,714	0,750	0,765	0,692
Мн. число	0,500	0,148	0,154	0,033	0,375	0,000	0,296	0,120	0,111	0,000	0,071	0,038	0,222	0,000	0,158	0,065	0,000	0,000	0,074	0,192	0,000	0,083	0,000	0,231

Таблица. Продолжение.

№ информанта	13	13	13	13	14	14	14	14	15	15	15	15	16	16	16	16	17	17	17	17	18	18	18	18
Форма текста	устн.	устн.	письм.	письм.	устн.	устн.	письм.	письм.	устн.	устн.	письм.	письм.	устн.	устн.	письм.	письм.	устн.	устн.	письм.	письм.	устн.	устн.	письм.	письм.
Вид текста	несюж.	сюж.	несюж.	сюж.	несюж.	сюж.	несюж.	сюж.	несюж.	сюж.	несюж.	сюж.	несюж.	сюж.	несюж.	сюж.	несюж.	сюж.	несюж.	сюж.	несюж.	сюж.	несюж.	сюж.
Пол	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж
Возраст. группа	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2
Образование	Выс.	Выс.	Выс.	Выс.	Выс.	Выс.	Выс.	Выс.	Выс.	Выс.	Выс.	Выс.	Выс.	Выс.	Выс.	Выс.	Выс.	Выс.	Выс.	Выс.	Выс.	Выс.	Выс.	Выс.
СВ	0,190	0,111	0,321	0,278	0,500	0,600	0,267	0,480	0,100	0,357	0,375	0,593	0,286	0,583	0,597	0,519	0,308	0,173	0,333	0,212	0,214	0,588	0,556	0,600
НСВ	0,810	0,889	0,679	0,722	0,500	0,400	0,733	0,520	0,900	0,643	0,625	0,407	0,714	0,417	0,403	0,481	0,692	0,827	0,667	0,788	0,786	0,412	0,444	0,400
Переходный	0,429	0,481	0,585	0,583	0,375	0,400	0,333	0,440	0,300	0,571	0,375	0,556	0,429	0,667	0,339	0,385	0,538	0,654	0,389	0,485	0,214	0,294	0,444	0,600
Непереходный	0,571	0,519	0,415	0,417	0,625	0,600	0,667	0,560	0,700	0,429	0,625	0,444	0,571	0,333	0,661	0,615	0,462	0,346	0,611	0,515	0,786	0,706	0,556	0,400
Возвратный	0,333	0,185	0,208	0,139	0,250	0,200	0,200	0,160	0,400	0,143	0,500	0,185	0,000	0,167	0,242	0,212	0,154	0,135	0,333	0,182	0,214	0,294	0,278	0,200
Невозвратный	0,667	0,815	0,792	0,861	0,750	0,800	0,800	0,840	0,600	0,857	0,500	0,815	1,000	0,833	0,758	0,788	0,846	0,865	0,667	0,818	0,786	0,706	0,722	0,800
Действ. залог	0,810	0,963	0,774	0,778	0,750	0,800	0,867	0,600	0,800	0,857	0,938	0,741	1,000	0,667	0,774	0,827	0,846	0,923	0,722	0,818	0,857	0,765	0,778	1,000
Страд. залог	0,000	0,000	0,000	0,028	0,000	0,100	0,000	0,120	0,100	0,143	0,000	0,111	0,000	0,000	0,016	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000
Жен. род	0,000	0,000	0,094	0,000	0,125	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,081	0,000	0,000	0,038	0,111	0,030	0,000	0,059	0,056	0,000
Муж. род	0,000	0,111	0,038	0,111	0,250	0,400	0,400	0,280	0,200	0,214	0,125	0,370	0,286	0,333	0,371	0,538	0,231	0,077	0,000	0,030	0,143	0,471	0,000	0,600
Ср. род	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,200	0,067	0,000	0,000	0,071	0,000	0,037	0,000	0,042	0,226	0,077	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,059	0,000	0,000
Наст. время	0,810	0,852	0,623	0,694	0,250	0,200	0,267	0,280	0,800	0,643	0,688	0,259	0,714	0,250	0,000	0,019	0,462	0,788	0,667	0,727	0,643	0,118	0,222	0,400
Прош. время	0,000	0,111	0,094	0,083	0,500	0,700	0,600	0,440	0,100	0,357	0,250	0,593	0,286	0,375	0,790	0,808	0,231	0,135	0,056	0,061	0,214	0,647	0,500	0,600
Буд. время	0,000	0,000	0,057	0,028	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,042	0,000	0,000	0,154	0,000	0,000	0,030	0,000	0,000	0,056	0,000
Изъяв. накл.	1,000	1,000	0,962	0,972	1,000	1,000	1,000	0,960	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	0,981	1,000	1,000	0,944	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000
Повел. накл.	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000
Сослаг. накл.	0,000	0,000	0,038	0,028	0,000	0,000	0,000	0,040	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,019	0,000	0,000	0,056	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000
1 лицо	0,143	0,148	0,094	0,028	0,000	0,000	0,000	0,120	0,000	0,071	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,231	0,154	0,056	0,030	0,071	0,000	0,056	0,000
2 лицо	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,056	0,000
3 лицо	0,476	0,630	0,472	0,694	0,250	0,300	0,267	0,160	0,600	0,464	0,625	0,222	0,714	0,292	0,032	0,019	0,385	0,615	0,611	0,697	0,429	0,118	0,167	0,400
Ед. число	0,571	0,815	0,642	0,722	0,625	0,700	0,733	0,440	0,700	0,750	0,625	0,556	1,000	0,583	0,661	0,673	0,769	0,673	0,611	0,727	0,500	0,647	0,278	0,600
Мн. число	0,048	0,074	0,038	0,056	0,125	0,200	0,133	0,280	0,000	0,214	0,313	0,296	0,000	0,042	0,113	0,154	0,077	0,212	0,111	0,121	0,214	0,118	0,500	0,400

Таблица. Продолжение.

№ информанта	19	19	19	19	20	20	20	20	21	21	21	21	22	22	22	22	23	23	23	23	24	24	24	24
Форма текста	устн.	устн.	письм.	письм.	устн.	устн.	письм.	письм.	устн.	устн.	письм.	письм.	устн.	устн.	письм.	письм.	устн.	устн.	письм.	письм.	устн.	устн.	письм.	письм.
Вид текста	несюж.	сюж.	несюж.	сюж.	несюж.	сюж.	несюж.	сюж.	несюж.	сюж.	несюж.	сюж.	несюж.	сюж.	несюж.	сюж.	несюж.	сюж.	несюж.	сюж.	несюж.	сюж.	несюж.	сюж.
Пол	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж
Возраст.группа	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2
Образование	Сред.	Сред.	Сред.	Сред.	Сред.	Сред.	Сред.	Сред.	Сред.	Сред.	Сред.	Сред.	Сред.	Сред.	Сред.	Сред.	Сред.	Сред.	Сред.	Сред.	Сред.	Сред.	Сред.	Сред.
СВ	0,333	0,111	0,667	0,781	0,333	0,048	0,333	0,304	0,833	0,375	0,429	0,438	0,636	0,625	0,463	0,710	0,167	0,742	0,333	0,697	0,333	0,880	0,322	0,833
НСВ	0,667	0,889	0,333	0,219	0,667	0,952	0,667	0,696	0,167	0,625	0,571	0,563	0,364	0,375	0,537	0,290	0,833	0,258	0,667	0,303	0,667	0,120	0,678	0,167
Переходный	0,333	0,667	0,333	0,500	0,333	0,571	0,389	0,565	0,333	0,375	0,286	0,563	0,545	0,625	0,366	0,548	0,667	0,452	0,583	0,606	0,500	0,560	0,458	0,519
Непереходный	0,667	0,333	0,667	0,500	0,667	0,429	0,611	0,435	0,667	0,625	0,714	0,438	0,455	0,375	0,634	0,452	0,333	0,548	0,417	0,394	0,500	0,440	0,542	0,481
Возвратный	0,167	0,185	0,000	0,125	0,222	0,190	0,222	0,217	0,333	0,125	0,429	0,250	0,091	0,063	0,098	0,161	0,000	0,258	0,333	0,152	0,000	0,080	0,220	0,204
Невозвратный	0,833	0,815	1,000	0,875	0,778	0,810	0,778	0,783	0,667	0,875	0,571	0,750	0,909	0,938	0,902	0,839	0,833	0,742	0,667	0,848	1,000	0,920	0,780	0,796
Действ. залог	1,000	0,815	0,667	0,750	0,889	0,810	0,833	0,783	0,500	0,875	0,857	0,688	1,000	0,938	0,805	0,839	1,000	0,774	0,750	0,848	0,833	0,880	0,712	0,778
Страд. залог	0,000	0,000	0,333	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,167	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,065	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000
Жен. род	0,000	0,000	0,000	0,031	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,220	0,000	0,000	0,032	0,083	0,000	0,167	0,000	0,068	0,037
Муж. род	0,167	0,111	0,333	0,656	0,222	0,000	0,111	0,304	0,333	0,375	0,143	0,125	0,364	0,813	0,341	0,710	0,000	0,548	0,167	0,667	0,500	0,800	0,237	0,648
Ср. род	0,000	0,000	0,000	0,031	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,364	0,000	0,024	0,065	0,167	0,065	0,000	0,061	0,083	0,040	0,051	0,019
Наст. время	0,667	0,704	0,667	0,000	0,667	0,810	0,667	0,522	0,167	0,500	0,571	0,563	0,091	0,125	0,146	0,032	0,833	0,000	0,500	0,091	0,083	0,040	0,254	0,019
Прош. время	0,333	0,111	0,333	0,719	0,222	0,000	0,167	0,261	0,500	0,375	0,286	0,125	0,818	0,813	0,659	0,806	0,167	0,839	0,250	0,758	0,750	0,840	0,390	0,741
Буд. время	0,000	0,000	0,000	0,031	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,091	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,068	0,019	
Изъяв. накл.	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	0,970	1,000	1,000	1,000	1,000
Повел. накл.	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000
Сослаг. накл.	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,030	0,000	0,000	0,000	0,000
1 лицо	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,167	0,000	0,000	0,000	0,143	0,000	0,091	0,063	0,024	0,000	0,500	0,000	0,083	0,030	0,000	0,000	0,068	0,000
2 лицо	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,056	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,040	0,017	0,000
3 лицо	0,667	0,704	0,667	0,000	0,667	0,810	0,444	0,478	0,000	0,500	0,429	0,563	0,091	0,063	0,146	0,032	0,333	0,000	0,417	0,061	0,083	0,000	0,237	0,037
Ед. число	0,667	0,778	0,667	0,750	0,889	0,762	0,778	0,783	0,333	0,875	0,571	0,688	0,818	0,938	0,780	0,774	0,833	0,645	0,667	0,758	0,833	0,840	0,627	0,722
Мн. число	0,333	0,037	0,333	0,000	0,000	0,048	0,056	0,000	0,167	0,000	0,286	0,000	0,182	0,000	0,024	0,065	0,167	0,129	0,083	0,091	0,000	0,040	0,051	0,056